

Иосиф (Семашко), митрополит Литовский и Виленский: жизнь и служение

К читателям. В начале XXI в. имя митрополита Литовского и Виленского Иосифа (Семашко) известно лишь узкому кругу специалистов-историков. Между тем, это одна из самых масштабных фигур в конфессиональной истории Беларуси. Рожденный в униатстве, получивший польское воспитание и католическое богословское образование, митрополит Иосиф нашел путь спасения в Православии, и всю жизнь посвятил его возрождению в нашей стране после многовекового господства латинства. Его заслуги перед Церковью и белорусским народом неоценимы. Он был инициатором и главным совершителем возвращения к православному вероисповеданию полутора миллионов белорусских и украинских униатов, произошедшего в 1839 г., и в исторической литературе получившего название «воссоединение». С одной стороны, воссоединение униатов с православными является самым большим единовременным миссионерским приобретением Русской Церкви за более чем 1000-летнее ее существование. С другой стороны, оно остановило процесс денационализации белорусов, через унию уходивших в польское католичество и становившихся костельными поляками, освободило их от удушающего чуждого религиозного и культурного влияния, подтолкнуло к духовному и этно-культурному развитию и позволило в исторической перспективе построить суверенное государство. Без преувеличения, служение митрополита Иосифа – это слава Православия, живое свидетельство притягательности Истины, хранящейся в нем. Сверх того, именно высокопреосвященный Иосиф во многом заложил духовный фундамент современной белорусской нации и может с полным правом называться одним из ее «отцов основателей».

Предлагаемое исследование призвано познакомить читателя с основными вехами жизни и служения митрополита Иосифа. Его необходимо предварить краткими сведениями общего характера. С конца XIV в. Православная Церковь в Беларуси оказалась под властью католических правителей сначала Великого Княжества Литовского, а с 1569 г., когда ВКЛ и Польша объединились в единое государство, Речи Посполитой. Неизбежным следствием этого стало наступление католицизма, стремившегося вытеснить Православие из жизни предков нынешних белорусов и украинцев [1]. Давление на Церковь то усиливалось, то по политическим мотивам ослабевало, но никогда не прекращалось. Завершением латинской экспансии стало заключение в 1596 г. в Бресте между частью епископов Киевской митрополии Константинопольского патриархата, в юрисдикцию которого с 1458 г. входила Православная Церковь ВКЛ, и римской церковью унии – церковного союза. Брестская уния создала униатскую, или иначе греко-католическую церковь. Она была призвана заменить собой Православие, подчинялась римскому папе и принимала в полном объеме католическое вероучение. Ее особенностями на первоначальном этапе были некоторая доля канонической автономности, сохранение обрядности, свойственной Восточной Церкви, и церковно-славянского языка богослужения.

Заключение церковного союза с Римом было встречено православными с возмущением и вызвало сильное сопротивление, доходившее до кровавых столкновений. Только благодаря мощной поддержке правительства Речи Посполитой, жестоко преследовавшего православных, уния смогла распространиться и ко второй половине XVIII в. занять широкие позиции. Около 1772 г. греко-католическая церковь в Польше насчитывала 9452 прихода [2], распределенных по 8-ми епархиям. Православные сумели сохранить церковную структуру, но составляли меньшинство. На территории современных Беларуси и Литвы 39% от общего количества белорусов, поляков и литовцев принадлежали униатской церкви, 38% были католиками, 6,5% исповедывали православие, остальные были староверами и протестантами [3]. Из этих данных следует, что в конце XVIII в. не менее 80% белорусов оказались униатами.

Наступление католицизма и введение унии существенным образом исказили и затормозили естественное развитие белорусского народа. С конца X в. наши предки строили свою жизнь на основании православных вероучения и благочестия. Они достигли больших высот в духовной и материальной культуре, создали свои народные традиции. Главным следствием вытеснения Православия из их жизни стала потеря белорусами средневековой культуuroобразующей элиты – аристократии, дворянства и шляхты. Белорусская знать покинула Православие и перешла в костел. Она сделала это отчасти под давлением правительства, дискриминировавшего православных, чтобы не потерять сословные привилегии, отчасти увлеченные идеей превосходства польской культуры и римской веры. Их примеру последовали зажиточные горожане, желавшие сохранить положение, материальное благополучие и «идти в ногу со временем». Этот процесс наметился в конце XVI в. и

принял катастрофические размеры после заключением унии. В костелах белорусские «лучшие люди» быстро полонизировались. Уже во втором поколении они слабо помнили о своих корнях, отождествляли себя с поляками и считали оскорблением напоминание, что они не природные поляки. Уход в католицизм и полонизация средневековой элиты лишил белорусов политической, интеллектуальной и экономической силы, сделал белорусскость достоянием лишь крепостной крестьянской массы и беднейших слоев шляхты и мещан. В этой среде ни белорусская культура, ни белорусский язык не могли нормально развиваться и достичь высокого уровня. К концу XVIII в. белорусская культура оказалась фольклором угнетенных крепостных крестьян, а западнорусский, или как сейчас говорят, старобелорусский язык в 1697 г. потерял государственный статус.

Сейчас активно тиражируется мнение, что греко-католицизм был национальной верой белорусов, что в нем на белорусском языке велись богослужения и проповедь, издавались белорусские книги, беспрепятственно развивалась белорусская материальная культура. Все это чистый вымысел, не подтверждаемый фактами. Богослужение в греко-католической церкви велось на церковно-славянском, а не на белорусском языке. Об этом свидетельствует многочисленная униатская богослужебная литература, напечатанная за все годы существования унии. С ней можно познакомиться, и она хорошо исследована. Униатское делопроизводство после 1697 г. велось на польском. Чтобы убедиться в этом, достаточно посетить архивы. Ко второй половине XVIII в. греко-католическое духовенство и в домашнем обиходе, и в общении с прихожанами использовало польский язык. После воссоединения униатов с православными в 1839 г. было большой проблемой переучить бывших униатских священников говорить проповеди и учить верующих на народном, т.е. белорусском языке. Домашние молитвы униаты читали по-польски и в церквях пели польские костельные песни. Греко-католические священники брили бороды, носили сутаны, одним словом, выглядели как ксендзы. К этому надо добавить, что построенные в XVII – XVIII вв. униатские церкви имели вид костелов, их внутреннее литургическое пространство копировало костельную традицию. Здесь не было иконостасов, висели католические иконы, стояли органы, устроенные по латинскому образцу престолы и проповеднические амвоны, имелись конфессионалы, монстранции, боковые алтари и проч. Внедрение в унию элементов римского обряда получило название латинизации. В этом нет ничего удивительного. Изначально уния задумывалась как средство объединения народов Речи Посполитой общим вероисповеданием. Она должна была стать не проводником Православия в Польшу, а инъекцией католицизма для западнорусских народов. Но польскому католицизму естественно сопутствует полонизм. Поэтому уния с самого начала стояла на пути латинизации всех сторон своей церковной жизни, и была не способна противостоять польскому влиянию. Для латинизации и полонизации унии в 1617 г. при деятельной поддержке иезуитов был специально создан униатский монашеский орден базилиан. Быстрое развитие этих процессов в греко-католицизме затормозили только сопротивление православных и слабость в XVII в. польской власти, занятой войнами с Россией и украинским казачеством. Но уже с начала XVIII в., когда правительство Речи Посполитой укрепило свою власть над территорией современной Беларуси, процесс латинизации и полонизации унии начал очень быстро набирать обороты, особенно после Замойского униатского собора 1720 г. Поэтому утверждение, что уния была национальной религией белорусов не выдерживает критики. Изначально ее идеологами и творцами с польской и католической стороны она задумывалась как средство их денационализации и превращения в католиков.

В то же время надо признать: уния за время существования в Речи Посполитой не сумела превратить белорусов ни в настоящих католиков, ни в костельных поляков, т.е. ее миссия оказалась провалена. Дело в том, что греко-католическая церковь в Речи Посполитой никогда не сумела занять устойчивое, равное с римо-католицизмом положение. Униатская вера и ее смешанный восточно-латинский обряд считались уделом простолюдинов – «хлопской верой». В противоположность католицизм латинского обряда называли «панской верой». Униаты в Польше были католиками второго сорта. Причина кроется в презрительном отношении к ней польского дворянства, польской и полонизированной шляхты и ксендзов. Польские паны и шляхта не хотели молиться в костелах вместе со своими крепостными. Они всячески подчеркивали, что крестьяне, если не в вере, то хотя бы в обряде стоят ниже их. Поэтому католическое высшее общество не слишком стремилось к полному растворению унии в чистом латинстве, предоставляя ее своей судьбе. По мысли Познаньского католического епископа Е. Ликовского: «Большая часть вины за то, что уния в стране (Речи Посполитой – А.Р.) так и не принялась, как приняться могла и была должна, падает также на все тогдашнее польское общество, не понявшее ее возвышенность и значение, и поэтому не только не поддерживавшее ее морально, но в течение долгого времени демонстрировавшее к ней враждебное отношение»^[4]. Презрение панов послужило тому, что под униатской оболочкой униаты по своему мироощущению продолжали оставаться православными и сохраняли народные черты и традиции, сформированные еще Православием. Это, правда, со ссылкой на классиков марксизма-ленинизма признают современные

апологеты унии. «Факт захавання пад уніяцкай абалонкай праваслаўнай веры, – пішет С.В. Морозова, – адзначаны Ф. Энгельсам і пацверджаны шматлікімі крыніцамі»[5]. Помимо прочего отношение польской и полонизированной элиты заставляло белорусов твердо держаться русской самоидентификации. «На вопрос: кто ты? – пишет Я. Карский, – простолюдин отвечает – русский, а если он католик, то называет себя либо католиком, либо поляком...»[6]. Если принимать за факт утверждение, что название Белая Русь и белорусы очень древние, «так называл себя, вероятно, русский народ в Литве, а может быть так его прозвали соседи» уже со времен Ольгерда и даже Гедимина[7], можно сделать вывод: позднее самоназвание «русские» говорит об искусственной приверженности к нему белорусов. Таким способом они защищались от духовно-культурного господства Польши, подчеркивая свою принадлежность к огромной русской семье, что можно назвать глубинным народным западнорусизмом.

В результате 3-х разделов Польши 1772–1795 гг. порядка 60% униатских приходов (от 5600 до 6052, точно неизвестно[8]) оказались в пределах Российской империи. Количество униатов, ставших подданными России, определить трудно, но, исходя из сопоставления данных, собранных разными историками, вероятно, оно составляло от 5 до 6 миллионов человек. Проблемой унии в конце XVIII в. была разная степень ее укорененности на разных территориях. В большинстве регионов Украины, где ей активно противостояло православное казачество, руководители которого взяли на себя роль народной элиты, уния сумела закрепиться только в последние десятилетия перед гибелью Польши. Здесь она не имела ни прочной структуры, ни поддержки населения. В то же время на белорусских землях в силу мощного влияния близкой Польши, экономического, культурного и морального господства над простым народом польских панов, ксендзов и полонизированной шляхты уния пустила более глубокие корни и имела достаточно прочную церковную организацию. В целом уния представляла для России тяжелое наследие Речи Посполитой. Однако в новых общественно-политических условиях, когда униатская церковь лишилась поддержки польской власти, а Православие, наоборот, приобрело государственное покровительство, греко-католицизм показал, что завоеванные им в Речи Посполитой позиции были очень слабыми. За три десятилетия с 1772 по 1803 г. униатство в пользу, как Православия, так чистого католицизма оставили миллионы верующих и тысячи священнослужителей[9]. В основном этот процесс проходил в Украине и лишь немного затронул Беларусь. В итоге к 1807 г. греко-католицизм в пределах Российской империи представлял собой относительно небольшую общину. Она насчитывала от 1425599[10] до 1538890[11] верующих. Число приходов достигало 1436, с 1809 г. распределенных по 4-м епархиям. Духовенство состояло из 1735 приходских и 738 безместных священников, в большинстве живших в Украине. Орден базилиан, включал три провинции: Литовскую, Белорусскую и Русскую. В 1801 г. он состоял из 722 членов и располагал 85 монастырями[12]. Компактно униаты проживали на Севере и Северо-Западе Беларуси в пределах современных Гродненской, Витебской, части Брестской и Минской областей. На Украинских территориях, где к 1803 г. в унии осталось 176 приходов, 195 приходских священников и 94977 верующих[13], униаты жили небольшими разрозненными группами, разбросанными на огромных пространствах.

В первой трети XIX в. будущее унии в России рисовалось в мрачных тонах. Она испытывала большие проблемы во всех сферах: управления, канонического права, образования духовенства, богослужения, состояния храмов, финансовых средств. Однако главная ее проблема заключалась в том, что греко-католическое духовенство разделилось на две враждующие группировки, которые по-разному видели будущее своей церкви. Значительная часть приходских священников хотели ее сохранить. Их интересы пытались выражать митрополит Ираклий Лисовский († 1809), архиепископ Иоанн Красовский († 1827), а также получившие высшее богословское образование в Главной католической семинарии при Виленском университете члены Брестского капитула. Им противостояли базилианские монахи, занявшие в церковных структурах неестественно сильные позиции и монополизировавшие образование и воспитание униатских священников, вышедшие из базилиан епископы и наиболее латинизированная часть низового духовенства. Эта клерикальная группировка деятельно вела унию к растворению в польской католической церкви.

Русская власть, заинтересованная в интеграции приобретенных от Польши территорий не могла повлиять на расклад сил внутри унии, и, в общем, не понимала, что в ней происходит. Высокопоставленные русские чиновники, сами того не подозревая, как правило, оказывались игрушкой в руках базилиан, действовавших интригами, и выступали против интересов России и Православия в угоду латинизаторов унии и полонизаторов белорусов. В свою очередь польские паны имели на унию огромное моральное и экономическое влияние и хорошо знали, что нужно делать.

Помимо прочего, они опасались потери унии, как одного из оснований своего господства над белорусскими крепостными крестьянами, поэтому активно содействовали всему, что стирало различия между римским и униатским обрядом, помогали ксендзам переводить белорусов в костелы и поддерживали своих сторонников в униатском духовенстве. В итоге, за несколько десятилетий под русской властью греко-католицизм полонизировался и латинизировался в гораздо большей степени, чем за два столетия в Речи Посполитой. При этом не менее двухсот тысяч униатов оказались в костелах [14]. Все это вело русский греко-католицизм к перерождению в польский католицизм, а белорусов в костельных поляков. В этом случае о Беларуси в ее нынешнем виде не было бы и речи. Все области компактного проживания белорусов оказались бы исконно польской землей.

В 1827 г. император Николай I и его сотрудники попытались остановить этот процесс. 9 октября 1827 г. Сенатом был издан Указ, призванный восстановить обрядовую чистоту унии и ослабить в ней позиции сторонников латинизации и полонизации. Указ предписывал: 1) не допускать в базилианский орден лиц римо-католического обряда; 2) подвергать испытанию на знание славянского языка и устава греческого богослужения кандидатов на членство в ордене; 3) восстановить первоначальную обрядовую чистоту унии; 4) учредить в греко-католических епархиях училища для духовного юношества с глубоким изучением церковно-славянского языка и славянской службы. Текст указа говорит о новом национальном русском взгляде Петербурга на западные окраины империи. Известный исследователь унии в России П.О. Бобровский, который был племянником известного униатского священника и богослова М. Бобровского, полагает: «С приведением в исполнение основных положений Указа 9-го октября о реформе базилианского ордена должна была прекратиться латинизаторская миссия этого латино-польского института в русской унии... с падением ордена, который эксплуатировал унию для своих собственных чисто латинских интересов, русская уния должна была рано или поздно угаснуть, и русская церковь в западном крае должна была стать вполне русской не только по имени, но и по форме, содержанию и духу» [15]. Такой вывод Бобровского не очень понятен. Указ 9 октября 1827 г. не решал проблем унии. Чтобы предположения П.О. Бобровского осуществились было необходимо чтобы: 1) латинизаторы внутри унии подчинились и выполнили все новые требования правительства и не противодействовали приведению их в жизнь давно испытанными методами интриг и влияния на русских сановников; 2) правительство проявило несвойственную ему в течение всей истории XIX в. последовательность в политике в западных областях империи; 3) польское общество отстранилось от участия в судьбе унии, отдав ее в русские руки. Ожидать исполнения этих условий было нельзя. Поэтому с большой долей уверенности можно говорить: Указ 9 октября 1827 г. мог привести только к всплеску новых страстей внутри и вокруг греко-католической церкви с неясными, а, скорее всего, с прямо противоположными задуманному последствиями. В таких обстоятельствах начал церковное служение будущий архиерей-воссоединитель Иосиф Семашко.

Детские годы, воспитание, образование и начало церковной деятельности (1798 - 1827)

Будущий митрополит Литовский и Виленский, член Св. Синода, Иосиф (в миру Иосиф Иосифович Семашко) родился 25 декабря 1798 г. в селе Павловка Липовецкого уезда Киевской губернии. В тот же день он был крещен своим родным дядей униатским священником Николаем Семашко. В момент его появления на свет в местном православном храме, незадолго до того переделанном из униатской церкви, зазвонили колокола, благовестом призывая православных к Рождественской заутрени. Она в те времена на Украине совершалась по уставу после полуночи. Отец новорожденного – Иосиф Тимофеевич – впоследствии придавал этому обстоятельству промыслительное значение. По свидетельству самого владыки, когда совершенно неожиданно для престарелого отца его сын совершил общее воссоединение униатов, он сказал:

«Видно, не даром родился сын в тот же день, что Иисус Христос... должна быть правда на его стороне»[\[16\]](#).

В родословной высокопреосвященного Иосифа и истории его семьи, при обилии сведений, достаточно много белых пятен. Его дед Тимофей, и отец Иосиф, рукоположенный в 1811 г., т.е. через 13 лет после рождения будущего архиерея-воссоединителя, были униатскими священниками. О том, кем являлись более далекие его предки доподлинно неизвестно. Однако владыка упоминал, что в церкви села Павловки они были пастырями[\[17\]](#). Помимо того, родные братья его отца – Николай, Петр, Фома и Павел – служили священниками в недалеких от Павловки местах, а две сестры были замужем за униатскими священниками. Это было возможно только в случае прочной традиции семьи, из чего следует: Семашко представляли из себя весьма древний западнорусский священнический род. Некоторые биографы полагали, что они принадлежали потомственному дворянству. Такое мнение основывалось на помещенных в I-м томе Записок владыки 2-х документах: «Подлинная грамота царя Алексея Михайловича, данная шляхтичу Мстиславльскому уезда Ивану Семашке, на владение деревнями в Мстиславльском и Оршанском уездах, от 20 августа 1654»[\[18\]](#), и «Выпись из книг земских уезда Винницкого, о заявлении экстракта из Киевского Дворянского Депутатского Собрания, о дворянстве фамилии Семашков, выданная 25 августа 25 августа 1808 за № 464»[\[19\]](#). Вместе с тем, Д.А. Толстой в своем «Очерке служения митрополита Литовского Иосифа» ничего не говорит об его дворянском происхождении, упоминая лишь, что владыка Иосиф родился «от униатского священника»[\[20\]](#). А.Е. Егоров, лично знавший владыку еще в ранней молодости и неоднократно бывавший у него дома, пишет, что Семашко относились к «сельскому сословию»[\[21\]](#). Г.Я. Киприанович, проведя скрупулезное исследование этого вопроса, весьма убедительно доказал, что в Российской империи род Семашко не мог претендовать на потомственное дворянство, хотя ближайшие родственники владыки, в частности его двоюродный брат Яков Николаевич, пытались это делать в первые годы XIX века[\[22\]](#). Они ссылались как на документальные упоминания о благородном образе жизни прадеда и деда владыки, так и на то, что «предки их от времен наидревнейших... привилегиями, присущими шляхте пользовались» и это подтверждено двенадцатью шляхтичами, происхождение которых не вызывает сомнения[\[23\]](#). Конечно, в Российском государстве осуществлявшем «разбор шляхты», особенно после польского восстания 1830-31 гг., этого было недостаточно. Но сам высокопреосвященный в официальном послужном списке, заполненном им в марте 1861 г., несомненно, отдавая отчет в проблематичности данного вопроса, сделал запись о своем происхождении: «Из дворян»[\[24\]](#). Т.е. сам он, а, следовательно, и его родители не сомневались в принадлежности к благородному сословию. Поэтому с достаточной долей уверенности можно утверждать: несмотря на непризнание правительством империи, митрополит Иосиф происходил из старинного украинского шляхетского рода, многие члены которого были священниками, по всей вероятности, сначала в Православной, а затем и в униатской церкви. К этому надо добавить, что мать

Иосифа – Фекла Семеновна – тоже происходила из большой и влиятельной семьи униатских священников Ивановских. Епископ Луцкий Кирилл Сероцинский был ее двоюродным братом и, соответственно, дядей Литовского митрополита. Таким образом, предки Иосифа и многие его родственники по отцовской и материнской линии принадлежали к униатскому духовенству. В начале XIX в. в основном это были безместные священники, т.е. пастыри без паствы. Проживая в гуще православного народа, они, как правило, совершали богослужения или в боковых приделах латинских костелов или в дворовых каплицах польских помещиков, привыкших к славянской службе в базилианских школах, где многие из них получили образование и воспитание^[25].

Семья будущего архиерея-воссоединителя была небогатой, но достаточно состоятельной. Отец наследственно владел 50-юдесятинами земли (1 десятина = 1.09 га.) и обрабатывал ее с помощью наемных работников. Помимо этого, он имел большую пасеку, торговал волами, рыбой, за которой посылал обозы на Дон, а также занимался извозом, т.е. грузоперевозками, и чумачеством, для чего отправлял подводы в Крым за солью.

Уклад жизни семьи был патриархальным в лучшем смысле этого понятия. Дети (всего их было восемь – пять братьев и три сестры) росли в любви. Они воспитывались примером высокого благонравия родителей и с ранних лет приучались к труду. Иосиф был старшим из сыновей и правой рукой отца в хозяйственных делах. В его обязанности по преимуществу входила забота о волах, которых он в свободное от учебы и ночное время должен был пасти и охранять. В этом ему помогали батраки. Г.Я. Киприанович, собравший множество сведений о детстве владыки приводит следующий интересный факт: «На замечание крестьян, зачем отец поручает «паничам» такие трудные работы, он обыкновенно отвечал: пусть прежде поучатся работать, а «пановать» будут после»^[26]. Атмосфере детства, наполненной любовью и трудом, высокопреосвященный приписывал высокое моральное чувство, которое он ощущал в течение всей жизни^[27].

Уже в самом раннем возрасте, в Иосифе обнаружились высокий интеллект и тяга к знаниям. Этому способствовало то, что его отец сумел собрать небольшую библиотеку, в которой были книги в основном исторического содержания, а также Библия. Обучившись грамоте, мальчик серьезно увлекся чтением, так что еще до двенадцатилетнего возраста он по несколько раз перечитал двухтомную историю Рима, и трехтомную Англии, выучив их практически наизусть. Трижды Иосиф прочел книги Священного Писания. У него развилась страсть к чтению. Лучшим удовольствием он считал достать новую книгу. В то время когда его сверстники свободное время проводили в детских забавах и шалостях он, уединившись, впитывал книжную мудрость. Это увлечение оказало на умонастроение и развитие характера будущего владыки огромное влияние. Оно не только оберегло его от «многого, чему предается праздное юношество»^[28], но и посеяло в нем высокие гражданские и религиозные идеалы, а также развило способность сравнивать их с состоянием окружающего общества. Тяга к книжному знанию сочеталась у Иосифа с удивительной в ребенке отрешенностью от мира,

склонностью к уединению и созерцательности, которые со временем только возрастали. Он любил в тишине наблюдать жизнь природы, в одиночестве гулять по окрестностям родного села. Особо его увлекал вид звездного неба, на которое он мог, не смыкая глаз, смотреть часами.

Такие черты: нравственный императив, тонкий пытливый ум и отстраненная наблюдательность, – в совокупности давали юному Семашко возможность глубоко анализировать свой личный опыт и делать самостоятельные выводы, часто наперекор общему мнению. Это оказалось весьма кстати, т.к. детские впечатления Иосифа были очень противоречивыми. Семашко оставались единственными униатами в родной Павловке. Все прочее местное население в 1795-96 гг. решительно покинуло унию и вернулось в православное вероисповедание. В таких условиях родители Иосифа не могли не демонстрировать лояльность Православию. Они это успешно делали^[29], но, в то же время, оставались твердыми униатами. Его мать, которая во время богослужения в православной церкви часто стояла в саду, примыкавшем к стене храма, и молилась в одиночестве, слушая доносившиеся до нее пение, никогда не посещала эту церковь. На недоуменные вопросы детей она неизменно отвечала: «Нам (униатам – А.Р.) не вольно туда ходить»^[30]. Это подтверждает лично знавший семью владыки А.Е. Егоров, но он утверждает, что такого же мнения придерживался и отец будущего митрополита. Он пишет: «На спрос его однажды – почему они туда не ходят молиться? – ему отвечали, что то-де русская церковь, а у них есть свой униатский костел»^[31]. Помимо того, семья Семашко не была полонизирована. Их быт и нравы мало отличались от быта и нравов простых крестьян. Дома они говорили по-украински, мать даже не знала польского языка^[32]. В то же время родители Иосифа в своем представлении и в глазах соседей были шляхтой и принадлежали панскому польскому, а не простонародному украинскому кругу. Отсутствие религиозной и социальной органичности жизни семьи в окружающей среде была быстро замечена разносторонне одаренным мальчиком. Осмысление этой проблемы составляло для него главную задачу в детские и юношеские годы.

Начальное образование будущий Литовский митрополит получил в домашних условиях, а оно в ту эпоху традиционно тесно соединялось с участием детей в церковных службах. В Павловке не было униатского храма, поэтому первые годы жизни его посылали на богослужение в православную церковь. Это привело к тому, что с самых юных лет Иосиф привык к православной службе, всей душой полюбил ее. Одновременно его глубоко тронули глубокая религиозность и высокое благочестие простого украинского православного народа. В 1827 г., будучи уже прелатом, он так описывал свои детские впечатления от православного храма: «Благоговение и усердное моление простого народа, всеобщая благопристойность, важная наружность священника, внятное, величественное богослужение, довольно приятное песнопение клироса, сделали глубокое на меня впечатление – и младое мое сердце напиталось возвышенными понятиями, чувствами и благоговением, толь приличными священной нашей

религии»^[33]. Но с 12 лет, вопреки желанию мальчика, родители запретили ему ходить в церковь и начали возить сына в ближайший латинский костел. Целью было приучить его к католической службе и ввести в свой круг: общество местной знати – польских помещиков и ополяченной украинской шляхты. Латинское богослужение, отношение к религии и нравственности в этой среде произвели на юную душу гнетущее впечатление. Отзываясь о костеле, Иосиф в 1827 г. писал, не жалея темных тонов: «Какое сравнение! Вместо благоговения нашел я холодность, высшим сословиям в отношении к вере обыкновенную; вместо приличия – непристойные коверкания франтов; вместо внятного богослужения – совершенно невразумительное; вместо приятного пения – оглушающие органы с ужасным ревом органисты; наконец, здесь нашел я толстого краснощекого ксендза, которого проказы, помимо моей молодости, из разговоров родителей и других особ довольно мне были известны»^[34]. Это породило в его душе, наполненной книжными идеалами, большое сомнение в религиозной правде католицизма, неприязнь к амбициям, вольности и вообще стилю жизни шляхты. Такое настроение Иосифа усиливалось тем, что, живя в окружении украинских крестьян до 12 лет от роду, он приобщился к устному творчеству этого народа и полюбил его песни, сказки, предания. Но фольклор Украины, более двух столетий служившей ареной кровавой борьбы русских и польских этно-культурных и религиозных начал, не был нейтральным. В нем дышала память о величии Киевской Руси. Был особо популярен многие столетия переходивший из уст в уста героический богатырский эпос. Наряду с этим здесь сквозил пыл трагической борьбы украинцев за национальную и религиозную самобытность против всего польского и самих поляков, как врагов и угнетателей. «Я слушал с участием, – вспоминал впоследствии высокопреосвященный, – рассказы этого народа, прикрашенные едкими сарказмами на своих притеснителей; внимал с детским сочувствием тяжким его стоном – и этот местный дух оставил во мне глубокое впечатление, так что слово: *негидный Лях*, было для меня типом чего-то презренного и ненавистного»^[35]. Отсюда в юной душе рождалось расположение к России и ее народу. Первые впечатления Иосифа от соприкосновения с могуществом русского государства, видимым порядком, царившим в нем, только укрепили его настроение. Митрополит писал в своих воспоминаниях: «Помню еще и ныне, сколь сильно билось мое детское сердце при виде стройных русских войск; помню, сколь высокое понятие внушали мне они о России; помню, с какой отрадою слушал я рассказы старых служивых и русские их песни; помню, как меня малютку, ласкали русские офицеры»^[36].

В итоге, в первые годы жизни в отчем доме вопреки социальному происхождению и религиозной принадлежности, во многом вопреки, а не благодаря воле родителей, в Иосифе возникли глубокие симпатии к Православию, России, русскому народу и его государству. В то же время в его душе выработалась до конца неосознанная антипатия к полонизму. Можно заключить: мироощущение юного Семашко сложилось, с одной стороны, вследствие противоречивой двойственности, в которой оказалось безместное духовенство

греко-католической церкви на Украине в конце XVIII начале XIX в.; с другой стороны, на его формирование повлияли личные качества будущего православного архипастыря.

С 1809 по 1816 г. Иосиф обучался в Немировской гимназии (Подольской губернии), находившейся в ведении князя А. Чарторыйского. По характеру обучения, составу наставников и учеников эта школа представляла собой чисто польское учебное заведение. В одном классе с Семашко учились всего 6 униатских поповичей. Остальные дети по исповеданию были католики из семей польской и ополяченной украинской шляхты. Православных были единицы. Здесь даже не было православного или униатского законоучителя. Как униатские, так и православные ученики посещали католические уроки Закона Божия и ходили на богослужение в костел. Языком преподавания был польский. Русский изучался как иностранный и находился в пренебрежении. Все преподавание направлялось на воспитание в подрастающем поколении польских патриотических чувств и неприязни к России[37]. Несмотря на все это, высокопреосвященный Иосиф свидетельствует, что общее польское направление воспитания в гимназии его не коснулось. Он относил это к тому, что, во-первых, ему пришлось столкнуться с явной несправедливостью. Дети польских землевладельцев открыто пользовались незаслуженными льготами, что оскорбляло его обостренное нравственное чувство и только усилило неприязнь к польской знати[38]. Во-вторых, за годы учебы ни разу, в отличие от других гимназистов из униатских семей, он не проводил в праздности каникулярное время в семьях поляков-помещиков. На каникулах он постоянно приезжал домой к родителям, и помогал отцу в хозяйственных делах. «Произошло ли это по молодым моим летам, – вспоминал владыка, – по неопытности, или по чрезвычайной застенчивости, но вышло к добру. В польских домах и семействах, вероятно, написался бы я предрассудками, неприязненными России и Православию, подобно другим моим товарищам, и привык бы к развлечениям, которые изменили бы мой характер и строгие правила родительского дома»[39].

В Немирове Иосиф сохранил приобретенную с самого раннего возраста привязанность к Православию. Этому способствовало народное украинское православное окружение школы, располагавшейся на земле древней Брацлавщины, известной твердым сопротивлением унии в самые тяжелые годы гонений. В этом море тонули голоса польских наставников будущего архиерея-воссоединителя. Более того, здесь его почтение к Православной Церкви не просто сохранилось, но усилилось, подкрепленное определенной долей исповедничества. Оно выразилось в том, что при встрече с местным священником с длинной бородой и одетым в широкую рясу, гимназист Семашко всегда самым почтительным образом раскланивался с ним, терпеливо и с достоинством переносил многочисленные ядовитые насмешки соучеников[40]. Несомненно, для подростка это было подвигом, который, помимо прочего, свидетельствует об удивительной силе и независимости его характера.

Уровень преподавания в гимназии был невысоким, но Иосиф постарался заполнить этот пробел самообразованием. Он всеми путями старался получить интересные его книги и внимательно их изучал, делая выписки в особые тетради. О напряженности самообразования юного гимназиста говорит то, что за годы учебы у него накопилось огромное количество тетрадей с цитатами из литературных произведений исторического, художественного, а также поэтического содержания на польском языке[41]. В результате стремления к знаниям он окончил гимназический курс первым в разрядном списке.

В 1816 г. Семашко поступил в Главную католическую семинарию при Виленском университете, выпускники которой должны были занимать административные должности в системе высшего управления католической и униатской церковью, а также профессорские вакансии в епархиальных семинариях. Здесь он получил качественное богословское образование и учился не просто с увлечением, но наслаждался возможностью получать знания, одновременно продолжая и самообразование. Его редкое для молодого возраста трудолюбие и целеустремленность простиралась до того, что за все четыре года, проведенные в стенах семинарии, он ни разу сам не просил начальство отпустить его в город[42]. Годы, проведенные в этом высшем учебном заведении, во многом определили жизненный путь и особенности богословского мышления владыки. Между тем Главная семинария представляла собой весьма интересное и не лишённое противоречий явление.

Образование и воспитание студентов-униатов в Виленской богословской школе имели вполне определенную цель: в максимальной степени укрепить в них веру в истинность римского католицизма, теснейшим образом привязать будущую образованную элиту униатской церкви к римскому обряду и интересам польского общества на бывших территориях Речи Посполитой. А. Чарторыйский, стоявший у истоков создания Главной семинарии, видел решение этой задачи в практической реализации идей эпохи Просвещения. Поэтому, используя влияние на императора Александра I, он добился, чтобы Виленская семинария не зависела от латинской иерархии, а находилась в подчинении администрации университета, и наметил в ней нетрадиционные для польской католической церкви тенденции преподавания и воспитания студентов.

Первое – изучение церковных предметов осуществлялось по учебникам, которыми пользовались в австрийских университетах, в частности по руководству Клипфеля. Они были составлены в духе царствования императора Иосифа II, известного религиозным либерализмом. В этих книгах, несмотря на принятие всех положений католического вероучения, содержалась жесткая критика злоупотреблений папства, и указывалось на их негативные последствия для церковной жизни Запада. Архиепископ Антоний Зубко, однокашник митрополита Иосифа по Главной семинарии, в связи с этим вспоминал следующее: «Клипфель... в догматическом богословии, хотя и основывает папскую власть на словах Спасителя, сказанных Петру о ключах, о камне, о спасении стада, однакож,

в выноске, хотя мелким шрифтом, указывает изречения святых отцов первоначальной церкви, которые все понимали эти слова так, как понимает их греческая церковь. К тому же Клипфель не приводит никаких подложных доказательств, которыми изобилует учение ультрамонтанов»[\[43\]](#).

Второе – наставники Виленской семинарии, заслужившие у известного историка польской культуры А. Брюкнера наивысших похвал за свою ученость[\[44\]](#), читали лекции в духе свободы и широты мысли. На занятиях по Священному Писанию знаменитого в то время ученого слависта, униатского священника профессора М. Бобровского, который в своих исследованиях опирался на оригинальные тексты Библии, не было места для вероисповедной исключительности католицизма. В свою очередь профессор ксендз Я. Ходани, излагая проблематику нравственного богословия, старательно чуждался «суеверной темноты»[\[45\]](#), клеймя ее, как пережиток средневековья. Но особенно в этом отношении выделялись профессора главных богословских дисциплин – догматического богословия и канонического права – Клонгевич и Капелли. Б. Клонгевич не просто соглашался с мнениями австрийских авторов учебных пособий, но и сам все время разыскивал источники, подтверждавшие их выводы[\[46\]](#). Итальянец А. Капелли обрушивался на злоупотребления папской власти и богатых римских прелатов с каким-то необъяснимым «наслаждением», не стесняясь в высказывании «едких сарказмов»[\[47\]](#). Он, к примеру, упоминая о форме, употребленной в начале постановлений Тридентского собора: «По внушению Святого Духа», замечал, что «то было по внушению не Духа Святого, а папского золота, как самого влиятельного аргумента»[\[48\]](#). Капелли говорил с кафедры: «Должно наступить время, когда истина выплывет наверх и весь догматизм восточной католической церкви восторжествует над римским»[\[49\]](#). «Думаю, – отмечает в своих воспоминаниях митрополит Иосиф, – ни в одной Православной академии воспитанники не услышат о злоупотреблениях Римской Церкви того, что я слышал от сих двух наставников». При этом преподаватели Главной семинарии не позволяли себе никакой критики в сторону Православной Церкви. «Вероятно боялись», – предполагает митрополит Иосиф[\[50\]](#).

Третье – свободное от ультрамонтанской исключительности латинства преподавание богословских предметов сочеталось с царившей в стенах Главной семинарии особой внутренней атмосферой, отличавшейся братскими, лишенными отчужденности и недоброжелательности, отношениями между воспитанниками разных обрядов. Студенты размещались в жилых комнатах вперемешку, составляли смешанные товарищеские кружки. Никто не пользовался никакими привилегиями. Воспитанники латинского обряда участвовали в униатских службах, которые шли попеременно – месяц по латинскому и месяц по униатскому чину. Им очень нравилось заведенное выпускниками Полоцкой униатской семинарии партесное пение и они с удовольствием пели в униатском церковном хоре. По свидетельствам современников, это было единственное тогда место, где соприкосновение латинян и униатов носило мирный и дружеский характер[51]. Митрополит Иосиф с теплотой и благодарностью вспоминал прекрасные отношения ксендзов-преподавателей к греко-униатским студентам[52].

Четвертое – идеи польского патриотизма преподавателями богословского факультета открыто не пропагандировались. Они господствовали в умах светских профессоров и студентов. Но семинаристы не соприкасались с ними, кроме как на переменах перед лекциями светских дисциплин. В среде студентов-мирян царили материалистические убеждения и равнодушное отношение к религиозным вопросам[53]. Поэтому такие краткие встречи не приводили к близкому знакомству и обмену мыслями и настроениями, а порождали только недоумения. Митрополит Иосиф приводит в своих «записках» такое воспоминание: «Помню, мой товарищ, бывший после Минским преосвященным, Антоний Зубко, достал как-то номер старинного журнала *Улей* (Православный журнал – А.Р.). Мы его начали просматривать вдвоем, в Ботаническом классе, до прихода профессора. Нужно было тогда посмотреть шум, который подняли светские ученики университета. «Разве такие нам нужны священники!... которые забывают мать Польшу... которые сочувствуют России» – и мы должны были припрятать поскорее свой журналец»[54].

Описанные тенденции рисуют весьма симпатичную картину образования и воспитания униатов в Главной семинарии. В то же время эта картина имела и обратную сторону. По поводу научно-критической системы преподавания в Вильно высокопреосвященный Антоний Зубко вспоминал: «Несмотря на весь либерализм семинарских лекций в нас все-таки крепко вперяли мысль, что власть над единою католическою церковью должна сосредотачиваться в руках одного лица, подчиняющегося, впрочем, контролю и узаконениям вселенских соборов. Но этими пределами и ограничивался весь заповедный фундамент папизма»[55]. Т.е. свобода и широта научной критики, сквозившая в лекциях Клонгевича, Капелли, Ходани и др., была далека от радикализма. Отсюда становится понятным, что это был тонко рассчитанный ход. Не секрет, что самокритика, даже самая едкая, никогда никого не отталкивает. Она является свидетельством жизненных сил общества, способного критически посмотреть на себя, и всегда привлекательна. В этом контексте обретает смысл и факт принятия к руководству в преподавании богословия австрийских учебников. Научно-критическая система преподавания и даже критика исторической актуализации идеи папства не отталкивала, но прочно привязывала униатов к латинству.

В свою очередь воспитание семинаристов-униатов совместно с латинским юношеством и нарочитое доброе отношение к ним со стороны преподавателей ксендзов еще более соединяло греко-католиков с римлянам. Правда, это отношение несло в себе изрядную долю фальши. Свидетельство тому – профессор Б. Клонгевич, известный критическими лекциями и доброжелательностью к студентам независимо от их обряда, на самом деле в узком кругу доказывал вред допуска униатов к высшему богословскому образованию. Он неоднократно писал об этом своему начальству[56]. Сверх того, преподаватели семинарии опасались успехов униатских студентов в науках. Например, профессор Ходани, по предмету которого Иосиф писал диссертационное сочинение, публично говорил коллегам: «Он (Семашко) так усердно трудится, что или возведет римскую церковь в России на высшую ступень могущества, или до основания разрушит ее, опираясь на свою превратную ученость»[57].

Наконец, отсутствие пропаганды полонизма среди униатов в Главной семинарии тоже можно оспорить. Основным языком обучения – лекции, устные ответы, сочинения, учебные проповеди в семинарском костеле – был польский. Этот же язык был и общепринятым разговорным в среде студентов и преподавателей. Русский язык звучал только на занятиях по русской словесности, которые по воспоминаниям Иосифа, хотя и оставили в его душе заметный след, отличались слабостью[58]. «В лекциях профессоров, – пишет историограф Виленской семинарии П. Жукович, – все польское ненавязчиво трактовалось, как свое родное: наш польский писатель, наша польская литература, наша польская история – обычные выражения этих лекций»[59]. В дополнение к тому: книги, предлагавшиеся семинаристам для внеклассного чтения были тоже польскими. В результате польский патриотизм ненавязчиво, но верно проникал в души молодых униатов.

Латинские воспитатели греко-католического духовного юношества, действуя в системе, созданной А. Чарторыйским, добивались многого. По наблюдениям митрополита Иосифа, греко-католики выходили из Виленской богословской школы «рассудительными Римлянами, но не хорошими Униатами»[60]. Это было успехом римского обряда и большой угрозой для унии в России. Однако Главная семинария все-таки не вполне достигала ожидаемых от нее результатов. Причины кроются в следующем.

Во-первых, существовало дикое несоответствие между добрыми и дружественными отношениями латинян и униатов в стенах университета и тем, что его униатские питомцы видели в реальной жизни. А там, вне пределов учебных классов, католики римского обряда, как пань, шляхта, так и ксендзы считали католиков-униатов людьми второго сорта, открыто и всяческими способами выражали к униатам презрение и в буквальном смысле уничтожали унию, занимаясь прозелитизмом среди ее чад. Проведшие 4 года в закрытом и добром мирке семинарии молодые униатские богословы от этого контраста испытывали шок, после которого воспитанные в них симпатии к латинству и Польше претерпевали изрядную коррекцию[61];

Во-вторых, иерархия католической церкви, латинские монашеские ордена и базилиане относились к этому учебному заведению, основанному на либеральных идеях кн. Чарторыйского, крайне отрицательно. С разных сторон ей предъявлялись разные претензии. Виленские католические епископы считали это учебное заведение неканоническим, т.к. оно подчинялось администрации университета, а не власти местного архиерея. Проявляя

корпоративную солидарность, управляющие прочих католических епархий России также смотрели на Виленскую духовную школу недоброжелательно. Неоднократно высшая латинская иерархия поднимала вопрос об упразднении богословского факультета в Вильно[62]. Монашеские ордена тяготились возложенным на них бременем материального обеспечения семинарии, саботировали эту обязанность[63], отказывались посылать в Вильно для получения высшего образования своих членов и тоже всячески хлопотали о закрытии этого учебного заведения[64]. При этом, как одни, так и другие обвиняли семинарию в том, что образование в ней не соответствует духу католической церкви. Наконец, их крайне беспокоило наличие здесь униатского отделения. Особую борьбу вели с Виленской духовной школой иезуиты и базилиане. Иезуиты в это время заняли весьма специфическую позицию и находились в оппозиции не только польским патриотам во главе с князем А. Чарторыйским, но и всей католической иерархии в России и даже папскому престолу[65]. Члены Общества Иисуса, несомненно, через своего воспитанника, первого ректора Виленского университета прелата И. Стройновского, который был председателем комитета по составлению устава Главной семинарии, повлияли на формирование этого учебного заведения. Но правительство не допустило их в стены университета[66]. Тогда они повели с ним решительную борьбу. Используя связи в Петербурге, иезуиты сумели добиться в 1812 г. признания за своей Полоцкой академией прав университета и вывели из ведения Виленского учебного округа все свои училища[67]. Всюду они распространяли слухи об антикатолическом направлении духовного образования в Вильно и называли Главную семинарию масонским заведением. Базилиане вторили своим покровителям иезуитам и пытались перетянуть на себя образование униатского духовенства. В 1818 г. они даже представили правительству проект перенесения за свой счет униатского отделения Главной семинарии в местечко Картуз-Березу[68]. Вообще униатский монашеский орден отличался агрессивностью по отношению к Виленским студентам из белых поповичей. Неизгладимые раны они нанесли многим юным душам[69]. «Между нами и базилианами, – вспоминал архиепископ Антоний Зубко, – была такая антипатия, что базилиане для своих молодых монахов, живших в одном корпусе с семинаристами, назначали особого учителя из монахов, хотя низшего по образованию, нежели учителя семинарии»[70].

Все это очень странным образом повлияло на Главную семинарию. Дело в том, что в результате негативного отношения католические монашеские ордена бойкотировали ее и не посылали сюда учиться своих членов[71]. Латинские епархиальные власти (прежде всего Самогитская, Минская, Могилевская епархии), направляли в Виленский университет далеко не самых лучших по успеваемости выпускников низших епархиальных семинарий. В противоположность этому униатское белое духовенство не пыталось противоборствовать Главной семинарии. Не имея иной возможности дать своим детям высшее богословское образование униаты старались отправлять в Вильно наиболее способных учеников из Полоцких семинарий и иезуитской академии, а так же священнических сыновей, получивших хорошее среднее образование в светских гимназиях. В результате Виленская католическая семинария оказалась местом, где вопреки обыкновению униаты интеллектуально доминировали над латинянами. Но, по наблюдениям владыки Антония, направление образования в семинарии действовало на студентов разных способностей по-разному. Чем талантливее был ученик, тем более в нем воспитывалась широта взглядов и терпимость. Поэтому семинаристы униаты оказывались более подверженными критической составляющей в лекциях наставников богословского факультета. Высокопреосвященный Антоний припоминает только одного униатского воспитанника, который был католическим фанатиком. Среди же римских католиков таких было достаточно, преимущественно из тех, кому особенно не давалась наука. Он приводит пример, когда один из студентов латинского обряда – клирик из Самогитии – топтал ногами и плевал на попавшую к нему брошюру антипапского содержания. Но такое поведение вызывало у униатов не соблазн, а только смех[72].

В итоге, Главная католическая семинария не вполне достигала желательных для польских патриотов целей. С одной стороны, ее выпускники интеллектуально привязывались к католицизму и напивались польским духом. С другой стороны, они, вопреки ожиданиям идеологов полонизма, до конца не разделяли польских интересов и видели свой долг в защите и возвышении унии. При этом неизвестно чтобы кто-либо из них помышлял о необходимости присоединиться к Православию. Все это в полной мере относилось и к Иосифу Семашко. Его биографы в один голос говорят, что он вышел из Главной семинарии не только без предубеждения против Православной Церкви, но и с сильным предубеждением против католицизма[73]. Кажется, подтверждение тому можно

найти у ближайшего сподвижника и однокашника «архиерея-воссоединителя» архиепископа Антония Зубко. Он, в частности, вспоминает, что во время обучения слышал от Иосифа много «малороссийских песен и поговорок, в которых ясно высказывалась нелюбовь к ляхам и даже к унии»^[74]. Также Зубко говорит, что во время обучения Семашко «уже был вполне самостоятелен в своих убеждениях, направленных к единению с русским народом»^[75]. Однако, сам прелат Иосиф в 1827 г. в письме, поданном им императору Николаю I через Карташевского, пишет: «В Главной семинарии я приобрел степень магистра богословия, но вместе с тем приобрел и привязанность к Римлянам и даже много польского патриотизма, особенно по прочтении Истории Конституции 3-го мая»^[76]. Более того, до 1827 г. он не задумывался о присоединении к Православию. Наоборот, он искренне трудился на благо унии. Отсюда можно прийти к выводу, что симпатии к России и Православию в Главной семинарии у него не исчезли до конца, но были серьезно затуманены новыми симпатиями к Польше и римскому католицизму.

В 1820 г. Иосиф Семашко завершил обучение в Главной семинарии, получив степень магистра богословия за диссертационное сочинение «*Christianasurabonorumtemporalium*»^[77]. В течение последующих двух лет он проходил церковное послушание в должности асессора консистории Луцкой епархии (в м. Жидичин) и исполнял обязанности воспитателя в местной ставленнической семинарии. В это время Луцким епископом И. Мартусевичем над ним была совершена ипподиаконская хиротесия (без вступления в брак), а затем диаконская и священническая хиротонии (соответственно 6 октября и 26 декабря 1820 г., 28 декабря 1821 г.). Участие в делах управления Луцкой епархии дало толчок размышлениям будущего Литовского митрополита о состоянии унии в России, ее месте в религиозном противостоянии Православия и католицизма. Позднее владыка так описывал свои мысли в тот период: «Я ознакомился ближайшим, так сказать осязательным образом, с весьма затруднительным, если не бедственным положением Униатов между Православною и Римско-Католическою Церковию. На них Православные нападали с явным ожесточением, тесня их по разным делам, часто видимо несправедливым; Римляне же брали от них все без огласки, под видом дружбы. Это заставило меня часто призадумываться, и признаюсь, в сердце своем я извинял более Православных, нежели Римлян. Первые, по крайней мере, враги и не без повода, думал я, Униаты обыкновенно отплачивают им тоже враждою: но за что же их обижают друзья»^[78]. Пребывание Иосифа в Жидичине не было долгим. 20 июня 1822 г. он был избран на должность заседателя в униатском департаменте римско-католической духовной коллегии и отправился в Петербург. Здесь он вскоре получил звание канонника (23 марта 1823 г.), а потом и прелата (8 октября 1825 г.). Пребыванием в столице молодой униатский священник поспешил воспользоваться для углубления образования путем чтения книг, особенно русских, к которым в Немировской гимназии и Виленском университете он практически не имел доступа^[79]. Стоит особо заметить, что для этого ему пришлось специально

самостоятельно изучать русский язык, что красноречивее многого другого говорит о системе среднего и высшего образования в Западных губерниях России в Александровскую эпоху и о языковой ситуации в унии. Помимо этого в Петербурге, после длительного перерыва, Иосиф вновь по велению сердца начал иногда посещать православное богослужение.

Должность заседателя в Высшем управлении католической церкви в России предоставила Семашко полную возможность увидеть общую картину крайне расстроенного и угнетенного состояния униатской церкви, а также наблюдать ожесточенное противоборство внутри нее клерикальных группировок. От него, обладавшего тонким умом, не могло укрыться, что усилия архиепископа И. Красовского, бывшего духовным преемником митрополита И. Лисовского, а также канонников Брестского капитула, пытавшихся брать на себя общецерковные заботы и претендовавших на выражение чаяний белого униатского духовенства, в целом были направлены на конфессиализацию Брестского церковного соглашения в России. В свою очередь базилианское монашество и вышедшие из него епископы во главе с митрополитом И. Булгаком (первые активно, а вторые пассивно^[80]) вели дело к растворению унии в польском католицизме. Как и многие прочие выпускники Главной семинарии, Иосиф не считал греко-униатский обряд второсортным по отношению к латинскому. Кроме того, очевидно, в это время он полагал, что уния, при условии ее восстановления в первоначальной чистоте, вполне имеет право на существование, может наравне с Православием быть духовным фундаментом сохранения самобытных начал белорусского и украинского народов и воспитывать верующих лояльными гражданами Российского государства. Поэтому он искренне и активно включился в борьбу за спасение союзной Риму русской церкви против сторонников ее исчезновения в польском католицизме.

Здесь особо примечательно, что находившиеся в гуще исторических событий Иосиф Семашко и другие искренние приверженцы унии, не видели опасности со стороны русской власти и Православной Церкви. Опыт убеждал их, что угроза исходила совсем с другой стороны. Поэтому ради сохранения унии они были готовы противостоять собственной иерархии, монашеству и единоверцам римского обряда. Этот факт полностью опровергает тиражируемые в настоящее время многими историками представление о нетолерантном отношении к унии православного правительства империи. Если бы это соответствовало действительности, то защитники этой церкви должны были бы бороться с русской властью и православными. Если принять точку зрения современных апологетов унии, то придется признать верное унии духовенство людьми с крайне неразвитым интеллектом и воображением.

Участие в делах Высшего церковного управления предоставляло Семашко не слишком большие, но все-таки некоторые возможности борьбы. Реализуя их, он старался по мере сил выступать против польско-латинского наступления на унию. В это время известно его твердое противостояние сфабрикованному базилианами делу по дискредитации и отрешению от кафедры архиепископа Красовского^[81],

неуклонное стремление к пресечению латинского прозелитизма и вообще дискриминации греко-католиков. В 1826 г. им был поднят вопрос о незаконных переводах за 20 предыдущих лет в римский обряд более 20 000 униатов Виленской епархии. По этому случаю в присутствии коллегии был приглашен престарелый митрополит С. Богуш-Сестренцевич, который нехотя под напором Иосифа вынужден был подписать выгодное униатам постановление^[82]. «Рассказывают современники, знавшие дела римско-католической коллегии, – пишет об этом периоде деятельности Семашко профессор М.О. Коялович, – что когда Иосиф являлся в общее собрание ее, то одно появление его изменяло лица латинских прелатов, а когда он выступал на защиту униатов по какому-либо делу, то смущал самых даровитых и смелых представителей латинства»^[83].

Усилия молодого заседателя униатского департамента не могли переломить ситуацию. Он очень скоро убедился в бесперспективности попыток изнутри спасти русский греко-католицизм и сделать его жизнеспособным. Кроме того, его возмущали нечистоплотные методы ведения дел и пропитанная духом лжи и стяжания атмосфера, царившая в Высшем управлении католической церкви. Его настроению способствовали почерпнутые из русских исторических и художественных книг знания и новые впечатления. Петербург был блестящей столицей. Россия, находившаяся на пике могущества после Наполеоновских войн, представлялась мощным самодостаточным и своеобразным миром, в котором религия, особенно в сравнении со стремительно секуляризующейся Европой, находится в достойном и уважаемом положении. Молодой униатский священник, привыкший на Украине, в Беларуси и Литве к виду убогих, часто полуразвалившихся униатских церквей, был поражен великолепием огромных прекрасно украшенных храмов в России^[84]. К внешним впечатлениям присоединялся и внутренний духовный опыт от посещения православных служб. Все это в совокупности возродило в Иосифе детские симпатии, затуманенные польским католическим образованием и воспитанием в Главной семинарии^[85], заставило его окончательно отшатнуться от католицизма и Польши. «Я давно уже убедился в Православии восточной Церкви посредством чтения и тщательного разыскания; а между тем принадлежал к Церкви западной, – писал высокопреосвященный позднее, – Я был членом и немаловажным Церкви Русской, хотя и отложившейся от истинного учения; а между тем, по тогдашнему положению Униатской Церкви, должен был по необходимости служить орудием окончательного изменения оной в Латинскую. Я сердцем и душою предан был России и с нею соединял выпренный идеал моего отечества, почерпнутый в чтении древних; а между тем считался для нее чуждым и принадлежащим неприязненной для нее Польше. Несправедливость и притеснения были для меня всегда невыносимы; а между тем я был часто бесполезным их свидетелем. Корыстолюбие, взятки были для меня чем-то самым презренным; а между тем они встречались на каждом шагу»^[86]. Все это привело к тому, что в 1827 г. прелат Иосиф принял решение отказаться от уже определенно наметившейся блестящей

карьеры в унии, лично присоединиться к Православию и, приняв монашеский постриг, поступить в иноки Александро-Невской лавры. Обосновывая свое желание, он начал писать «Сочинение о Православии Восточной Церкви», где прямо заявлял о своих убеждениях, несовместимых с пребыванием в лоне римско-католической церкви. После завершения «Сочинения» он намеревался публично объявить о переходе в Православие. Однако его намерению не суждено было исполниться и «Сочинение о Православии Восточной Церкви» не было завершено.

Подготовка и совершение воссоединения (1827-1839)

В первых числах ноября 1827 г. Иосиф Семашко неожиданно получил от директора департамента духовных дел иностранных исповеданий Г.И. Карташевского предложение письменно изложить свои мысли о положении униатской церкви. Исполняя просьбу, он, опираясь на правительственный Указ от 9 октября 1827 г., направленный к восстановлению древних обрядов и славянского языка в униатском богослужении, составил и 5 ноября подал Записку «О положении в России Униатской церкви и средствах возвратить оную на лоно Церкви Православной». Здесь Иосиф дал короткую, но весьма емкую историческую справку о появлении и развитии унии в пределах Речи Посполитой, охарактеризовал современное положение униатской церкви в России и описал ряд мер, которыми правительство могло не только оградить униатов от латинизации и ополячивания, но и вернуть их в лоно Восточной Церкви. Для этого, по мнению автора Записки, в унии было необходимо осуществить следующие церковно-административные преобразования:

- 1) ликвидировать 2-й (униатский) департамент римско-католической духовной коллегии и основать отдельное Высшее управление греко-католической церкви в виде греко-униатской духовной коллегии;
- 2) более рационально устроить административно-территориальное разделение приходов, для чего упразднить излишнюю Виленскую митрополию кафедру, оставив 3 епархии: Литовскую, Белорусскую и Луцкую;
- 3) удалить местопребывание униатских епископальных центров «от Римских кафедр и даже от мест в коих Римляне господствуют»^[87];
- 4) отменить монашеское самоуправление, подчинив иночествующих правящим архиереям;
- 5) ликвидировать епархиальные капитулы, а вместо них учредить соборное духовенство по кафедральным штатам в соответствии с православным образцом того времени;
- 6) отменить награды духовным лицам в виде дистрикторных крестов, получаемых из Рима, и распространить на униатских священников награды православными наперсными крестами, которые вместе с соответствующими пенсиями жаловались бы волей русского монарха;

7) повысить образовательный уровень и социальный статус клира и улучшить его материальное положение, для этого создать духовную академию, епархиальные семинарии и при монастырях необходимые низшие духовные училища, а также предоставить сыновьям духовенства возможность выходить из духовного звания и поступать в военную и гражданскую службу;

8) сократить число монастырей, сообразуясь с реальным количеством монахов и общецерковными потребностями (упразднению подлежали маленькие обители с передачей их храмов белому духовенству, а фундушей на содержание создаваемых духовных школ; из 86 монастырей должно было оставаться 24^[88]);

9) навести порядок в финансовой сфере и добиться более эффективного и справедливого использования церковных средств;

10) отменить право презента или колляции, чем пресечь влияние на униатский клир польских землевладельцев и укрепить административную власть иерархии.

Записка прелата Иосифа «О положении в России Униатской Церкви и средствах возвратить оную на лоно Церкви Православной» под другим заголовком: «Соображения главного управляющего духовными делами иностранных исповеданий»^[89], легла на стол императору Николаю Павловичу 14 ноября 1827 г. Николай I испытывал неприязнь к полякам и Польше^[90], неплохо знал культурную и этно-религиозную ситуацию в Западных губерниях и желал изменить ее в пользу России. Униаты занимали в его мыслях немалое место. Подтверждением тому служит названный сенатский Указ от 9 октября 1827 г.^[91] Поэтому содержание Записки Иосифа Семашко вызвало живую заинтересованность самодержца. На этот документ он наложил пространную резолюцию: «Я радуюсь, что случайно нашел в Униатской Церкви человека, который может быть способен помочь нам в деле, которым непрестанно занимаюсь и с помощью Божией приведу в исполнение. Вы можете ему объявить, что я весьма доволен, что его узнал»^[92]. Выражением особого благоволения императора стало награждение Иосифа наперстным бриллиантовым крестом с формулировкой «за отличные способности, ревность и примерное благонравие»^[93]. Но главное заключалось, конечно, не в наградах и приятных словах. М.О. Коялович, описавший реакцию Николая I на Записку «О положении в России Униатской Церкви...» со слов графа Д.Н. Блудова, который был в то время товарищем министра народного просвещения и лично представлял ее царю говорит: «Прочитав записку Иосифа Семашки... Государь решился немедленно дать ход, изложенным в ней мерам к спасению унии от поглощения латинством»^[94].

Первоначально курирование униатской проблемы император хотел доверить А.С. Шишкову, искреннему приверженцу русской национальной идеи и ревностному ее проводнику в западных губерниях. Особенной заботой этого маститого деятеля было восстановление в крае позиций русского языка^[95]. Однако, вопреки ожиданиям, Шишков категорически отказался. Его «смutilа трудность дела и, без сомнения, те интриги, которых оно должно было ожидать от поляков»^[96]. По мнению М.О. Кояловича «русские сановники еще находились под влиянием

направления Чарторыйского и считали неуместным помогать Русскому народу Западной России вопреки интересам Польской и латинской партии»^[97]. Согласие на участие в преобразовании унии дал Д.Н. Блудов, который не «имел щекотливости»^[98] в отношении поляков, и который, по мнению М.О. Кояловича, «имел те же мысли, что и покойный Государь касательно Западной России и которому даже принадлежала главная мысль выше приведенного указа 9-го октября 1827 г.»^[99]. Таким образом, в конце 1827 г. под влиянием инициативы молодого заседателя 2-го департамента римско-католической духовной коллегии Иосифа Семашко на самом высоком уровне власти было принято решение о реформировании униатской церкви с целью ее присоединения к господствующему исповеданию. Во главе воссоединительного проекта стоял сам император Николай Павлович, непосредственным исполнителем был назначен Д.Н. Блудов. Семашко должен был консультировать и во всем помогать последнему.

Началом преобразований и их фундаментом стал Указ правительствующего Сената «Об учреждении Греко-Униатской духовной коллегии» от 22 апреля 1828 г., который митрополит Иосиф характеризовал как «совершенная ломка старого здания и сооружение нового»^[100]. Его появлению предшествовала огромная и напряженная работа. Она всей тяжестью легла на плечи прелата Иосифа. Он сумел 17 января 1828 г., т.е. всего через полтора месяца после одобрения Николаем I предложения ликвидировать унию, подать через Блудова Шишкову в девяти заседаниях униатского департамента коллегии составленное и подписанное всеми его членами Представление о реформе греко-католической церкви. На его основании при деятельном участии Иосифа, высказывавшего свои мнения по конкретным вопросам в многочисленных конфедикальных Записках, в канцелярии министерства народного просвещения был составлен от имени министра «Всепопданейший доклад о преобразовании греко-униатской церкви соответственно истинным потребностям и пользам принадлежащих сему исповеданию» от 17 марта 1828 г. Следствием Доклада и стал высочайший Указ от 22 апреля 1828 г., практически полностью впитавший в себя план реформ унии, намеченный в Записке «О положении в России Униатской Церкви...»^[101].

Опираясь на Указ от 22 апреля тесно сотрудничавшие Д.Н. Блудов и Иосиф Семашко в течение 1828-30 гг. провели кардинальную перестройку организма русской унии. В сфере церковного управления и финансов: создана отдельная греко-униатская духовная коллегия; епархиальные капитулы заменены соборным духовенством; учреждены три административные комиссии для управления общими имениями и капиталами греко-униатского духовного ведомства. В области духовного образования: открыта Литовская епархиальная семинария в Жировичах (1828 г.); для униатских семинарий и духовных училищ приняты уставы, созданные по образцу действовавших в соответствующих православных учебных заведениях России; положено отправлять униатских воспитанников на учебу в православные духовные академии вместо католической Главной семинарии; поощрена отдача духовенством детей в духовные училища; подарено

униатским духовным учебным заведениям Синодальной комиссией духовных училищ более 1000 экземпляров православных учебных пособий. В отношении монашествующих: монастыри подчинены епархиальным архиереям; назначены в консистории члены от иночествующих (на 1-й раз провинциалы и составлена для них инструкция, ограничивающая их власть); запрещено принимать в униатское монашество лиц римо-католического исповедания; униатским монахам из латинян предоставлено право вернуться в римское исповедание (чем сразу воспользовались более 50 человек); положено монахов не посвящать в священный сан без предварительного рассмотрения и постановления консисторий. В отношении белого духовенства: определено, чтобы десятина, собираемая в пользу латинского клира с униатов, шла в пользу униатских священников; запрещено приписывать униатских духовных лиц к костелам в качестве викарных; распространены на детей униатского духовенства права и преимущества, дарованные по закону детям православного духовенства; несколько заслуженных священников награждены золотыми крестами с возведением их в звание соборных протоиереев. Наконец, печатание униатских богослужебных книг должно было осуществляться только с разрешения греко-униатской духовной коллегии^[102].

Надо сказать, что не все предложенное Иосифом в Записке «О положении в России Униатской Церкви...» было реализовано. Исключение составляли два пункта. Во-первых, исходя из финансовых соображений из 4 униатских епархий были оставлены не 3, а только 2 – Белорусская с центром в Полоцке и Литовская с центром в Жировичах. Луцкая епархия упразднялась вместе с Виленской. В дальнейшем это привело к незначительным, но неприятным последствиям, т.к. украинские униаты, число которых достигало 100 000 человек, оказались практически в стороне от подготовительных к соединению с Православием мероприятий из-за территориального удаления от своих епархиальных центров. Во-вторых, не была открыта греко-католическая академия, хотя все проблемы ее открытия (постановление правительства, финансирование, помещения, преподавательский состав и пр.^[103]) были решены. В историографии до сих пор нет исчерпывающего ответа на вопрос: почему академия не была создана. Представляется, что главную роль сыграли колебания Иосифа. Они в полной мере видны в Записке «Замечания к поступившему из коллегии мнению об упразднении излишних базилианских монастырей», составленной в январе 1828 г. Здесь по поводу открытия униатской академии он пишет: «Еще неизвестно, найдутся ли люди, могущие дать сему заведению направление, предположенной цели (воссоединению – А.Р.) совершенно согласное; но хотя бы и все ответствовало намерениям правительства, учреждение особого главного Униатского училища пребудет на долгое время и предлогом и действительною причиною совершенному Униатской Церкви отчуждению (имеется в виду отчуждению от Православия – А.Р.)... главное училище может сообщить несовершенно благоприятное единодушие»^[104]. Т.е. униатская высшая богословская школа, как полагал Иосиф, может привести не только к отдалению униатов от католиков, но и будет мешать им в приближении к православным. Не

было никаких гарантий от появления среди ее воспитанников церковного сепаратизма. Представляется, что именно поэтому он не проявил в вопросе открытия академии присущей ему энергии, а без его инициативы это дело быстро угасло.

О том, с какими трудностями сталкивались проводимые мероприятия, какое внимание в это время униатской проблеме уделяла высшая власть, и какую цель все это преследовало, митрополит Иосиф вспоминал в 1861 г.: «Исполнение указа (имеется в виду указ 22 апреля – А.Р.) тем более было затруднительно, что меры, указанные оным, должны были соотноситься с преднамеренною целью воссоединения Униатов к Православию. Вот почему не только самостоятельные меры, но и исполнительные подробности должны были быть обсуждаемы предварительными с моей стороны записками. Эти записки Дмитрий Николаевич (Д.Н. Блудов – А.Р.) обыкновенно докладывал Государю Императору и часто о том мне напоминал, иногда добавляя, что Государь любил мой почерк»^[105]. О доверии в это время высшей власти Российской империи к Семашко (в мае 1828 г. возведенному в сан старшего соборного протоиерея) говорит то, что ради него были изменены правила назначения заседателей в греко-униатскую духовную коллегия. Помимо этого, по личному распоряжению царя ему было поручено осуществить для гофмаршала графа Потоцкого перевод на польский язык с русского чин коронации. При этом Иосифу было доверено сделать к нему замечания о необходимых поправках^[106].

Белое духовенство встречало реформы унии с воодушевлением. В заботе о воспитании и образовании своих детей, улучшении материального положения, освобождении от засилья монахов в институтах епархиальных управлений священники видели долгожданное и справедливое дело. Они с искренним чувством признательности служили молебны за здоровье императора. Викарий Брестской епархии прелат Ф. Тупальский, после оглашения в храме Указа от 22 апреля 1828 г. произнес речь, в которой сказал: «Нам даровано новое бытие... отрите слезы, нищетою исторгнутые; отныне дети служителей церкви будут воспитываемы на иждивении, Всемиловитейше дарованном... отныне вы будете иметь привилеи, которые потребуют от вас только рачительного исполнения обязанностей вашего сана и соблюдения основных обрядов вашей веры»^[107].

Преобразования не касались канонического подчинения униатов Риму, их католического вероучения и литургической практики. Поэтому противники реформ – римская курия, униатские епископы, руководители базилиан, латинское духовенство и польское общество в Западных губерниях и столице – не смогли разобраться в сути происходящих изменений и не увидели в действиях Петербурга, тайно консультируемого Семашко, угрозы существования унии.

О сопротивлении униатской иерархии нет сведений. Если архиереи и предполагали, что реформы направлены против самого существования русского греко-католицизма, то они предпочитали молчать и подчиняться новым требованиям^[108]. О том, что их молчание скрывало недовольство, свидетельствует лишь то, что при обнародовании Указа от 22 апреля 1828 г. Полоцкая

консистория, находившаяся под влиянием епископа И. Мартусевича, не отозвалась с официальной признательностью к правительству^[109].

Руководители базилиан тоже не задумались о судьбе всей церкви. Их заботило лишь сохранение ордена, упразднявшегося на территории России с подчинением монастырей правящим архиереям. Известно письмо, написанное, чтобы подчеркнуть высокую образованность, на французском языке, с которым они обратились к брату царя, Константину Павловичу. В нем содержалось восхваление заслуг униатских монахов перед обществом, и содержалась апология ордена. Для подкрепления своих аргументов авторы ссылались на попечителя Виленского учебного округа Н.Н. Новосильцева, который очень похвально отзывался о базилианских школах. Главными врагами были названы Д.Н. Блудов и белые священники – ассессоры коллегии^[110]. Эта попытка не увенчалась успехом. Граф Блудов рассказывал М.О.Кояловичу, что письмо это Константин Павлович передал императору, и оно произвело сильное впечатление на него. Он уже думал бросить подготовку воссоединения. Спасла дело фраза, в которой заявлялось, что базилиане – то же для унии, что иезуиты для латинства. На это Николай I отреагировал следующими словами: «Потому – то я и уничтожу базилиан, что они – то же, что иезуиты»^[111].

В свою очередь, Римская курия также не смогла рассмотреть опасности. Об этом говорит нота, поданная русскому правительству кардиналом Бернетти 31 декабря 1828 г., которая содержала претензии Рима к происходящим в Российской империи реформам униатской церкви. Николай I потребовал, чтобы проект ответа главе католической церкви был составлен Семашко, что тот и сделал в Записке от 6 апреля 1829 г., «С опровержением притязаний, полученных правительством от Римского двора, по поводу новых распоряжений относительно Униатов»^[112]. В папской ноте заявлялось: 1) начатые в русской унии преобразования являются происками белого духовенства, которое желает добиться уравнивания в привилегиях с римским духовенством; 2) белый клир стремится упразднить базилианские монастыри для завладения их фондами; 3) сокращение числа епархий ведет к тому, что они становятся слишком пространными и неудобны для управления; 4) новый порядок управления унией в России не вводится решением папы и не сходен с порядком управления другими католическими провинциями. Список претензий со всей очевидностью открывал, что в Рим по нелегальным каналам поступала информация от базилианских монахов. Это было их видение проблемы. Протоиерей Иосиф не имел затруднений в поисках контраргументов. Опираясь на бреве папы Климента VIII от 1595 г., буллу папы Бенедикта XIV от 1744 г., универсал короля Сигизмунда III, данный униатам при введении унии, а так же, указав на противоречия в постановлениях Флорентийского (1439) и Замойского (1720) соборов, он убедительно опроверг все обвинения. Более того, он доказал, что изменения направлены на благо униатской общины в России. Одновременно Иосиф напомнил, что изначально союзная Риму часть Восточной церкви должна была иметь широкие права самоуправления и беспрепятственно хранить свое богослужение^[113]. Этим он не только старался пресечь новые попытки Рима

вмешаться во внутренние дела русской унии, но и успокаивал очень чувствительный к европейским мнениям Петербург, используя случай «вновь осветить перед правительством неведомую для него тогда бездну неправд и страданий, испытываемых в западной России русской массой населения»^[114]. С этой целью в конце Записки он заявлял: «Уповаю однакож в промысле Всевышняго и премудрых начинаниях всемилостивейшаго Государя, что священное Униатское дело не будет предано в руки предателей; что найдутся истинные сыны отечества и верные слуги своего Государя, кои, не взирая на клеветы, тайные и явные преследования сильной партии, будут поборствовать оному всеми в их власти состоящими способами, шествуя истинным путем долга и чести; что полтора миллиона безгласного народа, в течение двухсот лет бывшего игралищем внешних и внутренних врагов, найдут наконец тихое и твердое пристанище в недрах истинной своей Церкви, к собственному отечеству неразрывными узами их привязывающей!»^[115].

Аргументы Семашко имели полный успех. Когда 12 января 1830 г. кардинал Бернетти передал русскому правительству новую папскую ноту, на нее уже не обратили серьезного внимания. Таким образом, попытки сопротивления церковно-административной перестройке унии оказались бесплодными и только помогли Иосифу в еще большей мере убедить высшую русскую власть в правильности выбранного курса.

29 июля 1829 г. протоиерей Иосиф принял монашество, сохранив свое мирское имя, а 21 апреля того же года он был рукоположен в сан епископа с наименованием Мстиславльский и определением викарием Полоцкого епископа И. Мартусевича. Во время хиротонии, совершавшейся митрополитом И. Булгаком, епископом И. Мартусевичем и католическим епископом Гедройцем в костеле св. Екатерины в Петербурге, Иосиф, принося присягу на верность папе, с ведома императора опустил в ее тексте противные его религиозной совести места. К сожалению, неизвестно какие^[116]. Перед рукоположением он получил в дар от императора полное православное архиерейское облачение. Одновременно с епископским саном Иосиф был оставлен в присутствии греко-униатской коллегии и назначен председателем консистории Белорусской епархии. Теперь ему и Д.Н. Блудову предстояла сложнейшая работа по заполнению новой церковной администрации согласными на присоединение надежными деятелями, воспитанию униатского духовного юношества в православном духе в новооткрытых и уже существующих учебных заведениях, внедрению в сознание священников убеждения в необходимости воссоединения. Шагами в этом направлении были: назначение на должность ректора Жировичской семинарии давнего товарища и единомышленника Иосифа протоиерея Антония Зубко; определение на вакансии председателей епархиальных консисторий известных лояльностью в отношении Православия и России протоиереев А. Тупальского и Н. Слонимского; издание для приходских священников переведенного самим епископом Иосифом на польский язык сочинения святителя Филарета

Московского «Разговоры между испытующим и уверенным о Православии Греко-Российския Восточныя Церкви и многое другое»^[117].

В 1830 г. епископ Иосиф предпринял шестимесячную поездку по всем униатским епархиям с целью ревизии семинарий и ознакомления на местах с ходом преобразований. Результатом этой поездки стал Доклад, засвидетельствовавший факт успеха реформ и сочувствие им со стороны белого униатского духовенства. В частности в этом Докладе, поданном 30 сентября 1830 г., говорилось: «Преобразование Греко-Унитской Церкви началось с самым благоприятным успехом; больше даже, нежели можно было ожидать... Главное: поставить все дело на мере, чтобы оно уже не могло вспять подвинуться, устроить надежное правление, приготовить делателей, коих у нас очень и очень мало, устранить препятствия; а тогда все остальное удобно совершится: о сем я еще более удостоверился в бытность мою ныне в Белоруссии и Литве»^[118].

Можно говорить, что к 1830 г. усилиями владыки Иосифа и Д.Н. Блудова действовавших при полной поддержке императора Николая Павловича, униатская церковь в России по своему устройству была подготовлена к соединению с Православием. Оставалась рассчитанная на многие годы работа по укоренению нового церковного порядка и утверждению в сознании униатов необходимости разрыва с Римом. Этому процессу помешало польское восстание 1830-31 гг., затронувшее белорусские территории. В воспоминаниях Литовского митрополита о годах с 1830 по 1834 сказано: «Настало для меня время скорби, а для дела опасное колебание»^[119].

В 1831-33 гг. подготовка ликвидации унии практически остановилась. Восстание заставило русское правительство обратить еще более пристальное внимание на «польский вопрос» и решать его более решительно и быстро. Во всех областях государственной жизни проводились мероприятия по слиянию Польши и Западных губерний с Россией. Польская конституция была отменена, расформировано отдельное войско, закрыты высшие учебные заведения, в том числе и Варшавский университет. Царство Польское, разделенное на отдельные губернии, вошло в состав Российской империи. В делопроизводстве стал употребляться русский язык. Повелением императора был создан «Особый комитет по делам западных губерний». 28 ноября 1831 г. Николай I одобрил проект деполонизации западных губерний, составленный в этом комитете. Проводился «разбор шляхты», в результате которого более 10 тысяч человек были переведены в разряд однодворцев. За участие в восстании из 304 католических монастырей было упразднено 191. Базилианские и католические обители лишились 182 имений с 15 545 крестьянами. В общей сложности в западных губерниях у участников восстания к 1835 г. было конфисковано 351 имение с 189 201 крестьянами^[120]. С 1832 г. прекратил свое существование Виленский университет и Главная духовная семинария. С закрытием университета все подведомственные

ему училища перешли в ведение Белорусского учебного округа. Основанный еще в 1829 г. с целью изъять воспитание светского юношества из рук латинского духовенства, он до восстания охватывал только учебные заведения Витебской и Могилевской губерний. Все эти масштабные преобразования отвлекли внимание Николая I от проекта воссоединения униатов, рассчитанного на долгий и неопределенный срок. С 1830 г. по 1834 г. в отношении греко-католиков были изданы только некоторые случайные распоряжения: закрыты светские училища, содержащиеся базилианами; за поддержку мятежников Почаевский монастырь был передан Православной Церкви; вышло высочайшее повеление о восстановлении православного обряда, совершении богослужения на церковнославянском языке и произнесении проповедей на местном разговорном наречии. Поводом к последнему распоряжению послужил случай, происшедший в Умани, когда униатский игумен, встречая императора Николая I, приветствовал его на латинском языке: “Vivat rex in aeternum”^[121].

В условиях, когда император перестал интересоваться подготовкой разрыва унии, Д.Н. Блудов занял в этом деле пассивную позицию. Она стала особенно заметной с назначением его в феврале 1832 г. министром внутренних дел с оставлением главноуправляющим делами иностранных исповеданий. После этого униатская проблематика занимала ничтожно малую часть его занятий. Более того, в это время Блудов, несмотря на декларировавшуюся изначально секретность поручил заниматься униатами директору департамента иностранных исповеданий Ф.Ф. Вигелю, человеку крайне недоброжелательно настроенному по отношению к преосвященному Иосифу и далекому от идей православной миссии. Вигель, в свою очередь, сдал униатские дела нижестоящему и совершенно некомпетентному чиновнику, который, к тому же был известен склонностью к взяточничеству^[122]. В результате с начала 1831 до конца 1833 г. контакты Семашко с Блудовым свелись к минимуму. В это время владыка не сумел добиться от куратора проекта ни официальных ответов на свои обращения, ни реализации остро необходимых мероприятий.

Вначале преосвященный Иосиф не оценил нависшую угрозу. Об отвлечении императора он не знал, и его мало беспокоила позиция Блудова. Время, по его мнению, способствовало развитию порожденных реформами тенденций. Их польское восстание не затормозило, но ускорило. Действительно, согласно воспоминаниям архиепископа Антония Зубко, именно после выступления поляков среди преподавателей недавно учрежденной Литовской семинарии сами собой начались разговоры о необходимости присоединения к Православию. Отсюда они постепенно начали распространяться среди духовенства^[123]. Однако прекращение правительством решительных действий в отношении католической церкви восточного обряда позволило противникам ее приближения к Православию попытаться с помощью интриг парализовать уже проведенные реформы. Они

действовали и на местах и в столице, где в это время проживало до 20 000 поляков, крайне неодобрительно смотревших на все, происходившее в унии, и часто имевших связи в высоких сферах власти^[124]. Интриги польских патриотов невозможно проследить по документам. Епископ Иосиф, хорошо изнутри знавший польское общество и его методы, так описывал их: «В столице двадцать тысяч Католиков – они имеют бесчисленные связи во всех состояниях... им легко давать любое направление общественному мнению сего космополитичного града... тут сокроют истину, там оправдают ложь; здесь будут действовать как враги, там как друзья, здесь тайно, там явно. – Это поколеблет самого твердого государственного сановника, лишит его уверенности и в собственных силах и в благонадежности предпринятых мер, а иногда даже заставит действовать в пользу Римлян, когда он будет думать, что действует в видах государственной пользы»^[125].

Интриги польских патриотов были очень опасны, они с легкостью могли запутать дела и полностью остановить подготовку воссоединения. На их фоне наиболее заметной была деятельность базилианского провинциала архимандрита И. Жарского. Он, невзирая на подозрения в сочувствии польским патриотам, сумел воспользоваться покровительством давнего доброжелателя униатских монахов, незадолго до этого назначенного членом Государственного совета Н.Н. Новосильцева и связанных с ними чиновников^[126]. В ноябре 1831 г. Жарский добился своего назначения в состав греко-униатской коллегии, провел в 1832 г. ревизию 37 монастырей и в марте 1833 г. представил собственный план реформирования унии, возвращавший ее к прежним тенденциям полонизации и латинизации под маскирующей новой оболочкой^[127]. Деятельность Жарского проходила при молчаливом попустительстве Блудова, который не только не реагировал на предупреждения и протесты преосвященного Иосифа, но и окружил ее завесой секретности. Ситуация очень напоминала прежние времена, когда с помощью влияния на высокопоставленных чиновников униатские монахи ловко парализовали любые начинания русских властей и удерживали под контролем всю греко-католическую церковь. Пассивность и двусмысленное поведение Блудова заставили Иосифа предположить, что Николай I склонен отказаться от проекта воссоединения в результате чего это дело неизбежно «пойдет в проволочку и наверное не достигнет предположенной цели»^[128]. Для прояснения положения он 17 февраля 1832 г. подал Прощение с просьбой освободить его от должности заседателя коллегии и отпустить из столицы в епархию. Этим он надеялся вызвать куратора проекта на откровенный разговор. Прощение не было удовлетворено без всяких объяснений.

Чтобы выйти из тупика Иосиф 26 июля и 15 октября 1832 г. подал Блудову Записки: «О ходе Униатского дела» и «О разных мерах, которые следовало бы принять по Униатскому делу». В них он в энергичных выражениях описал положение дел, появившиеся затруднения и предложил способ их преодоления. Прежде всего, он указал на большой успех уже приведенных в исполнение мер, утверждая, что «правительство сделало почти все главное для достижения

предположенной цели по Униатскому делу»^[129]. Согласно его мнению: «Надо было только действовать уже более исполнительными, нежели положительными мерами; и чрез десять лет, полтора миллиона Униатов вошли бы в состав Греко-Российской Церкви без всякого принуждения и даже затруднения, с некоторыми разве только облегчениями, с Православием легко согласиться могущими»^[130]. Сложившаяся ситуация, по мысли владыки, раскрыла слабость организации осуществления проекта. Он не обвиняет непосредственно Блудова, но пишет весьма откровенно: «Всякая перемена в чиновниках, всякая с их стороны ошибка или небрежность... должны иметь решительное влияние на участь сего дела и ежели не ниспровергнуть совершенно, то по крайней мере остановить оное на своем ходе, что почти одно и то же»^[131]. Выходом он видел меру, «которой бы при других обстоятельствах все дело кончить долженствовало»^[132]: выведение униатов из ведомства министерства внутренних дел и подчинение греко-униатской духовной коллегии и униатских учебных заведений Св. Синоду. При этом председатель коллегии митрополит И. Булгак должен был войти в состав Синода. Обосновывая новое предложение, преосвященный писал, что такая мера, рассчитанная на дальнюю перспективу, при соблюдении режима секретности не встревожит защитников унии и поляков. Она даст проекту прочную основу и организацию, а также обеспечит последовательность действий и координацию общих усилий как со стороны гражданской власти и православного духовного начальства, так и со стороны стремящихся к воссоединению униатов.

Суть новых предложений Иосифа заключалась в теснейшем сближении униатского духовенства и православной иерархии. Это неизбежно и нечувствительно должно было привести унию к литургическим и догматическим изменениям^[133], постепенному перерождению греко-католического клира в православный и растворению униатов в Православии. Полуторамиллионная церковь должна была, без каких бы то ни было церковно-правовых актов, тихо исчезнуть с религиозной карты Европы. В 1832 г. владыка полагал, что на осуществление этого плана, при предоставлении всех необходимых средств от правительства, потребуется три или четыре года^[134]. Следовательно, согласно замыслу 1832 г. общее воссоединение должно было произойти незаметно, без лишних усилий и на несколько лет раньше известной даты 1839 г. Блудов доложил новые предложения преосвященного Иосифа Николаю I, однако ответа на данное предложение не последовало.

26 января 1833 г. скончался управляющий Литовской епархией епископ И. Мартусевич. В унии в пределах России остались только 2 действующих архиерея: Митрополит И. Булгак и епископ Иосиф^[135]. 2 апреля 1833 г. «именным высочайшим указом», данным Пр. Сенату, Семашко был назначен управляющим Литовской епархией с оставлением в должности члена греко-униатской коллегии. Между тем владыка ничего не знал о судьбе новых предложений и об отношении правительства к результатам деятельности И. Жарского, который в марте 1833 г. представил свой план реформ в унии. Поэтому, несмотря на карьерное возвышение, он, предполагая, что подготовка разрыва союза с Римом

окончательно остановлена и, не желая служить на противном его убеждениям поприще, решился оставить унию и лично присоединиться к Православию. 15 мая 1833 г., заготовив соответствующее Прощение, преосвященный попытался попасть на прием к обер-прокурору Св. Синода С.Д. Нечаеву. Их встреча волей случая не состоялась, но эта попытка сразу же привела Иосифа к откровенному разговору с Д.Н. Блудовым, который заверил его, что планы ликвидации унии не изменились, а проект Жарского, несмотря на покровительство Н.Н. Новосильцева отвергнут^[136].

Объяснение с Блудовым успокоило архиерея-воссоединителя. Между тем события в Белоруссии и Литве принимали неблагоприятный оборот. Проведенные реформы еще не успели переломить прежние тенденции внутри греко-католической церкви. Влияние польских помещиков римского духовенства на униатский клир и силы бывших базилиан еще не были подорваны. Репрессии, коснувшиеся участвовавших в восстании базилианских монахов, казались значительной части униатов религиозными гонениями. Это отталкивало их от Православия. Наконец, вооруженное выступление патриотов Польши возмутило русское общество. Русские землевладельцы, чиновники, православное духовенство смотрели на униатов как на польских пособников. По мнению М.О. Кояловича, русским людям «трудно уже было делить униатский мир на базилианскую партию, умершую для России, и партию белого духовенства, по мнению Иосифа Семашко еще способную ожить. Все униаты представлялись поврежденные язвою полонизма и латинства»^[137]. «На униатов смотрели как на предателей», – пишет польский исследователь З. Добжиньский^[138]. Такие настроения стали почвой для православной миссии, которая появилась с образованием 30 апреля 1833 г. православной Полоцкой епархии. Во главе ее был поставлен епископ Смарагд Кржижановский, сразу проявивший миссионерскую активность, огульное недоверие к униатскому духовенству и к Семашко в том числе. Поддержанный обер-прокурором Синода С.Д. Нечаевым, ничего не знавшим о подготовке общего воссоединения, преосвященный Смарагд развернул широкомасштабную кампанию по присоединению униатов. Она немедленно захватила все православные епархии, на территории которых проживали греко-католики. Всего в Беларуси из унии в Православие в 1833 г. обратилось до 30 000 человек^[139]. Такой успех создавал иллюзию повторения массового возвращения униатов в Православие, имевшего место на Украине в Екатерининское

время. Иосиф, посетив летом 1833 г. Беларусь и досконально изучив ситуацию, начало опасался, что в частных присоединениях, как он назвал этот православный прозелитизм, император может увидеть альтернативу уже осуществлявшемуся проекту общего воссоединения. По мнению же Иосифа, частные присоединения могли затронуть лишь малую часть униатов, прежде всего крестьян, принадлежавших русским помещикам, а остальных невозвратно оттолкнуть в латинство. К тому же частные присоединения показывали отсутствие единства в действиях стремящейся к воссоединению униатской иерархии и православного духовенства.

В этих условиях, получив заверения Блудова в неизменности ранее намеченного курса, владыка Иосиф в Записке от 25 октября 1833 г. «О ходе Униатского дела и о частном присоединении Униатов Православным духовенством» подверг жестокой критике деятельность епископа Смарагда, несовместимую с осуществлявшимся проектом, и повторил предложение подчинить греко-униатскую духовную коллегия Св. Синоду. Ответа вновь не последовало.

Это не заставило Иосифа отступить, но подтолкнуло его на решительные самостоятельные действия. 16 ноября 1833 г. для укрепления позиций сторонников воссоединения в руководстве униатской церкви он ходатайствовал перед куратором проекта о рукоположении в епископский сан известных ему по годам обучения в Главной семинарии и единомышленников с ним безбрачных священников – ректора Литовской духовной семинарии Антония Зубко и председателя консистории Белорусской епархии Василия Лужинского. Одновременно он просил и о посвящении в архиерейское достоинство архимандрита И. Жарского – яркого противника воссоединения. Таким неординарным ходом архиерей-воссоединитель стремился нейтрализовать его как оппонента, удовлетворив его амбиции, и несколько ослабить подозрительность монашествующих. Предложения Иосифа были одобрены Николаем I и в январе 1834 г. данные лица были рукоположены и назначены на должности викариев: А. Зубко и И. Жарский Литовской епархии; В. Лужинский – Белорусской. Перед хиротонией Иосиф взял от них подписки о готовности присоединения к Православию в любое время. Таковую подписку дал и Жарский, что ставит под большое сомнение глубину его религиозных убеждений.

Опираясь на поддержку новых епископов, Иосиф 7 февраля 1834 г. без ведома Д.Н. Блудова провел через коллегия подписанное всеми греко-католическими архиереями Постановление, которым предписывалось: 1) принять в руководство служебник и книгу молебных пений издания Московской Синодальной типографии; 2) устроить во всех униатских храмах иконостасы; 3) ввести в использование при богослужении облачений и утвари, свойственных Православной Церкви. Во исполнение этих решений Литовский преосвященный ходатайствовал перед Св. Синодом о предоставлении униатским епархиям по 10 000 р. на строительство иконостасов в беднейших храмах и по 1500 экз. указанных книг. Постановление встретило настороженность со стороны Блудова, который не был готов к столь радикальным мерам, и поставленного в известность о подготовке воссоединения святителя Филарета Московского. Они опасались массовых протестов, как со стороны униатского духовенства, так и со стороны простого народа. Владыке Иосифу удалось убедить их в своевременности и гарантированном успехе своих шагов. Но намерения архиерея-воссоединителя не ограничивались только началом литургической реформы. Постановлением коллегии от 7 февраля он стремился подтолкнуть Николая I к тому, чтобы «сверху» остановить православных миссионеров и подчинить униатов Св. Синоду, тем самым однозначно сделав выбор в пользу общего воссоединения. Помимо этого, 25 апреля 1834 г., владыка ходатайствовал, ссылаясь на известное ему мнение святителя Филарета, об учреждении особого Секретного комитета из высших униатских и православных духовных, а также светских лиц. Комитет должен был разрешить противоречия в униатском деле и выработать общий единый подход к его решению[\[140\]](#).

Надежды Иосифа не оправдались. Частные присоединения не были остановлены, но по инициативе императора лишь упорядочены и несколько ограничены составленной святителем Филаретом Московским секретной Инструкцией под названием «Мысли и советы для православных архиереев, которых паствы сопределены с разномыслящими в вере и уклонившимся от Православия»[\[141\]](#). Она была разослана адресатам 13 апреля 1835 г. В результате в Беларуси и Литве унию в пользу господствующего исповедания оставили в 1834 г. 35 297 чел., в 1835 – 44 398, в 1836 – 46 777[\[142\]](#). В то же время мнение Иосифа было принято

во внимание и для согласования различных точек зрения Николай I в июне 1834 г. распорядился создать Секретный комитет по униатским делам. На практике этот комитет начал действовать 26 мая 1835 г. В него вошли: от греко-католиков – митрополит И. Булгак и епископ Иосиф; от православных – святитель Филарет Московский, митрополит Петербургский Серафим и Тверской архиепископ Григорий; от правительства – министр внутренних дел Д.Н. Блудов, обер-прокурор Синода С.Д. Нечаев, П.А. Толстой, А.Ф. Голицын и А.С. Танеев. При учреждении комитета по инициативе преосвященного Иосифа Блудов предложил императору, чтобы в рамках работы этого секретного органа проводились дополнительные совещания в еще более узком кругу. Сюда должны были быть допущены только святитель Филарет, епископ Иосиф, Д.Н. Блудов и С.Д. Нечаев. Предложение было принято.

До марта 1836 г. Секретный комитет собирался только 3 раза. Под влиянием Иосифа, консультировавшего его председателя Д.Н. Блудова, он принял важные решения в рамках инициатив архиерея-воссоединителя: введение изучения греко-православного катехизиса в униатских семинариях; восстановление иконостасов в униатских церквях; подчинение униатских семинарий комиссии духовных училищ Св. Синода; разрешение принимать детей униатов, как духовного, так и светского звания, в греко-российские духовные училища и проч. Эти решения без главного – подчинения униатов православной духовной власти, – не могли привести к разрыву союза с Римом. Но владыке не удавалось добиться более решительных шагов, т.к. Секретный комитет оказался полем интриг против планов общего воссоединения со стороны сторонников частных присоединений во главе с С.Д. Нечаевым. В целом не удавалось выработать единое направление действий. Результатом работы этого коллегиального органа, по мнению владыки, стали остановка, шаткость и колебание[\[143\]](#).

Недостаточно активная и малоэффективная работа комитета проходила на фоне развития противодействия со стороны римского духовенства и поляков, подстрекавших униатских священников к сопротивлению своей иерархии и занимавшихся среди униатов прозелитизмом. Положение Иосифа становилось все более тягостным. Он начал сомневаться в возможности силами русской бюрократии ликвидировать унию. Между тем в июне 1836 г. С.Д. Нечаев по

коллективной просьбе членов Св. Синода, уставших от его грубости и деспотичных манер, был освобожден от должности обер-прокурора. Его место занял граф Н.А. Протасов. 24 сентября 1836 г. Семашко подал ему Прошение о личном присоединении к Православию[\[144\]](#). Дело дошло до Николая I. Император потребовал от Иосифа объяснений[\[145\]](#). В ответ преосвященный представил 8 октября 1836 г. Записку, в которой описал опасности для подготовки ликвидации унии. По его представлению они исходили: во-первых, со стороны неправильных решений правительства (подчинение униатов Д.Н. Блудову, который одновременно являлся министром внутренних дел и главноуправляющим иностранными исповеданиями, что заставляло его защищать инославных и не могло способствовать разрыву унии); во-вторых, со стороны православного духовенства, активно занимавшегося частными присоединениями и демонстрировавшего униатам враждебность; в-третьих, со стороны римского духовенства и польских помещиков. Единственный выход из этого затруднения, по мнению преосвященного Иосифа, мог заключаться только в подчинении греко-униатской коллегии если не прямо Св. Синоду, то хотя бы его обер-прокурору[\[146\]](#). «Замедление, – делал он вывод, – решительно обращается только в пользу Римлян, и, по всей вероятности, через некоторое время эта мера будет уже бесполезной и только подвергнет оное начальство (т.е. правительство – А. Р.) ответственности за неуспех дела, предыдущими обстоятельствами приготовленный»[\[147\]](#). Записка имела успех и 1 января 1837 г. заведование униатскими делами перешло в ведомство обер-прокурора Св. Синода с одновременным подчинением греко-униатской коллегии Сенату. Эта мера была половинчатой, но она давала надежду на координацию действий православных и греко-католических духовных властей.

Передача воссоединительного проекта в руки Протасова позволила епископу Иосифу вновь представить свое видение проблемы и попытаться реализовать в полном объеме замысел растворения унии в Православии. Для этого 4 января 1837 г. он подал обер-прокурору Записку «О положении Униатского дела и способах доведения оного к предположенной цели». В этом документе владыка, помимо прочего, описал три пути окончательной ликвидации унии. Первый: «Главным распоряжением – объявить общее присоединение Униаток Православной

Церкви»[\[148\]](#); второй: «Продолжать начатое Православным духовенством миссионерское обращение Униатов»[\[149\]](#); третий: «Развернуть во всем пространстве начатое уже подчинение Униатского духовенства Православным духовным начальствам»[\[150\]](#). Первый путь Семашко считал «по своей решительности»[\[151\]](#) самым лучшим, но неприемлемым. Дело в том, что это требовало «резких и сильных средств со стороны правительства»[\[152\]](#), иначе говоря, репрессий, неизбежно ведущих к уходу большинства греко-католиков в римский обряд, а, значит, полному провалу общего воссоединения. Второй путь, по его мнению, вызовет «волнение и беспокойство умов на неопределенное, вероятно, долгое время»[\[153\]](#). Впрочем, в этом случае склонные к воссоединению униатские епископы могут косвенным и незаметным образом помочь православным миссионерам, удерживая униатов от перехода в чистое латинство. Наконец, третий путь – это реализация в полном объеме предложений 1832 г. Преосвященный Иосиф видел в них меру, которая «исключает важные неудобства обеих предыдущих, соединяя в себе совершенно все их выгоды»[\[154\]](#). Одновременно владыка указал на то, что продолжение частных присоединений вместе с осуществлением подготовки общего воссоединения только на руку латинянам, которые, пользуясь сложившимся положением, тайно переводят униатов в римский обряд. По его данным, косвенно полученным из анализа статистики министерства внутренних дел, касающейся численности народонаселения Западных губерний, в Белорусской епархии только за 1834 г. униаты лишились в пользу латинства не менее 25 000 человек[\[155\]](#), в основном детей униатских родителей, крещенных в костелах. Т.е. громко рекламируемые миссионерские успехи епископа Смарагда симметрично уравнивались успехами римлян, совершенно покрытых молчанием.

Новый куратор униатской проблемы Н.А. Протасов отнесся к Записке Иосифа Семашко с полным вниманием. Особенно его встревожили данные о продолжающемся размывании унии латинским духовенством. В июне 1837 г. по его ходатайству епископ Смарагд был переведен из Полоцка на Могилевскую кафедру. С его уходом из региона компактного проживания униатов частные присоединения практически прекратились. Они продолжались лишь по инерции и составили в 1837 г. только 2500 человек в имениях русских помещиков[\[156\]](#). В

итоге в 1837 г. препятствие воссоединительному проекту в виде частных присоединений было устранено.

В 1834-37 гг., параллельно с усилиями по продвижению своих планов разрыва унии, большое внимание преосвященный Иосиф уделил литургическому сближению униатов с православными, полагая это желательным предварительным условием подчинения греко-католического Высшего церковного управления Синоду. В этой сфере он мог действовать только в пределах своих властных полномочий на территории Литовской епархии. Белорусская, находившаяся под омофором митрополита И. Булгака, была ему недоступна. Опираясь на Постановление греко-униатской коллегии от 7 февраля 1834 г. владыка осторожно, но твердо провел перестройку храмов согласно восточной традиции. Из церквей убирались органы, боковые алтари, латинские престолы, конфессионалы и проповеднические амвоны, монстранции, статуи, колокольчики и пр. Ценные предметы, особенно органы, продавались. Вырученные деньги шли на ремонт и перестройку храмов. То, что не находило покупателя или передавалось в Синод, или сжигалось. Сооружались иконостасы и престолы на середине алтаря. К 1837 г. были устроены 641 иконостас (в 1833 г. их в Литовской епархии насчитывалось 123) и 774 православных престола[\[157\]](#). Католическая богослужebная утварь и облачения заменялись на православные. В употребление вводились книги московской печати: Евангелия, Апостолы, служебники, книги молебных пений и др. Внешние преобразования, по свидетельству митрополита Иосифа были тягостны и неприятны как для священства, так и для народа. Но на удивление сопротивление было весьма незначительное и только в некоторых местах. Оно было преодолено духовной властью, наложившей на священников ответственность за перестройку церквей[\[158\]](#).

Гораздо труднее шло дело по введению в обиход православного богослужения. «Обучение правильному богослужению, – по воспоминаниям владыки, – было настоящим оселком для испытания благонадежности духовенства»[\[159\]](#). Главной проблемой стало внедрение православных служебников. При объезде епархии в 1834 г. владыка столкнулся с тем, что многие священники «не понимают славянского языка и священнослужения, которое ежедневно отправляют»[\[160\]](#). Часть из них просто не умело читать по церковно-славянски. Для практического

изучения службы преосвященный Иосиф учредил в Жировичском Свято-Успенском монастыре при открытой в 1828 г. Литовской семинарии, преподавательский состав которой был подобран им из людей убежденных в необходимости воссоединения, комиссию для определения правоспособности кандидатов на священнические и причетнические должности. Здесь же проходили обучение и аттестацию священники и дьячки поставленные ранее, но оказавшиеся мало подготовленными[\[161\]](#). Их по несколько человек на несколько недель вызывали в Жировичи и лишь после соответствующей учебы и экзамена выдавали служебники московской печати. При этом со священников бралась расписка в том, что они будут постоянно служить только по ним. Всего в 1835-36 гг. в Жировичи были вызваны 207 священнослужителей, а до 1839 г. все священники Литовской епархии прошли здесь обучение[\[162\]](#). Многие были этим крайне недовольны. Паны и ксендзы распространяли слухи, что с принятием православных служебников униаты уже становятся православными, что правительство на самом деле против реформ унии и это дело инициировано исключительно злонамеренными униатскими духовными начальниками – прежде всего, епископом Семашко. Священников также пугали отправкой в Россию, в случае если они подчиняться требованиям своей иерархии и проч. К этому добавлялось нежелание переучиваться. Некоторые отказывались от принятия служебников. Во время архипастырской поездки владыки Иосифа по своей епархии в 1834 г. в собраниях духовенства к нему неоднократно обращались с просьбами о прекращении литургической реформы. В Новогрудском благочинии он получил подписанный 57-ю священниками письменный протест. К проявлявшим непослушание епархиальной властью применялись различные меры: кроткие увещевания[\[163\]](#); духовные епитимии в униатских монастырях[\[164\]](#). Упорствующие, которые к тому же вредно влияли на своих собратий, переводились на другие приходы. Высшей мерой воздействия было низведение на причетническую должность до исправления. Всего по Литовской епархии за решительный отказ от принятия служебников на должности дьячков были переведены 23 священника[\[165\]](#). Трое из них: А. Плавский, И. Дылевский и А. Горбацевич, – были помещены до раскаяния в Вольнянский, а затем в Бытеньский монастырь. Из этих 23 священников сразу же

покаялись и вернулись к священническому служению 5 человек[166]. Еще 5 вскоре приняли Православие[167]. Прочие вернулись к священническому служению несколько позже. Упорство проявили только однокашник владыки Иосифа по Главной семинарии А. Плавский[168] и И. Дылевский[169].

Успех литургических преобразований позволил Иосифу решительно приступить к религиозному убеждению подчиненного духовенства в истинности Восточной Церкви. Он делал это лично, во время архипастырских поездок в 1834 и 1837 гг., через доверенных духовных лиц и посредством организованной раздачи православной полемической литературы. Такая работа не встретила затруднений. Многие священники действительно полагали себя присоединенными к Православию уже одним фактом принятия православных служебников.

Особое внимание преосвященный обращал на подбор деятельных и надежных благочинных, понимая, что именно от этой группы начальствующих лиц во многом зависит успех дела[170]. Вместе с этим Иосиф решительно очищал белое духовенство от людей необразованных, отличавшихся дурным поведением и ненадежных для воссоединения. Чтобы устранить их он наметил к упразднению 200 маленьких по числу прихожан приходов[171]. Всего в течение 1834 – 1835 гг. в Литовской епархии были закрыты 130 приходов (всего в это епархии насчитывалось более 800 приходских общин), почислив недостойных духовных лиц за штат, а тех кто не имел морально-нравственных изъянов назначив вторыми священниками при надежных настоятелях[172]. Должности настоятелей больших приходов получали только проверенные лица, которые при определении к месту давали присягу на верность императору, а не папе, как прежде[173].

Большое внимание преосвященный Иосиф уделял воспитанию монашествующих. К 1835 г., согласно программе передачи малонаселенных монастырей в руки белого духовенства, принятой в 1828 г., были ликвидированы 2/3 обителей. Параллельно шел процесс возвращения в чистое католичество монахов, поступивших в базилианский орден из римского обряда. В результате к 1835 г. в униатской церкви осталось 197 иночествующих из 680, состоявших в ордене в 1828 г.[174] До конца 1838 г. их число выросло до 251 человека[175]. Оставшиеся от прежнего времени и новые монахи, рожденные и воспитанные в унии, как правило, не имели столь сильной как у собратьев-латинянненависти ко всему православному и русскому. Можно было надеяться возродить в монашестве православные духовные основы. С этой целью владыка ввел практику перемещения монахов из монастыря в монастырь. Этим он не давал им организоваться в устоявшиеся кружки, в которых могли возникнуть антиправославные настроения, и приучал к свойственному восточному монашеству послушанию. Одновременно преосвященный заставлял их изучать и совершать богослужение по православному чину[176].

Успех литургических преобразований и убеждения духовенства в необходимости разрыва союза с Римом, а так же подчинение униатов обер-прокурору Св. Синода позволили епископу Иосифу в начале 1837 г. надеяться на близкое осуществление

воссоединения. Его он, как и прежде, видел в подчинении униатов непосредственно Синоду. Между тем он ничего не знал о планах императора и Н.А. Протасова. С передачей воссоединительного проекта в новые руки дело окончательно остановилось. С марта 1836 по конец 1838 г. Секретный комитет не собирался ни разу. В отношении унии вообще не предпринималось никаких шагов. Чтобы показать Протасову, а через него и Николаю I высокую степень подготовленности ликвидации унии и подтолкнуть их к более решительным действиям преосвященный решился на новую меру. Весной и летом 1837 г. он посетил обе униатские епархии, и, используя возможность лично встретиться со священниками, начал собирать с них подписки о желании в любое время присоединиться к Православию. Это не являлось чем-то новым. 10 подписок от духовных, занимавших наиболее важные административные должности, были взяты Иосифом еще в 1834 г. Теперь владыка намеревался организовать сбор подписок в массовом порядке. Однако это дело неожиданно вскрыло большую проблему. Оказалось, что за то время, когда в Литовской епархии активно проводилась работа с духовенством и литургическая реформа, в Белорусской не делалось практически ничего. За небольшим исключением храмы оставались в прежнем виде. Священники литургисали по-старому. Православные служебники лежали в церквях без всякого употребления. Под омофором митрополита И. Булгака и в консистории епархии, и на должностях благочинных обосновались ярые противники приближения унии к Православию. Они соответствующим образом настраивали священников и не выполняли постановлений униатской духовной коллегии. Сыграла негативную роль и деятельность епископа Смарагда, которая заставила униатов видеть в православном духовенстве и русских чиновниках врагов, что толкало их к объединению с ксендзами и поляками. Сторонник Иосифа викарий епархии епископ Василий Лужинский не обладал нужными в таких условиях энергией и деловыми качествами и не смог развернуть необходимую работу. В результате, если в Литовской епархии преосвященный Иосиф сумел при первом же обращении собрать 114 подписок, то в Белорусской епархии на них согласились лишь 21 человек^[177].

Владыка не стал скрывать возникших затруднений. В Отчете о поездке, поданном 3 октября 1837 г. и озаглавленном «О состоянии обеих Униатских епархий во всех отношениях» он описал всю сложность положения в Белорусской епархии и предупредил Протасова о существующей здесь опасности отпадения значительной части униатов в латинство «особенно... по северным уездам Витебской и Минской губерний, где, по ближайшему влиянию системы преосвященного Смарагда и большему смешению с Римлянами, неблагонамеренность имела более способов действовать с успехом»^[178].

Ознакомившись с Отчетом Иосифа, Н.А. Протасов пожелал узнать его мнение о том, как решить проблему. В ответ владыка 13 октября подал Записку «Дополнительная к предыдущей записке и относящаяся преимущественно к отставшей Белорусской епархии». В ней он указал, что необходимо за короткое

время сделать в этой епархии все то, что было сделано в Литовской. Единственный способ добиться этого – заставить потрудиться местное епархиальное начальство. «Одно только оно, – полагал он, – может употребить во-время и с пользою для благого дела ежедневно встречающиеся и возобновляющиеся обстоятельства и соотношения, возникающие как по общему ходу дел, так и по связи с остальными делами епархиального управления»[\[179\]](#). Власти не должны вмешиваться. «Частными распоряжениями высшего начальства, – писал Семашко, – скорее можно повредить делу, нежели оному поспособствовать»[\[180\]](#).

Чтобы инициировать активность управления Белорусской кафедры в желательном направлении архиерей-воссоединитель был готов лично взяться за дело. Для этого митрополит И. Булгак, оставаясь номинальным главой епархии, должен был поручить ему непосредственное руководство. Владыка Иосиф видел в этом лучший выход, но предвидел, что обер-прокурор не поддержит его. Поэтому он предлагал сделать самостоятельным управляющим Белорусской кафедрой епископа Василия Лужинского, хотя, по его мнению, «епископ сей и не имеет всех качеств, нужных для этого дела в нынешнем положении, однакож будет уже по крайней мере верная точка опоры для действий по сей епархии»[\[181\]](#). Подразумевалось, что при этом митрополит Булгак должен был уйти на покой.

Как преосвященный Иосиф и предполагал его предложения не нашли отклика. Это его не остановило, и он активно занялся сбором подписок в своей епархии. К апрелю 1838 г. уже более трехсот священников согласились на присоединение. Чтобы ускорить процесс владыка поручил сбор подписок благочинным, снабдив их соответствующими инструкциями, а так же использовал уже опробованный метод вызовов духовенства в Жировичи. Сюда вызывались те священники, которые, по мнению благочинных, были сомневающимися. При кафедральном соборе в Жировичах они должны были проходить испытания «в познаниях, духовному сану свойственных, и правильном богослужении»[\[182\]](#). Одновременно священнослужители собора и преподаватели Литовской семинарии в личных беседах убеждали их согласиться на воссоединение. Эта работа шла очень успешно. К концу 1838 г. по Литовской епархии перейти в Православие были согласны уже 775 человек[\[183\]](#). В Белорусской епархии владыка Василий,

оставаясь викарным, тоже активно занялся сбором подписок. Толчком этому послужило то, что во время посещения Белоруссии в 1837 г. преосвященный Иосиф обозрел 54 церкви и провел с духовенством в наиболее важных пунктах большую работу. Наставлениями и указаниями он разъяснял им новые требования и убеждал в необходимости присоединения к Православию[\[184\]](#). Кроме того, властью визитатора он сделал необходимые, по его мнению, распоряжения в консистории епархии и отрешил от должностей наиболее активных противников воссоединения: заседателя консистории Игнатовича, инспектора семинарии Томковида и учителя Копецкого[\[185\]](#).

В начале 1838 г. скончались митрополит И.Булгак и епископ И. Жарский, последние противники воссоединения из числа иерархов униатской церкви. В связи со смертью И. Булгака, занимавшего три поста: митрополита, председателя униатской коллегии и правящего епископа Белорусской епархии встал вопрос о замещении этих должностей. После совещания Протасова с Блудовым, святителем Филаретом Московским и Киевским митрополитом Филаретом Амфитеатровым 2 марта 1838 г. Иосиф Семашко был назначен на пост председателя греко-униатской коллегии. Управляющим Белорусской епархией стал епископ Василий Лужинский. Вопрос о назначении униатского митрополита остался открытым[\[186\]](#).

Новая иерархическая ситуация и успехи в сборе подписок, о котором докладывал Семашко, подтолкнули Протасова к попытке выяснить что же в действительности происходит в унии. Он постарался подойти к делу осторожно и обстоятельно. По его ходатайству в мае 1838 г. в западные губернии для сбора сведений о продвижении подготовки общего воссоединения был направлен чиновник Синода для особых поручений камергер В. Скрипицын. Он посетил 54 прихода, 8 мужских и 2 женских монастыря в Литовской епархии и 23 прихода, 2 мужских и 1 женский монастырь в Белорусской. Скрипицын нашел, что из 1057 человек литовского духовенства 926 уже дали подписки о желании присоединиться к Православию. В Белорусской епархии таковых насчитывалось 415 из 680[\[187\]](#). Его заключение было весьма оптимистичным: «Дело общего воссоединения Униатов могло бы считаться уже весьма близким к окончанию»[\[188\]](#).

Выводы Скрипицына заставили Н.А. Протасова согласиться с мнением Семашко о необходимости форсировать завершение воссоединения[\[189\]](#). Между тем события на местах принимали неблагоприятный оборот. Католическое духовенство и польские паны, для которых в связи со сбором подписок цели правительства стали известны, усилили меры противодействия. Они не жалели денег на постройку костелов и каплиц, устраивали миссии и, переходя крестными ходами от одной церкви к другой, совершали богослужения с проповедями, направленными против Православной Церкви. Ксендзы, несмотря на запрет, продолжали крестить униатских детей, распространяли антиправославную литературу и проч. Управляющий Виленской католической епархией прелат Микуцкий, опубликовал выдуманный им указ императора Николая I о разрешении перешедшим в римский обряд униатам оставаться в католичестве[\[190\]](#). Полностью пресечь действия польских помещиков-ксендзов было невозможно по причине нерадения, а порой и недоброжелательности к Православию местных чиновников, часто сочувствовавших полякам и католикам[\[191\]](#). Это влияло не только на простой народ, но и на униатское духовенство, особенно в местах, где латиняне составляли большинство. Следствием стали адресованные непосредственно царю письменные протесты униатского духовенства. В них содержалось общее требование – оставить унию в покое. Один из них, подписанный 15 священнослужителями, поступил летом 1838 г. из Белостокского благочиния Литовской епархии, другой 14 сентября того же года подписали 111 священников Витебской, Минской и Могилевской губерний Белорусской епархии. С выступлениями удавалось достаточно легко справиться. К протестовавшим применялись как кроткие увещевания, так и меры строгости: перевод из одной епархии в другую, лишение прихода, низведение на причетническую должность, временное помещение в монастырь, высылка в великорусские губернии. Хотя крайности приходилось прибегать редко (например, из 111 возмущившихся священников было наказано 25: 12 перевели в Литовскую епархию, 8 отправлены в униатские монастыри на покаяние в непослушании и только 5 высланы в великороссийские губернии[\[192\]](#)), однако, для епископа Иосифа стало очевидным, что общее воссоединение необходимо ускорить иначе униатское дело может быть остановлено польско-католической интригой[\[193\]](#).

В этих условиях преосвященный Иосиф 1 декабря 1838 г. подал на имя обер-прокурора Св. Синода графа Протасова Записку о необходимости безотлагательного присоединения униатов. В ней Иосиф предлагал план окончательного разрыва унии. Он рассуждал следующим образом: «Требовать ли формального согласия всех Униатских прихожан и совершать над ними обряд присоединения? Но это послужило бы только к возбуждению сомнений в сердцах простых, следующих руководству своих пастырей, а не собственным выводам. Народ Униатский, за весьма малым исключением таков почти ныне, каков был до обращения в Унию, и будет Православным, как скоро его пастыри будут Православны. Сверх того, требование согласия предполагает и несогласие; а подчинение всех почти Униатов помещикам Римского исповедания дала бы сим последним случай возмущать своих крестьян, если бы от них требовалось согласие формальное. Составить ли собор из Униатского духовенства, который бы определил присоединение Униатов к православной Церкви? Но собор таковой должен предполагать общее единодушие: а такового еще нет между Униатским духовенством, да и быть не может, как и во всех делах человеческих. Следовательно, сильные властью помещиков западных губерний Римляне легко могут возбудить к протестации некоторых неблагонадежных Униатских духовных, особенно в большом числе находящихся по Белорусской епархии. Словом, обе сии формы могут иметь последствием совращение в Латинство значительного числа Униатов, — для предупреждения чего соображен был предварительно весь ход Униатского дела»^[194]. Исходя из этого владыка Иосиф вновь, как и в предыдущие годы предлагал провести общее воссоединение путем подчинения униатов непосредственно ведению Св. Синода, что должно было стать «наружным, законной властью освященным присоединением Униатской в России Церкви к Греко-Российской Православной»^[195]. После такого акта, по его мысли должен был последовать процесс растворения униатов в Православии через деликатное и неафишируемое исключение из богослужебной практики поминания папы и Filioque, начиная с более подготовленных приходов и благочиний. Согласно убеждению Иосифа, эти преобразования не встретят препятствия «по весьма значительному числу благонадежных Греко-Унитских духовных»^[196]. Одновременно в этом случае «никто не будет иметь предлога отторгаться из-под власти нынешнего Греко-Унитского начальства, и оно будет в состоянии привести окончательно всех Униатов на лоно Православной Церкви»^[197]. Такой подход учитывал и наличие в унии большого числа священников и монашествующих, которые из-за преклонного возраста не могут изменить свои прежние привычки, а так же безместных священников, которых было особенно много на Украинских территориях. Преосвященный Иосиф полагал, что его план не заставит их потребовать перехода в латинский обряд. Подчинение Синоду должно было привести к постепенному переходу униатов целыми приходами и благочиниями под власть местных православных епархиальных архиереев. В результате униатская иерархия оставалась без паствы,

после чего и сами греко-католические епископы должны были официально объявить себя православными.

Записка Иосифа легла на подготовленную почву. Помимо информации от В. Скрипицына Протасов уже имел датированную 4-м июля 1838 г. Записку Киевского митрополита Филарета. В ней говорилось о достаточной подготовленности ликвидации унии. Для окончательного решения обер-прокурор запросил мнение святителя Филарета Московского и епископа Антония Зубко. Владыка Антоний в Записке от 16 декабря высказался за немедленный разрыв унии. Святитель Филарет 13 декабря передал обер-прокурору свою Записку, в которой выразил принципиальное согласие на скорейшее воссоединение. Однако, он видел опасность в плане преосвященного Иосифа, заключающуюся в том, что еще 421 униатский священник и 172 монаха не дали подписки. По его мнению, эти люди могли спровоцировать волнения в крае, и правительству придется подавлять их силой. Исходя из этого святитель предложил свой план, где согласно православной экклезиологии упор делался на соборном обращении униатской иерархии к Св. Синоду с просьбой о присоединении. При этом бывшим униатам должны были оставаться те обычаи и привычки, которые не противоречили православному вероучению^[198].

На заседаниях Секретного комитета по униатским делам 22 и 26 декабря 1838 г., в присутствии шефа жандармов генерал-адъютанта А.Х. Бенкендорфа, министра государственных имуществ генерал-адъютанта П.Д. Киселева, министра внутренних дел тайного советника Д.Н. Блудова и обер-прокурора Св. Синода генерал-майора Н.А. Протасова были рассмотрены: «1) выписка из секретного отношения Виленского генерал-губернатора князя Долгорукова о положении грекоуниатского дела от 18 ноября 1838 г. за № 1353; 2) записка грекоуниатского епископа Иосифа от 1 декабря 1838 г. о мерах общего воссоединения; 3) мнение о том же митрополита Московского Филарета от 16 декабря 1838 г.; 4) разные сведения относительно состояния грекоуниатской церкви»^[199]. В результате обсуждения представленных материалов члены комитета пришли к единодушному согласию на присоединение униатов и разработали способ его осуществления. Он практически полностью совпадал с планом святителя Филарета. В Постановлении комитета говорилось: «Грекоуниатские епископы, со старшим Духовенством своим составят церковный соборный акт, в котором, по изложении причин, заключат, что они, по зрелом рассуждении, призвав в помощь благодать Божию, полагают признать вновь свое первоначальное единство с Восточною Кафолическою Православною Церковью, от которой в бедственные времена отторжены были отторжением политическим, от которого удалены были посторонним влиянием, и к которому возвратиться имеют ныне полную свободу»^[200]. Таким образом, присоединение должно было совершиться на основании соборного обращения униатского духовенства к Синоду и императору. Оно заключалось в подчинении бывших униатов Св. Синоду с передачей в его ведомство греко-униатской духовной коллегии из подчинения Пр. Сената^[201].

Члены комитета разделяли опасения святителя Филарета о возможных волнениях. Поэтому на заседании 4 января 1839 г. ими была разработана Секретная инструкция генерал-губернаторам западных губерний, которая предоставляла им особые полномочия: 1) наблюдать, чтобы католическое духовенство и помещики не мешали воссоединению униатов; 2) для наблюдения за ходом дел разрешалось на три года в каждую губернию назначить по одному чиновнику для особых поручений; 3) прямая ответственность и наблюдение за крестьянами возлагалась на помещиков; 4) избрать удобные пункты в селениях для размещения войск; 5) униатские священники, не повинующиеся начальству, подлежали высылке в монастыри великорусских губерний; 6) за соучастие в противодействиях воссоединению лишать занимаемых должностей предводителей дворянства и чиновников; 7) католическое духовенство за вооруженные выступления предавать военному суду; 8) для быстрого успеха в деле воссоединения ходатайствовать о наградах и денежных пособиях духовным, военным и гражданским лицам; 9) вышеперечисленные меры употреблять в случае необходимости, «генерал-губернаторы прежде всяких официальных мер строгости обязаны действовать личными внушениями и увещаниями»^[202]. 8 апреля секретная инструкция была подписана императором^[203].

Издержкой предложенного святителем Филаретом и выбранного Секретным комитетом пути, должно было стать появление упорствующих священников и монахов, соблазняющих на такое же поведение своих собратьев. Согласно Секретной инструкции генерал-губернаторам их нужно было удалять из края. Для этого по предложению Иосифа повелением Николая I от 13 марта 1839 г. в Курске была создана специальная обитель – просторный частный дом с сооруженной в одном из помещений униатской церковью. Она содержалась на средства греко-униатской коллегии.

12 февраля 1839 г. в Полоцке под председательством преосвященного Иосифа состоялся собор униатского духовенства, главным деянием которого стало подписание Соборного акта о воссоединении униатов с Православием и Прошения об этом на высочайшее имя. Под Соборным актом стояли 24 подписи, принадлежавшие всем 3 епископам и важнейшим начальствующим лицам униатской церкви в России. К акту прилагались собственноручные подписки униатского духовенства (1305) о желании присоединения. 23 марта состоялось Постановление Св. Синода о принятии униатов в лоно Православия и 25 марта Николай I утвердил это Постановление словами: «Благодарю Бога и принимаю». 30 марта члены Синода в полном собрании вручили преосвященному Иосифу грамоту к воссоединенным епископам с паствою, сопроводив это деяние торжественным лобзанием нового собрата, и совместно возблагодарили Господа. Одновременно епископ Иосиф был возведен в сан архиепископа и назначен правящим архиереем Литовской епархии и председателем синодальной коллегии, переименованной из греко-униатской в Белорусско-Литовскую.

Полоцкий собор не стал последней точкой в ликвидации унии, потому что сразу после него не произошло всенародное объявление о воссоединении. Практическая

реализация разрыва унии деликатно и осторожно продолжалась в течение всего 1839 г. Согласно Постановлению Секретного комитета по униатским делам от 22 и 26 декабря 1838 г. Синод издал Исполнительный указ, который должен был быть объявлен присоединяемому духовенству. В первую очередь он объявлялся подписантам акта Полоцкого собора, затем всем кто ранее дал подписки о воссоединении. Не выразивших письменно желание оставить унию, которых в Литовской епархии насчитывалось 116 священников и 95 монахов, а в Белорусской соответственно 305 и 77^[204], сначала надлежало убедить дать подписки. Только после этого указ об уничтожении унии доводился и до их сведения^[205]. Видимым знаком присоединения к Православию было прекращение в богослужении поминания римского первосвященника, введение воспоминания Св. Синода и исключение из Символа Веры слов *и Сына*^[206]. К 4 июля 1839 г. во всех благочиниях и монастырях Литовской епархии духовенству было объявлено о разрыве союза с Римом^[207] и 4 октября того же года владыка Иосиф сообщил в Синод, что во всех храмах его епархии более не поминается папа, а Символ Веры поется без *Filioque*^[208]. Чтобы добиться этого высокопреосвященному пришлось провести огромную работу с приходскими священниками и монашествующими, сообразуясь с обстоятельствами каждой местности и личными качествами клириков. После Полоцкого собора продолжался и сбор подписок. Всего в 1839-40 гг. высокопреосвященный получил 146 подписок о присоединении^[209]. Такая же работа проводилась епископом Василием Лужинским в Белорусской епархии.

Подписки не требовались от престарелых, заштатных и безместных священников и пожилых монахов, число которых было велико. Никаких открытых выступлений со стороны бывшего униатского духовенства не последовало. В польской историографии часто можно встретить упоминание о ссылках в 1839 г. твердого в униатстве духовенства в Сибирь и даже о заключении в тюрьмы 105 или 106 клириков^[210]. Это не соответствует действительности. В большинстве случаев оказалось, что к священникам, не давшим подписки до Полоцкого собора, еще просто не успели за ними обратиться. Они без колебаний соглашались на воссоединение. Несогласных переводили на другие места или временно отрешали от приходов. Как правило, этого было достаточно, чтобы они пересмотрели свои взгляды. Упорствующих, которые к тому же отличались неодобрительным морально-нравственным поведением, высылали из края. В 1839 г. в общей сложности в великорусские губернии было отправлено 40 униатских духовных лиц. 3 священника и 2 иеромонаха находились на свободном поселении, а остальные жили в монастырях. Из них в Курской обители было помещено 20 человек: 6 священников, 13 иеромонахов и 1 архимандрит. За исключением 4

упорствующих, 36 священникам выплачивали ежегодное пособие в размере ста рублей, а семье единовременное – 13 рублей^[211]. В 1842 г. Курская обитель была закрыта. Из 20 находившихся в ней духовных лиц 5 были выведены в светское звание, 8 размещены по разным православным монастырям Курской губернии и 7 переведены в воссоединенные монастыри^[212]. Из остальных 20 священников высланных в глубь России часть отказалась от священства, но большинство согласилось присоединиться к Православию и вернулось в Беларусь. В 1858 г. в одном из монастырей Владимирской губернии еще оставался священник Ленчевский^[213]. Но это не могло быть связано с тем, что его держали там насильно, т. к. все желающие вернуться на Родину беспрепятственно сделали это до 1844 г. даже без условия перехода в Православие. «Некоторое число Униатских священников, не пожелавших принять Православие, но оказавшихся смиренными – писал впоследствии митрополит Иосиф, – оставлены в покое доживать свой век, а иные до сих пор живут безвредно среди воссоединенного населения»^[214].

Белорусские крестьяне приняли возвращение в лоно Православной Церкви спокойно. Преосвященный Василий Лужинский свидетельствует, что народ воспринимал новость о ликвидации унии без волнения^[215]. Когда воссоединенное духовенство начало в проповедях убеждать народ в послушании Православной Церкви, от которой их прадеды были отторгнуты насилием, то у прихожан это не вызывало ни малейшего противодействия. Они говорили: «Куда наши отцы духовные, туда и мы, – они душам нашим погибли не желают»^[216]. В докладе правительству Киевский военный генерал-губернатор Бибилов отмечал: «Все бывшие униаты без малейшего прекословия воссоединились к вере отцов, принося при этом в церкви некоторые церковные утвари и Царские врата, которые в прежнее время насильственного их обращения в унию, были исторгнуты из церкви»^[217]. Г.Я.Киприанович в связи с отношением народа к объявлению воссоединения сообщает, что в Литовской духовной консистории хранилось в рукописи историко-статистическое описание (от 1887 г.) около 500 приходов Литовской епархии, где его авторы, местное духовенство, в один голос свидетельствуют, что в их приходах в 1839 г. воссоединение совершилось «тихо и мирно и что бывшие униатские прихожане почти незаметно стали православными»^[218]. Таким образом, на всем протяжении белорусско-литовского края не было отмечено никакого народного брожения^[219]. Небольшие отряды войск (около 600 чел.), сосредоточенные правительством для пресечения возможных беспорядков, не понадобились^[220].

Наиболее убедительным свидетельством действительного разрыва с Римом и для бывших униатов и для правительства стали совместные богослужения

воссоединенных и древлеправославных архиереев и священников. Их инициатором и активным участником выступил высокопреосвященный Иосиф. Как он писал впоследствии: «...совокупные служения... поставили рука об руку древлеправославных с воссоединенными; сделали воссоединение наглядно гласным для своих и для чужих; главное ж, успокоили правительство и всех других на счет мирного исхода Униатского дела, чего не могли сделать все прежние мои уверения – опасались волнения и беспокойств... Я был невозмутимо покоен совершенною уверенностью в успехе; хотя граф Протасов и сказал мне, что Государь решился на окончательные меры единственно по доверенности к моему мнению. Действительно, моя спокойная уверенность, кажется, всех успокаивала»[\[221\]](#).

Мирная обстановка в Западных губерниях в ближайшие после Полоцкого собора месяцы позволила императору Николаю I разрешить 1 октября 1839 г. всенародно и повсеместно объявить о состоявшемся воссоединении[\[222\]](#). Именно это объявление и можно считать окончательным актом уничтожения унии в Российской империи. Из собранных М. Радваном архивных данных следует, что в 1837 г. в Литовской епархии было 673 прихода, 981 священник и 815 473 верующих. В Белорусской насчитывалось 554 прихода, 715 священников и 608 407 верующих[\[223\]](#). Число монахов достигало 251 человека[\[224\]](#). Невозможно точно определить, сколько духовных лиц решительно и бесповоротно отказалось от перехода в Православие. Из 40 человек, высланных в Российские губернии в 1839 г. многие вскоре пересмотрели свои взгляды, некоторые вышли в светское звание, а некоторые не принимая Православие вернулись в Западные губернии жили среди воссоединенного народа. Поэтому, суммируя и округляя цифры можно придти к выводу, что к господствующему исповеданию в 1839 г. присоединилось 3 епископа, более 1500 священников, более 200 монахов, 1227 приходов и около 1 500 000 верующих. Несомненно, воссоединение униатов в 1839 г. было и остается самым значительным единовременным миссионерским приобретением Русской Церкви за всю ее историю.

После Полоцкого собора (1839-1861)

Ликвидация унии не стала громко обсуждаемым событием ни внутри России, ни в секулярном европейском обществе. Даже в Апостольской столице эта весть была

воспринята достаточно спокойно. О реакции Рима пишет З. Добжиньский: «Папа Григорий XVI (1831-1846) сообщил собранным в Консистории Римской курии 22 ноября 1839 г. о ликвидации греко-католического обряда в России, высказав только свое сожаление. Но, к разочарованию противников православия, это было все. Папа не осудил царское правительство, не желая его дразнить»[\[225\]](#). Единственным ответом Рима на уничтожение унии стала изданная тогда же 22 ноября 1839 г. Аллокуция, осуждавшая воссоединившихся за отступничество. Ксендзами она широко распространялась в Беларуси и Литве.

Несмотря на то, что воссоединение не вызвало широкий общественный резонанс, оно сделало имя Иосифа Семашко известным и стало его личным триумфом. Однако сам он после Полоцкого собора считал свою миссию завершённой. Владыка полагал, что его личность, на которой концентрировалась вся ответственность за уничтожение унии, будет препятствовать окончательному слиянию воссоединённых с православными и может стать для правительства обузой, а для Православной Церкви источником неприятностей[\[226\]](#). Поэтому 26 февраля 1839 г. он подал императору Прошение, в котором просил уволить его на покой через два-три года, т.е. тогда, когда улягутся волны, поднятые Полоцким собором, и будут проведены первоочередные мероприятия по закреплению разрыва унии[\[227\]](#). Просьба вызвала недоумение Николая I и Протасова. В ответ архиепископу Иосифу была предоставлена пожизненная пенсия в указанной им самим сумме, равной пенсиям уволенных на покой в царствование Екатерины Пуниатских епархиальных архиереев – 6000 рублей ассигнациями[\[228\]](#).

Поставив обер-прокурора Синода и императора в известность о своих намерениях, высокопреосвященный Иосиф энергично взялся за текущие дела. Всенародное торжественное объявление воссоединения поставило перед ним, как председателем Белорусско-литовской духовной коллегии масштабные задачи. Необходимо было превратить бывших униатов в естественную часть Русской Церкви. В первую очередь требовались иерархическое переустройство и административная реформа. Они были проведены в 1840-41 гг. и заключались в пересмотре границ епархий, перемещении архиереев и рукоположении новых епископов, а также «во взаимном перечислении древле-православных и воссоединённых приходов к епархиям, в пределах коих они действительно состояли»[\[229\]](#). По ходатайству архиепископа Иосифа епископ Антоний Зубко был назначен управляющим древлеправославной Минской епархией, которая после передачи ей воссоединённых на 60% оказалась составленной из бывших униатов[\[230\]](#). Воссоединённая Белорусская епархия упразднялась. Епископ Василий Лужинский возглавил древлеправославную Полоцкую кафедру, которая была

ограничена пределами Витебской губернии. Благочиния бывшей Белорусской епархии, находившиеся вне этой губернии, передавались в Минскую и Литовскую епархии. Воссоединенная Литовская епархия продолжила существование. Высокопреосвященному архиепископу Литовскому Иосифу повелено было иметь кафедру в Вильно и именоваться Литовским и Виленским, священноархимандритом Свято-Троицкого монастыря^[231]. Вице-председатель Литовской консистории соборный протоиерей Михаил Голубович, получивший степень доктора богословия в Главной семинарии^[232], был рукоположен во епископа и сделан викарием Литовской епархии с титулом Брестский. Литовская и Виленская епархия, состоявшая практически на 100% из бывших униатов^[233], была поставлена в то же время во 2-м классе и в порядке перечисления епархий должна была занимать место сразу после Херсонской^[234]. В 1843 г. в связи с открытием новой Ковенской губернии настоятель Виленского Свято-Духова монастыря архимандрит Платон был хиротонисан во епископа Ковенского. Он стал вторым викарным епископом Литовской епархии^[235].

В результате церковно-административных и иерархических преобразований древлеправославные и воссоединенные приходы оказались перемешаны и соединенными в одно целое^[236]. Чтобы направить их к полному слиянию высокопреосвященный Иосиф испросил у Синода: 1) распространения на воссоединенных из унии «Преосвященных и Духовенство всех тех постановлений, которые относятся к правам и обязанностям древлеправославных Преосвященных и Духовенства»^[237]; 2) разрешения воссоединенным и древлеправославным священникам поручать друг другу исправление духовных треб своим прихожанам^[238]; 3) прекращения прежних дел о совращениях православных в унию^[239]; 4) издания Предписания римо-католическому духовенству, чтобы оно не полагало различий между воссоединенными и древлеправославными и вывело из использования название «униаты»^[240]. Интеграции также способствовало Положение «Об улучшении быта православного духовенства», вступившее в силу 20 июля 1842 г.^[241] Распространенное на бывших греко-католиков оно уравнило их и православных в принципах материального обеспечения священников. При этом были составлены штаты архиереев, монастырей, приходских храмов и в казну были взяты населенные имения, со времени унии принадлежавшие некоторому числу приходов^[242].

Летом 1842 г. с высочайшего соизволения высокопреосвященный Иосиф семь недель провел в путешествии по святым местам России. Он побывал в Новгороде, Москве, Троице-Сергиевой Лавре, Свято-Воскресенском монастыре, Туле, Задонске, Воронеже, Курске, Киеве, Житомире, на Волыни. Везде его встречали очень тепло^[243]. С особым почетом архиерея-воссоединителя принимали в Москве. Перед этой поездкой он окончательно принял вид православного архипастыря:

отрастил бороду, одел рясу и клобук. «Красивый и величавый вид, – пишет Г.Я. Киприанович, – недавно отращенная, темная, окладистая борода литовского архиепископа Иосифа производили сильное впечатление на православных москвичей»^[244]. При служениях в Успенском соборе Кремля и Сергиевой Лавре его встречали колокольным звоном во все колокола. Свт. Филарет дал в его честь торжественный обед^[245]. Несомненно, эта поездка укрепила духовные силы высокопреосвященного.

По мере административно-иерархического обустройства западных епархий их управления выходили из подчинения Белорусско-литовской духовной коллегии. В 1841 г. этот процесс оказался завершенным, и епархиальное ведомство полностью выпало из ее компетенции. Постепенно из ее ведения было изъято училищное управление, и она превратилась в контору по заведыванию капиталами воссоединенных церквей^[246]. Окончательно это учреждение потеряло смысл со взятием в казну населенных имений, принадлежавших духовенству. Исходя из этого 28 марта 1843 г. высокопреосвященный сделал Представление о закрытии Белорусско-литовской духовной коллегии. Ходатайствуя об ее упразднении архиерей-воссоединитель полагал свои труды окончательно завершенными. Заранее – 18 декабря 1842 г., – владыка подал Прошение о выведении его на покой. Оно осталось без ответа. Тогда он повторил просьбу 26 февраля и 4 марта 1843 г. 9 апреля 1843 г. архиепископ Иосиф был сопричислен к ордену св. Владимира I-й степени, и через графа Протасова ему было объявлено о том, что служба его еще нужна государю императору^[247]. В результате он не сумел оставить подвиг святительства.

28 апреля 1843 г. высочайшим повелением владыке была предписана инспекция Полоцкой, Могилевской и Минской епархий. Она подвела итог его деятельности за период после Полоцкого собора. В Отчете о ней высокопреосвященный отметил значительные перемены. Он счел вполне удовлетворительным на первое время состояние храмов (хотя сделать нужно было еще очень много), его порадовала ревность духовенства в богослужении и проповеди. Он решительно отверг распространяемые **польскими** панамии ксендзами слухи о якобы охлаждении к Церкви простого народа. В доказательство владыка привел статистику «неисповедавшихся по нерадению» прихожан в 4-х инспектированных епархиях. По его данным таковых в 1839 г. было 76995, в 1840 г. – 17507, в 1841 г. – 20187, в 1842 г. – 21238^[248]. Такие цифры он считал сопоставимыми с показателями любых других 4-х епархий Русской Церкви. В то же время он обратил внимание на отсутствие единства в действиях епархиальных архиереев по отношению к воссоединенным^[249]. Правительство, не зная всех местных обстоятельств, не могло

обеспечить единообразия церковной политики на местах. Поэтому он советовал хотя бы в какой-то мере попытаться добиться этого, организовав личные контакты правящих архиереев. Его предложение не нашло отклика.

В августе 1843 г. Белорусско-литовская духовная коллегия была закрыта, по случаю чего архиепископ Иосиф удостоился весьма лестного высочайшего Рескрипта. В это время архипастырь столкнулся с проблемой, которая круто изменила его дальнейшую жизнь. 18 ноября 1842 г. он был назначен в Секретный комитет по делам раскольников и отступников от Православия^[250]. Это ставило его в соприкосновение с высшими сановниками империи и виднейшими иерархами Церкви. В комитете присутствовали три министра и два митрополита. Назначение было весьма лестное, но открывавшее нежелательные для владыки планы сделать его «дельцом в Св. Синоде»^[251]. Появились слухи, что его хотят назначить Петербургским архиепископом после престарелого митрополита Серафима. Когда он после упразднения Белорусско-литовской коллегии осенью 1843 г. приехал в столицу, вокруг него начали плестись интриги. Его пытались привлечь то к одной, то к другой группировке в высшем руководстве Церкви. Предлагали за это различные выгоды. Некоторые считали его креатурой обер-прокурора Протасова. В то же время сам Протасов относился к нему подчеркнуто холодно. У него появилось множество недоброжелателей^[252]. Подобное не соответствовало характеру Иосифа и его жизненной позиции.^[253] Он не допускал и мысли об участии в закулисной возне. «Если уже необходимо нести ярмо, думал я, – вспоминал впоследствии об этом времени митрополит, – если нужно бороться, то лучше с Поляками и Латышами, чем с Русскими Православными».^[254] К тому же он видел, что его участие в высшем управлении Православной Церкви не принесет плодов. По этому поводу он писал в воспоминаниях: «Правда, что при моих познаниях и организаторских способностях, я мог бы придумать многое, полезное для улучшения основных мероположений по управлению сей Церкви; но другое придумать, а другое привести к исполнению. В сем последнем мой авторитет был бы необходимо оспариваем моим предыдущим: все казалось бы Униатским или Латинским»^[255]. В результате в мае 1844 г. высокопреосвященный Иосиф, желая избежать интриг, «без всяких объяснений, без всякого официального акта»^[256] оставил прежнее местожительство в Петербурге и переселился в пределы вверенной ему Литовской епархии в Свято-Успенский Жировичский монастырь^[257]. Это фактически самовольное деяние не вызвало со стороны обер-прокурора Синода никакой реакции.

С 1844 г. для владыки начался новый период. Из столичного деятеля он превратился в простого епархиального архиерея, лишенного возможности прямых

контактов с высшей властью. С этого времени он не имел влияния на всех воссоединенных. В 1845, 1849 и 1859 гг. по высочайшему повелению он инспектировал помимо своей еще и Полоцкую, Могилевскую и Минскую епархии, но это было единственное его участие в судьбе бывших униатов прямо ему не подчиненных.

В своей епархии перед ним стояли следующие проблемы. Во-первых, в отличие от других западных епархий, где воссоединенные вошли в иерархическое подчинение правильно устроенных древлеправославных епархиальных управлений, Литовская была новоучрежденной. Надо было приложить еще много усилий, чтобы ее обустроить во всех отношениях. Во-вторых, в прочих епархиях воссоединенные оказались смешанными с большим количеством древлеправославного духовенства и народа, в то время как Литовская епархия состояла почти исключительно из бывших униатов. Она занимала Виленскую, Гродненскую^[258] и Ковенскую губернии, в которых проживало 1 500 000 католиков. Православных было только 700 000. На Западе эта епархия более чем на 500 верст соприкасалась с Польшей, откуда шло мощное влияние. Наконец столица края – Вильно – была оплотом католицизма и полонизма. Здесь были резиденция католического епископа, католические семинария и духовная академия, масса костелов и несколько богатых латинских мужских и женских монастырей со множеством монахов разных орденов. Действовала медико-хирургическая академия, среди преподавателей и студентов которой процветали польские националистические идеи. Существовало несколько польских ученых и благотворительных обществ, издавалось множество книг на польском языке и немало польских периодических изданий. Православные были представлены в основном русскими чиновниками и военными. Они составляли в городе единственный приход. Даже в Виленском уезде православная церковь была только одна. Русская культура и наука ничем себя не проявляли. Русскую речь на улицах Вильно можно было услышать крайне редко^[259]. Очевидно, что расширение позиций Православия здесь было гораздо сложнее, чем в других местах^[260].

Несмотря на трудности, владыка решил действовать наступательно. В апреле-мае 1845 г. он переместил епархиальное управление и Литовскую семинарию из Жирович в Вильно. В итоге была разрушена монополия полонизма в столице края и нанесен новый удар по полонизму и католицизму в Беларуси и Литве. Это было сопряжено с огромной организационной работой и финансовыми затратами, превышающими силы и средства Литовской епархии. Понимая, что такое дело нужно осуществлять быстро и энергично высокопреосвященный решился «продать» все препятствия силой высшей власти. Но он не знал о степени ее готовности оказать поддержку в новом наступлении на поляков. Проверить это можно было лишь одним способом. «Порядочно обдумав все обстоятельства, – пишет митрополит в своих Записках, – я решился на следующее. Положил испросить необходимые средства для устройства Литовской епархии и тем не только обеспечить свою дальнейшую деятельность, но и увериться в готовности правительства доставить мне на моем поприще нужное пособие и

покровительство. В случае успеха моих представлений, я решился послужить еще деятельно и усердно. В противном случае я положил выйти на покой»[\[261\]](#). 23 и 24 августа 1844 г. высокопреосвященный написал официальное конфиденциальное Отношение и личное письмо к графу Протасову. В Отношении он в резких выражениях описал невозможность с теми средствами, которые ему предоставлены из Синода организовать в Вильно епархиальное управление, разместить семинарию и обеспечить достойное проживание православного правящего архиерея. К Отношению он приложил список из 14-ти пунктов, где излагались его требования. В письме обер-прокурору владыка вновь выражал готовность оставить служение[\[262\]](#). Демарш увенчался успехом. Все необходимое было предоставлено. «И все это сделано с такой предупредительностью, – замечает митрополит, – что можно было полагаться и на дальнейшую готовность помогать мне во всем»[\[263\]](#). В результате перенос епархиального управления и духовной школы в Вильно был успешно осуществлен, и Православная Церковь прочно утвердилась в самом сердце полонизма в России.

В дальнейшем владыка, имел план организации православной миссии среди католиков империи. Для этого он: энергично протестовал против проекта перенесения католической епископской кафедры из Житомира в Киев[\[264\]](#); представил правительству план по замене ультрамонтански настроенных членов управления католической церковью в России на более умеренных людей, лично ему известных; указывал на благотворность соединения управления католической и Православной Церквей[\[265\]](#); предлагал использовать для миссии имевшее чисто латинский вид воссоединенное духовенство[\[266\]](#) и проч. В целом намерения Семашко не встретили понимания и поддержки.

Летом 1846 г. высокопреосвященный совершил с большой свитой личный осмотр 17 благочиний своей епархии. В течение 30 дней он совершил 20 богослужений в 18 разных местах, отстоявших друг от друга в крайних точках до 700 верст[\[267\]](#). Эта поездка произвела на воссоединенный народ и католиков огромное впечатление. В письме графу Протасову о ней святитель с удовлетворением писал: «Как я и предполагал, этот первый торжественный осмотр епархии сделал всюду чрезвычайно спасительное впечатление. Отличный певчий хор, совершенно приличная свита, собрание на каждом месте многочисленного духовенства, торжественное великолепное архиерейское служение – все это еще в первый раз только видели в здешней стране, – и видели с восторгом. Стечение народа всюду было необыкновенное, так что по большей части третья только его часть вмещалась в церквах, остальной же толпился кругом церкви. Между тем, в этой, так сказать, давке нигде не встретилось ни малейшего беспорядка. Всюду народ, толпясь с жадной жаждой принять архиерейское благословение, соблюдал однакож самую почтительную осторожность. Сцену, которая открывалась в городе Белостоке после освящения тамошней церкви, разве только можно видеть в великороссийских епархиях. Здесь народ был почти на половину Римско-Католического и Протестантского исповедания, а между тем никто не мог бы требовать большего

благоговения – при получении личного среди церкви благословения, когда на стороне думали, что меня задавят, меня однакож толпящиеся кругом щадили, как нельзя более»[\[268\]](#).

Такой торжественный личный осмотр епархии был осуществлен высокопреосвященным единственный раз, хотя он планировал сделать их регулярными. Дело в том, что, начиная с 1847 г., католические епископы стали очень часто и с возможной пышностью совершать поездки по своим епархиям. «Католического бискупа, – пишет Г.Я. Киприанович, – встречало и принимало с почетом все, что было самого блестящего и богатого в этой стране, тогда как православная паства, встречавшая своего владыку, сопровождаемого обыкновенно двумя-тремя представителями местной власти, состояла почти исключительно из жалких крепостных простолюдинов»[\[269\]](#). В связи с этим, чтобы не уронить достоинства господствующей Церкви, Иосиф Семашко больше не ездил по епархии. Осмотры ее по его поручению совершали викарии и кафедральный протоиерей. Он считал это допустимым, т.к. полагал, что прекрасно знает состояние своей епархии и ее священников[\[270\]](#).

В течение 1840-50-х гг. главные усилия владыки Иосифа были направлены на возрождение в пастве православных форм духовности и благочестия. Трудность заключалась в том, что и духовенство и простой народ несли на себе слишком большой отпечаток польского влияния на унию. Изменить это в одночасье не представлялось возможным из-за силы религиозной привычки и продолжающегося этно-культурного и экономического доминирования полонизма и католицизма. Литовский архипастырь видел достижение цели в решении комплексной задачи, которая включала в себя новое воспитание духовенства, повышение уровня совершения богослужений и проповеди, строительство новых и приведение в благолепный вид старых храмов и проч. Все это в конечном итоге должно было повлиять на простой народ, окончательно и бесповоротно сделать его православным. Ни о какой русификации белорусов через Православную Церковь после воссоединения речи не шло. Главное в единении двух народов Литовский архипастырь видел в единстве вероисповедания и богослужебной практики. Поэтому он очень терпимо относился к привычкам бывших униатов совершать домашнее молитвенное правило на польском языке по польским молитвенникам, не носить нательные крестики, посещать по житейским причинам службы в костелах[\[271\]](#) и многому другому. Он считал, что все это отомрет со временем. Касательно прихожан до конца 50-х гг. известны лишь его Распоряжения священникам от 3 июня 1839 г. давать при крещении детям имена, свойственные Восточной Церкви[\[272\]](#), а также от 13 января 1840 г. с требованием произносить по церквям проповеди и катихизические поучения на простонародном языке[\[273\]](#). Издержкой выбранного пути являлось то, что все перемены в народе происходили очень медленно и не были заметны посторонним наблюдателям. В течение 40-х и 50-х гг. с разных сторон высказывались мнения, что воссоединенные продолжают внешне и внутренне оставаться униатами. На основании этого делался вывод, что

Полоцкий собор был ошибкой, а воссоединение провалилось. Архиерей-воссоединитель игнорировал эти нападки и твердо выдерживал курс, в правильности которого был уверен. В одном из писем обер-прокурору Протасову он очень четко изложил свою позицию: «...Ваше Сиятельство не удивитесь, если в моем рапорте не найдете громких фраз об искоренении недостатков и Униатских заблуждений, о коренных по сему ведомству преобразованиях. Нечего грешить перед Богом – нужно Его благодарить! Все прекрасно основано, все твердо, все идет вперед. Нужно только выждать, и все придет само собою – излишнюю поспешностью можно скорее повредить, нежели пособить... Да впрочем, пора бы, кажется, и порицателям воссоединенных напомнить, что они ставят себя в смешную позицию тех, которые охуждали бы победителя, приобретшего целую провинцию, потому единственно, что там носят не такие шапки и лапти, как в Смоленской губернии, и говорят другим языком или диалектом»[\[274\]](#).

Главным в утверждении Православия в крае высокопреосвященный Иосиф считал приход новой генерации белорусских священников, для которых уния представлялась делом давно минувших дней. В повышении качества образования и воспитания воссоединенного духовного юношества владыка достиг очень многого. Он пристально следил за уровнем преподавания и нравственной атмосферой в духовных школах, тщательно подбирал преподавательский состав, по возможности лично присутствовал на экзаменах, постоянно добивался у правительства улучшения материального содержания как Литовской семинарии, так и местных духовных училищ. В его епархии с середины 1840-х гг. не было ни одного случая рукоположения ставленников, не имевших богословского образования. В результате к 1860-м гг. более 2/3 приходских священников были выпускниками Литовской семинарии, которые по подготовке ничем не отличались от прочего православного духовенства. Например, в 1862 г. из 197 священников Бельского, Кобринского и Брестского уездов – 126 окончили полный курс Литовской семинарии, 25 имели светское образование и в семинарии изучали только богословские науки. Лишь 46 старых священников получили только светское образование[\[275\]](#).

Одновременно с подготовкой молодых священнослужителей Литовский архипастырь старался перевоспитывать их отцов – старых духовных. В их жизни было много таких пережитков, которые не соответствовали православным пастырям, и вводили в соблазн пасомых. Бросалось в глаза то, что многие имели жен католичек, не знали молитв на церковно-славянском языке и молились по-польски, брили бороды, носили латинское духовное платье, имели привычки более свойственные польской шляхте, чем христианским священникам и проч. В первые после Полоцкого собора годы на это смотрели сквозь пальцы. Но со временем положение должно было меняться. Например, ношение воссоединенными католического духовного костюма разрешалось постановлениями Полоцкого собора. Однако эта особенность слишком сильно подчеркивала их отличие от прочих православных и препятствовала их сближению. В перевоспитании старого духовенства Иосиф старался поступать осторожно и деликатно, действуя в

основном личным примером и употребляя весьма оригинальные методы. Успехи его на этом поприще были различны.

Очень легко прошло изменение внешнего вида священников, которое владыка решил начать в 1842 г. Для этого он сам с несколькими ближайшими сотрудниками отрастил бороду и облачился в православное духовное платье, после чего запретил приходскому духовенству самовольно делать то же самое, объявив, что такое разрешение может быть дано только как награда за усердную службу и хорошее поведение. Мгновенно борода и ряса стали престижными, а костюм ксендза и гладко выбритые щеки признаком отсталости и ущербности. В результате священники устроили настоящее соревнование, так что через несколько лет все они, за исключением нескольких, внешне не отличались от прочих православных. Уже в 1845 г. духовных, отрастивших бороду и одевших рясы было: по Литовской епархии 301, в том числе 28 монашествующих[\[276\]](#). «Чего не имел право требовать, – писал митрополит в своих Записках, – о том заставил просить... Впрочем я не очень настаивал и даже до последнего времени оставлял некоторых духовных в прежнем костюме, дабы показать здешним Латинам, что у нас Православие состоит не в бороде и рясе»[\[277\]](#). В частности до конца жизни в униатском духовном платье оставался известный писатель и публицист протоиерей П. Янковский.

Гораздо труднее решалась семейная проблема. В 1844 г. архиепископ Иосиф обратил внимание на священников, которые имели жен и дочерей католического вероисповедания. В униатстве такие смешанные семьи были широко распространены. В первые годы после воссоединения на это не обращали внимания. Священноначалие только перестало рукополагать и определять к местам священно - и церковно-служителей, имевших жен католичек. Постепенно многие жены воссоединенных священников перешли в Православие. К 1844 г. в латинстве остались только 20 из них. Они подавали пастве неодобрительный пример. Понимая всю сложность проблемы, архиепископ Иосиф не принимал крутых мер. Он только распорядился собрать через благочинных соответствующие сведения, предостерегая, что упорствующие жены-католички в конце концов могут стать причиной перевода своих мужей на другие приходы[\[278\]](#). Это дело завершилось к 1846 г., когда подавляющее большинство женщин духовного сословия приняли Православие. К другим приходам из-за упорствующих жен латинского исповедания были переведены 2 священника[\[279\]](#). Но надо отметить, что, несмотря на формальное присоединение к Православию, многие «матушки» и дочери Литовских священников продолжали в душе оставаться ревностными римлянками. Они молились по-польски, дома разговаривали на польском языке, по праздникам посещали костелы, где встречались с цветом местного общества и с подругами по польским женским пансионам, в которых воспитывались в юности. Владыка понимал, что полностью искоренить это невозможно. Он только требовал от благочинных ежегодные отчеты с указанием, все ли жены и дочери воссоединенного духовенства исповедовались и причащались в Православных

храмах [280]. Для исправления ситуации с 1847 г. он пытался создать в Вильно Училище для девиц духовного звания, чтобы со временем воспитать новое поколение достойных жен православных пастырей. Однако из-за недостатка средств такое училище ему удалось открыть только в сентябре 1861 г.

Не менее трудно решалась проблема внедрения в домашнее молитвенное правило семей духовенства молитв на славянском языке. В 1845 г. высокопреосвященный Иосиф распорядился, чтобы в течение года все обоего пола священно- и церковно-служительские дети были обучены основным православным молитвам. Благочинные обязывались при посещении подведомственных им церквей проверять детей духовенства и доносить начальству о нерадивых. При этом запрещалось венчать девиц из духовного сословия, если они не знают молитв. «Я вполне надеюсь, – выражал свои чаяния архипастырь, – что жены и вдовы священно и церковно-служительские, остающиеся до ныне в пагубном незнании молитв собственной Православной Церкви, за исключением разве слабоумных, постараются изучить в возможной скорости молитвы сии и дать в сем отношении похвальный пример собственным их детям и семействам» [281]. Это распоряжение не привело к большим изменениям. Осмотр епархии викариями в 1850 г. показал, что не только прихожане, не только дети священников и причетников, но и некоторые церковно-служители, занимавшие штатные должности пономарей не знают молитв на церковно-славянском языке, а молятся по-польски. Владыка в этом году вынужден был повторить распоряжение 1845 г. [282]. Очевидно, здесь играла роль сила привычки, которая искореняется только многими годами.

В 1847 г. владыка обратил внимание на священников, которые из-за преклонного возраста и недостаточного образования уже не могли примениться к новым требованиям и научиться правильному православному богослужению. К ним не применяли репрессивных мер. Консистория составила на них ведомость и им предложили избрать себе помощников из числа выпускников семинарии [283], а вдовым и бессемейным поступить в монастыри [284]. Эти предложения духовенство оставило без внимания. Старые священники оставались на своих приходах и продолжали служить по-старому, только поминая вместо папы Синод и без Filioque.

Особую проблему для духовной жизни воссоединенных составляли бывшие униатские монастыри. В Литовской епархии в 1842 г. было 9 мужских обителей, в которых по штату полагалось 153 инок. В действительности их было 85 человек вместе с послушниками. В основном это были люди, спокойно относившиеся к Православию, но многие из них, находясь в преклонном возрасте, уже не могли ни приучиться к православной службе, ни привыкнуть к православной монастырской дисциплине [285]. Пополнить их число из местных уроженцев было нереально, среди них не было достойных кандидатов. Можно согласиться с Г.Я. Киприановичем, который оскудение местного монашества связывал со следующими причинами: «1) известное воспреещение поступать в униатское монашество сравнительно более образованным латинянам, которые прежде

составляли главный контингент западнорусского иночества; 2) отсутствие в западной России среднего русского класса, состоящего здесь из евреев и католиков; 3) почти поголовная безграмотность крепостных простолюдинов; 4) более строгая жизнь в монастырях после подчинения их (в 1828 г.) власти епархиальных архиереев»[\[286\]](#).

16 февраля 1842 г. Синод предписал архиепископу Иосифу оставить в монастырях Литовской епархии только образованных и не имевших моральных изъянов монахов, а остальных перевести в великороссийские монастыри. В ответ Иосиф просил Синод, чтобы из Российских обителей в Литву были присланы 15 иеромонахов и 15 иеродиаконов, надежных по поведению и достаточно образованных. При этом он нашел нужным выслать из края за неодобрительное поведение только одного иеродиакона Евлампия[\[287\]](#). Из Московской, Воронежской, Курской, Вологодской, Костромской и Новгородской епархий, в которые высокопреосвященный обращался по этому поводу, ему не было прислано ни одного монаха. В итоге жизнь Литовских монастырей в это время оставляла желать много лучшего. О ее неутешительном состоянии можно судить по Распоряжению высокопреосвященного Иосифа от 26 сентября 1845 г. о штрафах на иночествующих, проявивших леность к богослужению. «Неоднократно замечал я между монашествующими, – писал архипастырь в этом документе, – холодность и нерачение к богослужению, хотя это главное их призвание и обязанность, – обязанность весьма легкая, при недостатке других занятий»[\[288\]](#). Согласно распоряжению с инока, не прибывшего в храм к началу службы, вычиталось из жалования 10 копеек, с опоздавшего до половины – 20 копеек, а с пропустивших богослужение – 30 копеек. Те из монахов или послушников, которые в течение одного месяца опоздали или не были у богослужения 10 раз по нерадению ли или по болезни, не должны были получать ничего из братской кружки[\[289\]](#). Ситуация в монастырях стала постепенно меняться только с повышением образования как воссоединенного духовенства, так и окружавшего монастыри простого народа. Только тогда среди местных выходцев появились достойные во всех отношениях кандидаты в иночество.

Еще более неблагоприятно обстояло дело с женским монашеством. К 1840 г. в воссоединенных епархиях было 6 женских обителей с 32-мя монахинями и 3-мя послушницами[\[290\]](#). Почти все они вышли из польских «девоток» (богомолок)[\[291\]](#), поэтому очень немногие из них решили присоединиться к Православию. Н.А. Протасов предлагал отпустить их в латинство, однако архиепископ Иосиф этому воспротивился. Он опасался, что, воспользовавшись снисхождением, римо-католическое начальство потребует перевода в римский обряд всех тех, кто не дал подписки на воссоединение. Кроме этого владыка предполагал, что латиняне постараются сделать монахинь своими агитаторами. От базилианок не требовались подписки о присоединении. Исповедь и причастие у православного духовника считались актом принятия Православия. Высокопреосвященный попытался через духовников увещеваниями склонить их

присоединиться к Русской Церкви, но ничего не добился. Тогда он провел некоторые перемещения базилианок, в надежде, что вырванные из привычного окружения они станут податливей. Это тоже не возымело действия. После этого он начал по первому требованию давать им разрешения на удаление из монастырей в дома своих родственников, по большей части состоятельных католиков. Разрешениями воспользовались две трети монахинь [292]. Пытаясь сохранить женское подвижничество в крае владыка в 1842 г. выписал из Могилевской епархии 11 древлеправославных монахинь в Гродненскую обитель, а в 1843 г. 4 древлеправославные монахини в Мядельский монастырь [293]. В результате в Литовской епархии в 1845 г. находилось: в Гродненском монастыре 11 монахинь из древлеправославных, а в Мядельском – 10 воссоединенных и 4 древлеправославных. Однако дело привития женского православного монашеского подвига шло очень трудно. Позднее высокопреосвященный приходил к выводу: «...кажется, женские великороссийские монастыри не в духе здешнего населения...» [294]. Тем не менее, положение постепенно исправлялось и в женских монастырях.

В исторической перспективе большой заслугой митрополита Иосифа является то, что он в отношении монашества не поступил резко, не пришел к выводу о ненужности и вредности воссоединенных монастырей, не поставил вопрос об их упразднении, хотя нестроения в среде бывших униатских монахов, на исправление которых, казалось, не было надежды, подталкивали именно к этому. Он сумел «перетерпеть» сложное время и несмотря ни на что сохранил тонкий ручеек белорусского и мужского и женского подвижничества, который принес обильные плоды уже на рубеже XIX и XX вв.

Параллельно с преобразованием духовенства высокопреосвященный Иосиф много усилий приложил к введению правильного православного богослужения. Священники, за исключением совсем древних старцев, уже не способных в силу возраста переучиваться, было готово к переменам. Однако они не могли быть осуществлены быстро, в первую очередь из-за осторожного подхода владыки. Лишь в 1852 г. из практики воссоединенных был выведен обычай совершать несколько литургий в день на одном престоле [295]. Только в 1855 г. завершился процесс изъятия из литургического употребления униатской богослужебной литературы и полного замещения ее православными изданиями. Всего из церквей с 1853 по 1855 г. было изъято: 181 служебник, больших требников 2, малых требников 49, 332 октоиха, 21 нотный ирмологион, 153 простых ирмологиона, цветных триодей 254, постных триодей 202, общих миней 88, праздничных миней 180, месячных миней 124, трифологионов 72, величаний 31, служба Иосафату Кунцевичу 1 и празднику тела Христова 2 [296]. Униатские книги собирались в консисторию и сжигались в личном присутствии высокопреосвященного Иосифа [297]. При всех стараниях невозможно было абсолютно все униатские богослужебные книги вывести из обихода. Многие старики хранили и время от времени пользовались ими и по привычке и по удобству их для службы. «Я это

понимал, – вспоминал впоследствии святитель, – и не обращался с ними (старыми священниками – А.Р.), как с важными преступниками – маленькие штрафы, маленькие взыскания – и теперь, кажется, мало подобных книг в обращении, и то больше как древность, а не как святыня»[\[298\]](#). Например, в 1853 г. священник Груздовской церкви Шумакович был оштрафован на 10 рублей за совершение треб для своих прихожан по униатскому требнику[\[299\]](#).

Осторожно и деликатно поступал владыка в отношении оставшихся со времен унии храмовых традиций. К примеру, в воссоединенных церквях не было обычая покупать и ставить свечи. Лишь в 1859 г. высокопреосвященный распорядился о повсеместном введении свечных продаж[\[300\]](#). Если внедрение православных практики, например совершение крестных ходов по православному чину, встречало недовольство прихожан, владыка распорядился оставлять все как есть, и священники должны были постепенно убеждать прихожан в необходимости перемен[\[301\]](#).

Литургические преобразования существенно ограничивались дефицитом средств. В 1858-59 гг. владыка через благочинных собрал сведения о недостатке в церквях богослужебных книг, утвари и облачений. Он оказался очень велик. Всего 373 храма Литовской епархии остро нуждались в восполнении необходимых книг и священных предметов. Только одних напрестольных Евангелий требовалось 192, а полных евхаристических наборов – 219[\[302\]](#). Приобрести все это было не за что. Объективные трудности в этой сфере высокопреосвященный старался преодолевать, действуя на священников личным авторитетом. Через консисторию и благочинных он выставлял настоятелям общие требования по совершению обрядов, проповеди, обустройству храмов и т.д., а затем акцентировал внимание на успехах, награждая добросовестных исполнителей его воли и ставя их в пример всем прочим. При этом он намеренно не замечал нерадивых. Такой подход вел к тому, что духовенство искренне стремилось оказаться на хорошем счету у своего архипастыря, находя в этом моральное удовлетворение. В итоге успехи литургических преобразований в Литовской епархии были неизмеримо большими, чем можно было ожидать.

Большие сложности в деятельности владыки Иосифа в 40-е и 50-е гг. встретило церковно-строительное дело. Правительство не выделяло достаточно средств для ремонта старых и строительства новых церквей. Высокопреосвященный сумел восстановить и отреставрировать несколько древних православных храмов в Вильно, Ковно, Пожайском монастыре. Они являлись живым свидетельством древнего западнорусского Православия. Но в общем ситуация была безрадостной. В Отчетах Синоду об обозрениях воссоединенных епархий в 1845 и 1849 гг., владыка с тревогой докладывал об убогом состоянии приходских храмов, говорил о необходимости исправления существующего положения и предлагал возможные для этого меры. В ответ на это в 1851 и 1852 гг. последовали высочайшие Повеления о приглашении гражданскими властями помещиков заботиться о православных храмах. Эти Повеления ни к чему не привели[\[303\]](#). Польские

землевладельцы со злорадством наблюдали за тем, как ветшали церкви. В 1856 г., в Отчете Синоду об осмотре Литовской епархии своими викариями и кафедральным протоиереем В. Гомолицким, митрополит Иосиф вновь сообщал о бедственном положении подведомственных ему церквей[304]. В 1857 г. во всеподданнейшем Рапорте Виленский генерал-губернатор В.И. Назимов доносил императору Александру II, что внешнее состояние православных храмов, сравнительно с католическими, не достигло еще желательной степени благолепия. Император собственноручно написал на Рапорте Назимова: «Обратить на это особое внимание и принять меры для приведения церквей в должное благолепие»[305]. Спрошенный по этому поводу, митрополит Иосиф объяснил Синоду, что из 450 церквей Литовской епархии 312 нуждаются в срочном ремонте и 22 приходских храма надо построить[306]. Более того, 208 церквей нуждались в устройстве приличных иконостасов, т.к. последние были сооружены в них наспех еще до 1839 г.[307] Высокопреосвященный вновь предлагал меры по исправлению положения. Он был того мнения, что правительство должно или обязать подписками помещиков, чтобы они строили и поддерживали в приличном виде церкви в своих имениях, или оно само должно заботиться о православных храмах, как о других общественных зданиях[308]. Это дело повлекло за собой многосложную и утомительную переписку святителя с многочисленными инстанциями в 1858 г.[309] Но успешно оно продвигалось только в казенных имениях, находившихся в ведении министерства государственных имуществ, которым в это время руководил М.Н. Муравьев[310]. Здесь было начато строительство 36 и починка 56 храмов[311]. В итоге к концу 1850-х гг. большая часть церквей Литовской епархии представляла собой весьма печальное зрелище.

Не меньшей проблемой для высокопреосвященнейшего Иосифа было материальное обеспечение духовенства. Оно регламентировалось Положением «Об улучшении быта православного духовенства» от 20 июля 1842 г., основная идея которого заключалась в том, чтобы обеспечить достаточное содержание духовенства с одновременным устранением платы за требоисправление, как причины взаимного недовольства священников и верующих[312]. Священники имели следующие источники содержания: 1) казенное жалование; 2) земельные наделы в 36 десятин; 3) обработка из них 10 десятин в пользу священника прихожанами; 4) доставка от них же руги; 5) приходские помещения с ремонтом и отоплением их от прихожан; 6) доходы от них же[313]. В Белорусско-Литовских губерниях это Положение, может быть хорошо приспособленное для внутренних регионов России, не работало так как нужно. Государственное жалование было очень скромное. Священники получали от 100 до 180 рублей в год в зависимости от класса прихода. Лишь в нескольких Литовских уездах, где вообще не было православных, они получали повышенное содержание в 250 рублей. В условиях крепостнической системы исполнение прихожанами повинностей в пользу духовенства, которое было призвано компенсировать недостаточность жалования, стояло в зависимости

от произвола помещиков-католиков. Большого подарка последним трудно было сделать. Православные священники оказывались в экономической зависимости от польских землевладельцев, которые, естественно, не спешили удовлетворять материальные потребности своих духовных «врагов». Помимо этого крайне неудовлетворительно шло обеспечение причтов домами и положенным количеством земли. К 1851 г. в Литовской епархии было построено только 25 домов для священников, 2 для диаконов, 10 для дьячков, 5 для пономарей и 4 для просфирен[314]. В свою очередь еще требовалось 205 священнических, 36 диаконских, 323 дьячковских, 193 пономарских, и 225 домов для просфирен[315]. 13 причтов еще вообще не получили положенную им землю, а 457 причтов не могли воспользоваться повинностями прихожан по обработке церковной земли[316]. Все это вынуждало высокопреосвященного просить помощи для священников у правительства. В 1848 и 1859 гг. высокопреосвященный обращался в правительство с просьбой об увеличении жалования священникам[317]; в 1851 г. просил Синод о производстве пособий для заслуженных духовных, выходящих за штат[318]; в 1852 г. просил графа Протасова рассмотреть вопрос об увеличении сумм квартирных и обработочных денег для причтов. Эти суммы были очень малы[319]. Просьбы митрополита Иосифа или отклонялись из-за недостатка государственных средств, или удовлетворялись в недостаточном объеме. В итоге материальное положение духовенства оставляло желать много лучшего. Но вместе с тем высокопреосвященный считал, что священники должны довольствоваться тем, что им предоставляет правительство и не пытаться самим искать выхода из бедности. Показательна в этом отношении его резолюция на Прощении священника Парчевского, который просил у епархиального управления 1000 рублей для решения своих материальных проблем. Владыка писал: «У нас 250 рублей жалования есть из лучших окладов, и оным довольствуются многие, более вас достойные священники. И вы будете довольны, если не захотите барствовать, а жить, как подобает доброму, скромному пастырю Церкви Христовой»[320]. Надо сказать, что Положение «Об улучшении быта православного духовенства», существенно затормозило развитие Православия в Беларуси и Литве. С. Утрата, описавший положение православного духовенства перед восстанием 1863 г. замечает: «Сравнение бедного, приниженного православного духовенства с обеспеченным и уважаемым католическим напрашивалось само собой и не могло не говорить о превосходстве последнего. Ближайшим выводом из этого было заключение, что Православие действительно есть «вера хлопская», худшая католичества...»[321].

Самоотверженные труды владыки Иосифа не остались без внимания правительства. 1 апреля 1847 г. он был возведен в звание члена Синода. 9 апреля 1849 г. награжден знаком ордена св. Александра Невского. 30 марта 1852 г. возведен в сан митрополита и пожалован белым клобуком с бриллиантовым крестом с формулировкой: «За пламенную ревность к Православию, приверженность к

престолу, благоуспешные действия при восстановлении Православной иерархии в стране древнего достояния Церкви нашей, и неутомимые заботы об утверждении в духовных паствах праотеческой веры»[\[322\]](#). В 1856 г. по случаю коронации Александра II, на которой высокопреосвященный лично присутствовал, он был награжден орденом св. Андрея Первозванного[\[323\]](#).

Признательность со стороны правительства, несомненно, укрепляла моральные силы митрополита Иосифа. В то же время его положение в 1840-е и 50-е гг. оставалось очень сложным, а деятельность встречала значительные препятствия. Естественными противниками расширения позиций Православия были польские патриоты и римское духовенство. Они интриговали вокруг высокопоставленных лиц русской администрации, упрекали воссоединенных в предательстве веры, за которое неизбежно придет наказание Божие. Ксендзы подогревали враждебность к Православию у своих пасомых. Ненависть латинян к воссоединенным священникам вылилась в совершенно дикий случай, когда в 1844 г. престарелый священник Гречиха был острижен ксендзами, к которым он по старой памяти приехал в гости. Это удручающе подействовало на все православное духовенство и вызвало в его среде большое возмущение[\[324\]](#). В 1845 г. в течение недельного католического праздника Орекі, посвященного особым молитвам Божией Матери, епископ Цивинский и сослужащие ему ксендзы проповедями инициировали в Вильно среди огромных толп верующих брожение против якобы желания православных отобрать у них Остробрамскую икону Богородицы. Во многих случаях торжественные латинские службы носили характер антиправославных демонстраций.

Высокопреосвященный Иосиф старался адекватно реагировать на каждый подобный выпад латинян. В частности, чтобы ослабить впечатление, производимое на людей выходками католического духовенства и показать веротерпимость православных, он распорядился чтобы воспитанники семинарии в конце недели Орекі во время вечерней прогулки пели перед Остробрамской часовней молитву «Под Твою милость прибегаем ...»[\[325\]](#). Тогда же он просил министра внутренних дел рассмотреть вопрос о перенесении этой Виленской и католической и православной святыни в Свентоянский костел, где невозможно было бы латинскому духовенству превращать службы в демонстрации[\[326\]](#). Мощным оружием в утверждении Православия в крае владыка считал торжественные богослужения, крестные ходы, освящения обновленных храмов и т.д. Он организовывал их, умело сочетая время и место проведения, чтобы в наибольшей степени духовно поддержать свою паству и показать католикам силу Православия. Даже перенесение в Вильно епархиального центра было, несмотря на все хлопоты, обставлено им очень торжественными службами, собравшими множество виленских обывателей-латинян. Так же большой общественный резонанс вызвали: освящение 4 июня 1845 г. обновленной церкви Свято-Духова монастыря[\[327\]](#); освящение 6 декабря того же года древней Виленской Никольской церкви, построенной еще знаменитым Константином Острожским в 1514 г.[\[328\]](#);

учреждение с 1845 г. крестных ходов на реку Вилию 1-го августа[329]; ряд торжественных богослужений во время личного осмотра церковью епархии в 1846 г.; обязательное празднование с 1848 г. Торжества Православия в Вильно, что долго здесь владыка не решался вводить[330] и т.д. Особо стоит упомянуть о том, что высокопреосвященный Иосиф старался в Вильно привлекать к торжественным службам воспитанников Литовских духовных школ. В частности, с 1846 г. по образу Киевской епархии им была заведена практика крестных ходов учащейся православной молодежи по храмам города. Для православных верующих столицы края это было ежегодное волнующее и умирительное событие[331].

Одной из главных забот и, одновременно большой проблемой для владыки Иосифа была защита воссоединенных от латинского прозелитизма. Убедившись многолетним опытом, что местная элита и ксендзы считали молчание и снисхождение слабостью и тем провоцировалась на все более дерзкие действия, высокопреосвященный Иосиф главной своей обязанностью по охранению паствы видел в том, чтобы не оставлять без внимания ни одного случая соращения из Православия в католицизм. В 1841 г. еще будучи председателем Белорусско-литовской духовной коллегии он распорядился собрать информацию «о всех Латинских приходах, с показанием приписных каплиц и числа латинских прихожан, а также селений, в которых они проживают»[332]. Собранные сведения были разосланы всем епархиальным начальствам западных губерний, которые в итоге могли следить за численностью католиков. Далее на основании высочайшего указа от 16 декабря 1839 г., устанавливавшего порядок решения в пользу господствующей Церкви проблемы так называемых «спорныхприхожан», высокопреосвященный Иосиф инициировал многочисленные дела по обращению в Православие бывших униатов[333]. До 1846 г. в 242 латинских приходах их было выявлено в общей сложности 4892 человека[334], что было ничтожной частью от 1 200 000 – 1 700 000 переведенных в костелы в первой трети XIX в. белорусов. Дело в том, что самим ксендзам было предложено составить их списки. Перевод выявленных спорных прихожан в православное вероисповедание был в целом успешен, но сопряжен с ожесточенным сопротивлением латинян[335]. Так как не удалось обнаружить сколько-нибудь значительную часть латинизированных греко-католиков, можно говорить, что он не принес по-настоящему значительных результатов. В то же время высокопреосвященный Иосиф считал дела о спорных прихожанах полезными, т.к. они заставляли ксендзов защищаться, а не наступать. Особо много хлопот святителю доставило дело о возвращении в лоно Церкви Леонпольских прихожан, перешедших в латинство в 1842 г., когда Дисненский уезд, где находится Леонполь, в церковном отношении принадлежал Полоцкой епархии. В это дело активно вмешивались чиновники, в частности жандармский генерал Буксгевден, но не на стороне православных, а на стороне католиков[336]. Было несколько дел о единичных соращениях в латинство[337]. Как правило,

такие дела решались владыкой в пользу Православия, потому что он очень умело использовал законодательную базу и всегда действовал решительно, но спокойно. Кроме этого, высокопреосвященный Иосиф обратил самое серьезное внимание на то, что для пропаганды среди воссоединенных римо-католическое начальство использовало монахов и безместных ксендзов, проживавших в домах помещиков и совершавших службы без законного разрешения в закрытых после восстания 1830-1831 г. каплицах (часовнях – А.Р.). В 1847 г. в особом Отношении владыка просил Виленского генерал-губернатора вытребовать у управляющего местным латинским епархиальным управлением прелата Жилинского списки официально разрешенных каплиц и разослать их для руководства уездным полицейским властям [\[338\]](#). Незаконно устроенные латинские места культа должны были упраздняться. Одновременно он инициировал миссионерские действия своего духовенства и поощрял распространение в народе смешанных браков, в которых по закону дети крестились и воспитывались в Православии. С 1843 по 1845 г. к Православной Церкви от латинства присоединились в Литовской епархии 1110 человек [\[339\]](#). К 1849 г. их число возросло до 7213 [\[340\]](#). Смешанных браков здесь с 1840 по 1845 г. было 1927 [\[341\]](#). Отмечалось неуклонное увеличение год от года числа смешанных семей. По мнению архипастыря: «Это показывает, с одной стороны, спасительное сближение духом иноверцев с православными, а с другой, удостоверяет, что народ более понимает пользу закона, нежели партии, увлекаемые иногда побуждениями, не совсем похвальными» [\[342\]](#).

В целом активная деятельность высокопреосвященного Иосифа в 1840-е и начале 1850-х гг. заставила ксендзов бросить все силы на защиту своей паствы и сокрытие латинизантов (так они тогда называли вопреки запрещениям правительства переведенных в костелы с начала XIX ст. униатов), а не помышлять о прозелитизме среди воссоединенных. Латинская иерархия, не привыкшая к активности православных и потере своих позиций, попыталась остановить деятельность Семашко. Используя Петербургское католическое лобби [\[343\]](#) и играя на непонимании русским обществом положения Православия в Беларуси и Литве, она добилась того, что даже граф Протасов заинтересовался «злоупотреблениями» архиепископа Иосифа в отношении католиков. Весной 1847 г. он начал собирать соответствующую информацию через статского советника Каневского. В ответ на это владыка послал ему конфиденциальное письмо с приложением 9 отношений, которые подробно объясняли ход некоторых дел и показывали законность и оправданность обстоятельствами его действий. В письме архипастырь между прочим писал: «Правительство или те, которые действуют его именем, приучат наконец здешнюю польско-римскую партию к мысли, что она все может сделать криком. На нас клеветают, и нам молчать! Нас притесняют, и мы же притеснители! Нас обижают всякими противозакониями, и нам терпеть да молчать! – и

страданиям здесь верных слуг Церкви Православной и России, может быть, поверят разве тогда, когда увидят их трупы бездыханные!»[\[344\]](#). В результате это дело не получило развития, но не заставило латинян отступить. Летом 1849 г. митрополит К. Дмоховский письменно обратился в Литовское епархиальное управление с обвинениями в притеснении своих пасомых. В официальном ответе высокопреосвященный Иосиф обстоятельно показал ложность обвинений и с юридической и с фактической стороны, а в конце, обращаясь к митрополиту, прибавил: «Надеюсь, что Ваше Высокопреосвященство, взысканные милостию и доверенностию правительства, примете с братской любовью мои слова необходимой откровенности и обратите внимание на подчиненное вам духовенство... для отклонения оногo на будущее время от противозаконных действий и напрасных обвинений относительно Православного духовенства. С моей стороны, будьте уверены, что я стараюсь всеми мерами удержать подчиненное мне духовенство от поступков противозаконных и даже неприязненных против духовенства Римскокатолического, и даже враждебные и незаконные действия сего последнего духовенства прикрываю постоянно снисхождением и долготерпением – иначе вы и правительство заброшены были бы без числа справедливыми на него жалобами со стороны Литовского епархиального начальства»[\[345\]](#). В результате такого ответа римо-католическая иерархия, хорошо осведомленная о поведении своих ксендзов, не нашла возможным продолжать жаловаться.

Укрепление позиций Православия в Беларуси крайне раздражали патриотов Речи Посполитой и католическое духовенство. Это раздражение концентрировалось на личности высокопреосвященного Иосифа. Виленский епископ Б. Клонгевич (бывший наставник Семашко по Главной семинарии) и его викарий Цивинский демонстративно игнорировали православного Литовского архиерея, стараясь тем самым показать, что они считают его ренегатом и подчеркнуть незначительность его роли в Литве. С 1839 по 1843 г. высшее католическое духовенство не шло с ним ни на какие личные контакты.

Его пытались запугать угрозами[\[346\]](#). В 1840 г. желая воспрепятствовать освящению Свято-Никольского собора в Вильно, накануне богослужения патриоты Речи Посполитой распространили слухи о том, что собор заминирован. Быстро проверить заваленные строительным мусором подвалы не представлялось возможным. Однако владыка Иосиф не побоялся первым войти и служить в возможно подготовленном к взрыву храме[\[347\]](#). 25 июня 1843 г. во время совершения богослужения в Ковенском Александро-Невском соборе из толпы католиков, в большом числе присутствовавших в церкви, в высокопреосвященного была пущена стрела из лука. Она ударилась о паникадило, потеряла убойную силу и упала к его ногам[\[348\]](#). 10 сентября 1845 г. владыка получил официальный

донос от столоначальника Виленского уездного суда И. Пейкерта об открытом им намерении заговорщиков его убить [\[349\]](#). Во всех случаях высокопреосвященный Иосиф просил власти не предавать фактам угрозы его жизни широкой огласки и не давать им хода. Он полагал, что они являлись лишь попытками его испугать, а не настоящими покушениями. Оповещение о них воссоединенного народа, по его мнению, было бы только лишней рекламой врагам Православия, что помешало бы его возрождению в крае.

Не гнушались клеветой. В 1845 г. Группа польских помещиц, с целью изгнать архиерея-воссоединителя из края, сфабриковала дело некоей Макрены Мечиславской. выдававшей себя за настоятельницу Минского униатского женского монастыря, много пострадавшей за веру от высокопреосвященного Иосифа. Подготовленная для клеветнической роли в одном из Виленских женских католических монастырей, она была нелегально переправлена в Рим, где привлекла к себе огромный интерес западной прессы рассказами о якобы многолетних преследованиях и мучениях Иосифом Семашко униатских монахинь, не желавших переходить в Православие. Согласно сообщениям Мечиславской многие монахини даже были убиты или умерли, не выдержав издевательств и пыток. Не только европейское, но и русское общество поверило этим рассказам. Сам император обратил внимание на поднявшийся шум и проявил сомнение в правильности действий архиепископа Иосифа [\[350\]](#). В ответ на обвинения 6 декабря 1845 г. архипастырь представил Синоду подробный Рапорт, в котором на основании документов показал совершенную их нелепость. Реальное количество базилианских монахинь, имена действующих лиц, в том числе и самой Макрены Мечиславской, даже сведения о женских монастырях западного края – все в этих рассказах было вымышленным [\[351\]](#). Это была наглая ложь, точно рассчитанная на неприязнь европейцев к России и то, что никто не будет проводить серьезного расследования, а если и будет, то все равно в западную прессу итоги расследования не попадут. Расчет оказался абсолютно точным. Дело Мечиславской не только в Европе, но и в русском обществе создало вокруг владыки Иосифа неприязненную и подозрительную атмосферу. До сих пор рассказы Мечиславской кочуют по всем западным исследованиям так или иначе касающимся ликвидации унии в России [\[352\]](#). Впоследствии в 1853 г. во Франции была издана книга «Рим», в которой вновь публиковался рассказ Мечиславской. По поводу этой книги святитель Иосиф опять писал святейшему Синоду подробный Рапорт, показывая несостоятельность обвинений [\[353\]](#). Синод на специальном заседании рассмотрел Рапорт Литовского митрополита и вынес определение, что данное дело является клеветнической выдумкой [\[354\]](#). «Впоследствии разъяснилось, – пишет Г.Я. Киприанович, – что мнимая Мечиславская, со слов которой будто бы записана эта сказка, и которую возили по всей Западной Европе на показ, как мученицу, никогда не была ни русскою, ни униатскою монахиней, а была латинянка и притом неодобрительного поведения» [\[355\]](#).

К нападкам на себя со стороны польского общества владыка Иосиф относился с благодушным христианским терпением. По поводу игнорирования его латинской иерархией в письме графу Протасову он писал: «Я, с своей стороны, сообразив все хорошо, не решился сделать первого шага – по настоящему, они должны искать меня, а не я их...Через некоторое время они сами собою ослабеют и станут поумнее, особенно, если приняты будут начальством некоторые самые безвинные средства. Год другой все изменит»[\[356\]](#). В отношении клеветнической миссии Мечиславской, о которой, кстати, владыка узнал заранее, он писал Протасову с некоторой долей иронии: «Положили будто употребить средство, за которое у евангелиста Матфея V, 11 назначается вечное блаженство»[\[357\]](#).

Местная элита и римское духовенство были не единственной силой, с которой митрополиту Иосифу приходилось бороться. В 1840-е и до середины 50-х гг. русские чиновники в Беларуси и Литве, несмотря на существовавшие после восстания 1830-31 гг. законодательные ограничения в отношении поляков, относились к ним снисходительно и старались обходить в общении с ними все острые углы. Владыка Иосиф считал, что попытки умиротворения литовско-белорусского дворянства и шляхты бесплодны, и лишь способствуют возрождению оппозиционных настроений, главным препятствие для которых, по его мнению, было Православие белорусского народа. Он не скрывал своей позиции, и твердо ее отстаивал, все силы направляя на укрепление Церкви. В результате этих разногласий Литовский архипастырь оказался неудобным и неугодным для высокопоставленных лиц русской администрации в крае. Его отношения с Виленскими генерал-губернаторами: Ф.Я. Мирковичем (1845 - 1850), И.Г. Бибиковым (1850 - 1855), а так же с чиновниками менее высокого ранга – оставляли желать много лучшего. От этих людей он должен был бы получать поддержку, но вместо этого зачастую натывался на неприязнь и мелкие вредительские уколы. Зачастую чиновники оказывались запутанными интригами польских патриотов и вольно или невольно делали все, чтобы подорвать авторитет архиерея-воссоединителя. Борьба с местной властью обессиливала владыку. 30 октября 1851 г. он подал на Высочайшее имя Прошение об увольнении на покой. Он просто по человечески устал и, не видя вокруг себя настоящих русских патриотов, сомневался в возможности плодотворно трудиться над утверждением Православия[\[358\]](#). Поведение чиновников явно вело к тому, чтобы, по словам высокопреосвященного: «...уронить дело воссоединения и посрамить делателей на его пользу, а может быть, их примером отклонить навсегда попытки действовать на пользу России и Православия»[\[359\]](#). Вновь он видел свое призвание законченным[\[360\]](#). В ответ на эту просьбу 5 января 1852 г. он получил Отношение от графа Протасова, в котором было сказано: «Государь Император Высочайше повелеть мне соизволил объявить Вам волю свою, чтобы Вы, как истинный верноподданный, приверженность коего давно Его Величеству известна, оставались на том месте, которое Его Императорским Величеством указано Вам для пользы Святой Церкви, Отечества и воссоединенного духовенства, и к сему

изволил присовокупить, что Вы должны быть совершенно убеждены во всегдашнем к Вам Монаршем доверии»[\[361\]](#).

Оставленный на своем посту и убежденный в неправильности выбранного курса поведения местных органов власти, высокопреосвященный Иосиф видел свое поприще не только церковным, но и государственным. Общественно-политическая обстановка в крае в первой половине 1850-х гг. становилась для Церкви все более неблагоприятной. В крае явно шел процесс возрождения оппозиционных сил. Особенно это стало заметно во время неудачной для России Крымской войны 1853-55 г. Со всех сторон митрополит Иосиф получал сообщения о распространении антиправительственных прокламаций, польских книг и брошюр такого же содержания, создании католическими монахами под видом религиозных братств политических экстремистских организаций, антирусском воспитании детей в школах[\[362\]](#). Складывалось впечатление, что польское общество готово выйти из повиновения и нанести России удар в спину. Это заставило владыку 10 января 1855 г. обратиться к Николаю I через обер-прокурора Св. Синода с конфиденциальным письмом. В нем он предупреждал государя о неблагонадежности чиновников края, среди которых вопреки существовавшему после восстания 1830 – 31 гг. запретам оказалось огромное число поляков, явно ведущих против России подрывную деятельность. Всего среди старших чиновников было 723 иноверца, почти все католики, и 140 православных[\[363\]](#). Православные, следовательно, составляли только шестую часть всех представителей власти в Литве. Они представляли лишь высшее чиновничество. Весь средний и низший слой государственных функционеров составляли поляки[\[364\]](#). Ответ на это письмо он не получил из-за смерти монарха.

В 1856 г. во время коронации Александра II, на которую митрополит Иосиф был приглашен в числе почетных гостей, он получил сообщение о смерти своего отца – протоиерея Иосифа. Трагическое известие стало причиной тяжелых переживаний владыки, которые привели к серьезной болезни, с этого времени неуклонно прогрессирующей. Врачи не сумели диагностировать заболевание. По всей вероятности оно было связано с гипертонией. Помимо прочего болезнь сопровождалась слабостью, быстрой утомляемостью и постепенным понижением работоспособности. Между тем работоспособность в наступающую новую эпоху владыке была нужна более чем в прежнюю.

Александр II пошел по пути либеральных реформ. В отношении поляков был официально взят курс на примирение[\[365\]](#). Правительство амнистировало участников, восстания 1830-31 гг., разрешило создавать легальные польские общественные организации (например, знаменитое «Земледельческое общество», общество либеральной буржуазии «Ресурса»), печатать в Варшаве ранее запрещенного Мицкевича, говорить о своих национальных нуждах и интересах и проч. С воцарением Александра II русская власть в белорусско-литовских землях старалась не замечать того, что вокруг нее происходило. «Дела, – пишет Лев Тихомиров, – велись благодушно, снисходительно, с теми неистощимыми поблажками, которыми «петербургская политика» проникается каждый раз, когда

снимает ежовые рукавицы... Администрация благодушно и равнодушно смотрела на появляющиеся выходки оппозиционного и «польско-патриотического» характера. Полиция стала приходить постепенно в полный упадок и никому ни в чем не мешала»[\[366\]](#). В результате польская и полонизированная элита, которая была организована во множество тайных обществ, получила дополнительные возможности для действия. Этому способствовало мощная материальная база. В Виленской, Гродненской, Минской и Витебской губерниях в начале 1860-х гг. «польских землевладельцев было в 7 раз больше, чем непольских, а их земельная площадь почти в 3,7 раза превышала непольское помещичье землевладение»[\[367\]](#). Поблажки позволили патриотам Речи Пополитой с новой силой осуществлять полонизацию края. О масштабах ее можно судить по работе Виленских типографий. В 1861 г. в них было напечатано: типография Завадзкого – на русском языке 1 сочинение на 3 листах, на польском языке 29 сочинений на 351 листе; типография Киркора – на русском 1 сочинение на 14,5 листах, на польском 21 сочинение на 401,75 листах; типография Сыркина – соответственно 3 сочинения на 23 листах и 25 сочинений на 96 листах[\[368\]](#). В конце концов, известный сподвижник К. Калиновского З. Сераковский, мог с полным правом сказать: «Что такое Западный край? Высший и средний класс в нем составляют поляки, или, точнее говоря, литовцы и русские, которые добровольно приняли польский язык, польские стремления – одним словом польскую цивилизацию. Все, что думает об общественных делах, все, что читает и пишет в Западном крае, – все это целиком польское»[\[369\]](#). Следствием смягчения отношения правительства к полякам, их экономического доминирования в крае и национально-культурного подъема стало окончательное засилье польского элемента в административном аппарате. Местные власти в конце 1850-х и начале 1860-х гг. почти исключительно состояли из поляков[\[370\]](#).

Новая политика правительства подлила масла в огонь религиозного противостояния в западных губерниях. Во второй половине 1850-х гг. в канцелярии митрополита Иосифа появлялось все больше дел, свидетельствующих об агрессивном католическом настулении на воссоединенное духовенство и народ. В первую очередь усилилась фанатичная проповедь ксендзов. Особенно они препятствовали созданию смешанных семей. Высокопреосвященный видел в смешанных браках одну из форм православной миссии, поэтому он по возможности боролся с такими проявлениями католической нетерпимости[\[371\]](#). Так же нарастала клеветническая компания обвинений православных священников. Их обвиняли в разных неблагоприятных и непристойных поступках[\[372\]](#), насилии над религиозной совестью верующих католиков, которых они якобы с помощью полиции заставляют переходить в Православие[\[373\]](#). Римо-католическая иерархия не уставала хлопотать перед правительством об открытии ранее закрытых костелов и монастырей[\[374\]](#). Польские помещики самовольно строили латинские каплицы, где они совместно с ксендзами собирали православных крестьян и учили их

польским молитвам и католическим песнопениям[375]. Для детей белорусов в имениях польских помещиков и в казенных имениях, где управляющими были поляки, создавались тайные школы с польским языком обучения и изучением католического катихизиса[376].

Появились в это время и случаи массового совращения воссоединенных. В Литовской епархии они имели место в местечках Порозово в 1858 г.[377] и Клещель[378] в 1860 г. Очень неприятный случай произошел в селе Кленики Бельского уезда. Здесь в 1860 г. несколько местных крестьян из воссоединенных насильем воспрепятствовали совершению на второй день Пасхи крестного хода по чину Православной Церкви. Когда власти учинили по этому поводу расследование и зачинщики сознались в противоправных действиях, толпа окрестных жителей, присутствовавшая при следствии, не дала подписать обвиняемым протоколы. Люди кричали: «Мы все виновны и крестного хода по правилам Православной Церкви совершать не желаем»[379]. В ответ на это митрополит Иосиф запретил совершать в Кленицкой церкви крестные ходы по православному чину, и распорядился благочинным тщательно наблюдать за местными обстоятельствами, чтобы раскрыть источник возмущения[380]. Подобные случаи имели место и в других западных епархиях. Например, в 1858 г. в Витебской губернии отказались от Православия прихожане Дярновичской церкви[381].

Неблагоприятная для Церкви религиозная обстановка в крае в конце концов, серьезно обеспокоила правительство. Оно начало искать причины проблем. Посланный в Витебскую губернию для расследования Дярновичского дела сенатор Щербинин донес, что главной причиной совращений является само воссоединенное духовенство. По его мнению, оно не имеет влияния на народ и презирается за отступничество от унии. Сенатор пришел к выводу, что необходимо послать из внутренних губерний России в западные губернии в качестве миссионеров древлеправославных священников известных примерным поведением и ученостью. Якобы только они могут утвердить воссоединенных в Православии. Спрошенный Синодом по этому поводу митрополит Иосиф в специальном Рапорте от 20 февраля 1859 г. решительно высказался против идеи миссии древлеправославных священников среди бывших униатов. Он указал, что сама мысль о потере влияния воссоединенного духовенства на пасомых из-за отступничества пущена в ход врагами Церкви. Лучшим опровержением этого заблуждения является двадцатилетнее послушание воссоединенного народа Православной Церкви, несмотря на преобладание в здешней стране иноверия и различного рода притеснения, а так же успехи местного духовенства в миссии среди самих католиков. Только в Литовской епархии со времени перенесения епархиального управления в Вильно в 1845 г. к Православию присоединились 3848 человек из латинян, да смешанных браков было 11 121[382]. Особо возмутила владыку попытка Щербинина разделить воссоединенное и древлеправославное духовенство через 20 лет после Полоцкого собора. «Но справедливо ли, до сих пор еще, – пишет

он в «рапорте», – делать разницу между древлеправославными и воссоединенными священниками? Воссоединенное духовное юношество двадцать уже лет воспитывается в Православных семинариях и академиях; даже прежде того десять лет, Униатские семинарии были уже образованы в духе и по уставу Православных семинарий; отлично подготовленные в сих семинариях и академиях воспитанники двадцать уже лет получают священство на лоне Православной Церкви; таких священников почти уже три четверти по Литовской епархии, и они составляют прекрасное и надежное духовенство – зачем же его лишать доверенности, когда оно по образованию и другим качествам не ниже древлеправославного, а по знанию местного наречия и местных обстоятельств, способнее быть полезным Православной Церкви и утверждать в Православии воссоединенный народ, если это утверждение еще в чем нужно»[\[383\]](#). Далее святитель высказывал ту мысль, что краю нужны не сторонние миссионеры, которые только внесут смуту в местную церковную жизнь, а внешнее охранение народа от могущественной латино-польской партии и от прозелитизма католического духовенства[\[384\]](#).

В условиях, когда правительственные чиновники не моли или не хотели разбираться в этно-конфессиональных проблемах края, митрополит Иосиф имел очень немного средств, чтобы серьезно бороться с наступлением полонизма. В годы с 1856 по 1861 он особо озаботился обучением прихожан молитвам на церковно-славянском языке. Это дело шло очень трудно из-за влияния помещиков, привязанности людей к старой привычке молиться по-польски и нерадения некоторых священников. 30 ноября 1857 г. высокопреосвященный предписал, чтобы все священники после каждого богослужения внятно читали перед прихожанами или вместе с ними молитвы на церковно-славянском языке. Кроме этого архипастырь советовал духовенству в осенне-зимний период посещать деревни и, собирая крестьянских детей в каком-нибудь одном доме, обучать их молитвам[\[385\]](#). Для этой же цели он добился, чтобы русские буквари, которые издавались в Виленских типографиях, имели в конце напечатанные молитвы. Тираж таких букварей был издан в 1857 г. Так же владыка собирал сведения о том, все ли дети в смешанных семьях крещены по чину Православной Церкви[\[386\]](#), требовал от духовенства работы по постоянному катехизическому образованию прихожан[\[387\]](#), следил за должным преподаванием Закона Божия в сельских училищах[\[388\]](#), посещением богослужений православными воспитанниками городских светских учебных заведений[\[389\]](#), ходатайствовал перед Виленским генерал-губернатором Назимовым о закрытии выявленных тайных польских школ[\[390\]](#). Мощным средством укрепления Православия и противостояния латинству высокопреосвященный считал создание церковно-приходских школ для обучения крестьянских детей чтению, письму, молитвам и началам катихизиса. Движение по созданию таких школ было в 1859 г. инициировано в Украинских епархиях[\[391\]](#) и одобрено Синодом, который издал по этому поводу специальный «указ»[\[392\]](#). Владыка с энтузиазмом поддержал церковно-школьное дело[\[393\]](#).

Литовское духовенство хотя здесь из-за бедности православных прихожан и недоброжелательства помещиков и шляхты это было особенно трудно[\[394\]](#), не подвело своего архипастыря. К 13 декабря 1860 г. оказались открытыми и успешно действующими 159 школ с 1695-ю учениками и 14-ю ученицами[\[395\]](#). Эти школы сразу же начали играть огромную роль в борьбе с полонизмом.

Видя, что правительственная политика примирения начинает приносить губительные плоды, что польско-католическая общественность все более поднимает голову и вредит восстановлению Православия, высокопреосвященный Иосиф, считая молчание со своей стороны преступлением, 26 февраля 1859 г. послал через обер-прокурора Синода графа А.П. Толстого Записку императору. В ней, указывая на сепаратистские стремления польской национальной партии, он постарался показать всю опасность ее действий для государства, а так же предложил меры, способные парализовать усилия поляков. В ответ на эту Записку Литовский архиепископ получил высочайшую благодарности полное архиерейское облачение, но на правительственную политику в крае эта Записка влияния не имела. Тем не менее она обратила на себя внимание Александра II и в конце августа того же года высокопреосвященный Иосиф был вызван в Петербург для участия в заседаниях Св. Синода. Присутствие Литовского митрополита в столице признавалось полезным «по особой важности вопросов, возникающих касательно западных губерний и представляющейся иногда необходимости восполнить официальные донесения подробнейшими сведениями, которые могут быть сообщены Св. Синоду членами его, близко знающими разные местности духовного управления»[\[396\]](#).

Владыка прибыл в Петербург 28 октября 1859 г. Здесь ему пришлось работать в комитете по вопросу улучшения материального содержания приходского духовенства. Эффективность работы комитета оказалась очень низкой. Архиерей-воссоединитель тяготился заседаниями Высшего Церковного Управления. «Мне особенно надоело, – писал он в своих Записках, – что давали ход самым пустым делам и людям и тратили время, весьма недостаточное для дел серьезных»[\[397\]](#). В результате высокопреосвященный Иосиф своими мнениями мало участвовал в делах синодального управления. Святитель Филарет Московский, пристально следивший за работой Синода очень жалел об этом. 4 декабря 1859 г. он писал митрополиту Григорию, первенствующему в то время в Синоде: «Преосвященный Литовский, говорят, много молчит. Жаль. Он имеет силу мысли и может споспешествовать вам»[\[398\]](#).

В Петербурге владыка вновь столкнулся с интригами, которые он связывал с назначения преемника митрополиту Григорию на Петербургской кафедре и в должности первенствующего в Синоде. Митрополит Иосиф должен был находиться в Петербурге до 30 апреля 1860 г. Но еще до истечения этого времени ему было отсрочено пребывание в столице еще на год, хотя он просил уволить его в епархию из-за расстроенного здоровья и необходимости пребывать на месте постоянного служения[\[399\]](#). Несмотря ни на что владыка сумел отпроситься и в

мае 1860 г. вернулся в Литву, осмотрев по пути по высочайшему повелению Полоцкую и Могилевскую епархии, где ему пришлось обратить внимание на интриги вокруг высокопреосвященного Полоцкого Василия Лужинского[400]. Вскоре ему предстояло столкнуться с самым большим испытанием в жизни, которое подвергло жестокой проверке плоды его многолетней деятельности.

Революционные манифестации, восстание и последние годы жизни (1861 - 1868)

Как и предупреждал митрополит Иосиф в 1859 г. политика русского правительства в отношении белорусско-литовских земель привела к возрождению польских сил, которое не могло не закончиться взрывом. Насколько русские чиновники закрывали глаза на происходившее вокруг показывает Отчет Виленского гражданского губернатора за 1860 г. Здесь говорилось: «Местное губернское управление... всемерно старалось о сближении, о примирении двух национальностей, совместно живущих в здешнем крае, то, по всей справедливости, оно в праве считать себя истинно исполнившим свой долг»[401]. Между тем повсюду все смелее звучала откровенная антирусская и антиправославная пропаганда. Возрастающее напряжение в мае 1861 г. привело к началу открытых манифестаций польских националистов. Их застрельщиками выступили ксендзы. Особенно многочисленные толпы собирались с пением религиозных и революционных гимнов в Вильно перед часовней Остробрамской иконы Божией Матери. Все русское и православное, особенно духовенство, подвергалось осмеянию и оскорблениям словами и действиями[402]. 25 августа 1861 г. правительство вынуждено было объявить Литву на военном положении, запретив совершать уличные процессии и собираться толпами на площадях. В результате осенью 1861 и в течение всего 1862 г. западные губернии внешне успокоились[403], но это было затишье перед бурей.

Несмотря на сложную ситуацию митрополит Иосиф продолжал думать о будущем. 8 сентября 1861 г. он торжественно открыл и освятил Училище для девиц духовного звания. Высокопреосвященный считал училище для девочек, призванных стать женами православных священников, очень важным учреждением, способным в лучшую сторону изменить белорусско-литовское духовенство и укрепить Церковь. По этому поводу он писал в своих Записках: «Теперь в училище тридцать начинающих девочек, их прекрасно держат, они ходят

в мою домовую церковь, я их называю моими маленькими прихожанками и услаждаю себя мыслью: какие огромные последствия произведет это училище через какие-нибудь четыре пять курсов»[\[404\]](#).

В это смутное время высокопреосвященный Иосиф не покинул Вильно и не соблюдал никаких мер предосторожности, хотя тревожные обстоятельства заставили его опасаться насильственной смерти. М.О. Коялович, посетивший Литву в 1862 г., оставил воспоминание об обстановке, которая окружала владыку. «В 1862 году, – пишет он, – во время первого моего путешествия по западной России, я был в Вильне, во второй половине мая, и в одну из моих поездок к митрополиту Иосифу в его загородный дом (Тринополь) сидел с ним и беседовал в его саду в возвышенной местности, с которой открывается прекрасный вид на р. Вилию, а поближе через дорогу наискось видна одна из кальварийских часовен. К часовне стала подходить группа народа с обычным пением песен. Как только в группе заметили митрополита Иосифа, так сейчас же пение превратилось в неистовый рев и это явное кощунство способно было глубоко возбудить всякого. Мы умолкли. Я взглянул на митрополита Иосифа. Ни один мускул на его лице не изменился, только дальнорзоркие глаза его устремились по направлению к часовне, у которой совершалась эта латино-польское кощунство. Этот великий западно-русский святитель и великий западно-русский человек, без всякого сомнения, возвышался тут над этим грехом неведения родного народа, а в этом неистовом реве угадывал степень фанатизма латино-польских вождей, и оставлял их всех в покое»[\[405\]](#). Окруженный стеной ненависти со стороны латинян митрополит Иосиф сделал приписку к завещанию, приготовленному еще в 1852 г. В ней, обращаясь к императору, он просил в случае его насильственной смерти в единственное наказание виновным забрать у католиков некогда принадлежавшую православным Остробрамскую икону Божией Матери и поместить ее в соборе Свято-Духова монастыря в Вильно[\[406\]](#). Это завещание владыка передал на хранение в Свято-Духов монастырь 1 июня 1861 г.

Военное положение, объявленное правительством в литовско-белорусских губерниях не могло остановить подготовку восстания. Открытые манифестации прекратились, но усилилась тайная пропаганда. Особенно усердствовало римокатолическое духовенство, которое с амвонов обвиняло власти в притеснениях веры, осквернении храмов и многом другом[\[407\]](#). Возрос натиск на православных крестьян с целью привлечь их на свою сторону. Для этого, между прочим, старались устранить воздействие на них православного духовенства. Священников пугали мезтью, если они будут проповедью удерживать своих пасомых от участия в антиправительственных действиях, обещали скорое восстановление унии.

Понимая, что в это предгрозовое время необходимо поддержать пастырей и народ, дать им пример стойкости и настроить на твердое исполнение долга перед отечеством, митрополит Иосиф 19 декабря 1861 г. составил и разослал всем благочинным Литовской епархии Окружное послание, в котором начальствующему духовенству предписывалось внушать подчиненным священникам строго блюсти народ от польско-католического и революционного воздействия. В этом документе говорилось: «Не малое уже время, в нашей стране, на наших глазах, мятутся жалкие страсти, возбужденные чуждыми для нас интересами, чуждою народностию. Слабые духом, слабые познаниями увлекаются злонамеренностию в тяжкие заблуждения. Явную ложь принимают за непреложную истину, уклоняются от повиновения законным властям; ни во что не ставят принесенную верноподданническую присягу; глумятся над самыми храмами Божиими, принося в них песнопения, которые можно считать скорее кощунством над святынею, нежели молитвою. Я не считал бы себя в праве заявлять эти плачевные обстоятельства, если бы они касались только паств для меня сторонних. За них отвечают свои пастыри перед Богом и перед людьми. Но я получаю постоянно сведения: что злонамеренные люди сеют неправду и между Православными, стараясь совратить их с пути истины. Смущают их ложными вестями и внушениями. Распространяют тайными путями и подлогами мятежные воззвания. Стращают верных своему долгу Священников местию Поляков. Эти воззвания и внушения сколько дерзки, столь же и невежественны. Нам указывают на Польшу! Но какое нам дело до Польши? Мы Русские, дети бесчисленной Русской семьи, потомки св. Владимира, – мы родились в России, присягали на верность Русскому Царю. Нас страшат поляками! Не потому ли, чтобы напомнить нам вековые страдания наших отцов, присоединившихся было доверчиво вместе с Литвою к Польше? Неужели хотят воскресить память предков наших, падших в кровавой брани за свои права и за свою веру? Нам указывают на Униатскую веру! Как бы была, или могла быть Униатская вера!? Как бы Уния не были лишь коварной приманкой для отклонения отцов наших от России и от истинно-Православной Восточной Церкви!? Как бы эта несчастная Уния не была орудием тяжких терзаний и гонений, которые испытали предки наши в течении трехсот лет; пока мы, потомки их, не обрели наконец тихого пристанища и успокоения на лоне России и матери своей Православной Церкви!...Все это совершенно известно духовенству Литовской Епархии, получившему по большей части светлое образование. Его не обмануть злоумышленникам хитросплетенною ложью; его не застращать и угрозами. Если злонамеренным стало дерзости на несправедливые покушения; то добрым ли пастырям Православного стада малодушествовать, и в соблюдении своего долга не обрести сугубых сил к охранению истины и к обличению неправды? Но могут быть

неопытные, могут быть неосторожные. Могут быть и несведущи, могут быть особенно небрежны в усердном надзоре за своими паствами»[\[408\]](#). Поэтому митрополит посчитал своим долгом обязать благочинных: 1) предостеречь лично каждого священника, дав прочесть им это послание; 2) внушить духовенству блюсти свои паствы от «наговоров и подстрекательств»; 3) дать соответственные местным обстоятельствам наставления всем священнослужителям, чтобы они незамедлительно докладывали о случаях революционной пропаганды и представляли напечатанные прокламации и воззвания, если такие получат; 4) полученные от духовенства сведения представлять в епархиальное управление, «дабы мог я (владыка Иосиф) принимать соответственные меры к охранению Православной паствы»[\[409\]](#).

Окружное послание от 19 декабря 1861 г. произвело на Литовское духовенство огромное впечатление. Священникам, находившимся под прямым воздействием польской пропаганды, получавшим революционные прокламации и воззвания и не видевшим рядом с собой твердой русской власти, оно напоминало о прочном основании правоты их дела и указывало линию поведения в этих сложных обстоятельствах. Нельзя не согласиться с мнением Г.Я. Киприановича: «...когда все наши власти в Западном крае были в крайнем расслаблении, когда в иных местах их почти не существовало, один Иосиф спокойно и твердо держал в своих руках все нити своего управления и, ...делал своему духовенству, а через него и народу, указания как вести себя. Как бороться с поляками. Этим в значительной степени нужно объяснить то ясное понимание своего положения, каким обладал народ перед смутой, и то спокойствие, которое он сохранял среди панских козней. Этим также нужно объяснить и то, что самые слабые священники верно исполняли свой долг в те трудные времена и не поддались полякам»[\[410\]](#).

В 1862 г. святителя вновь посетили мысли о выходе на покой, что было связано с усиливающейся болезнью и с тем, что он не чувствовал в себе сил бороться с надвигающимися грозными событиями. В Прощении, которое он написал по этому поводу вновь, как и в Записке 1859 г. владыка заявлял о несостоятельности правительственной политики в крае[\[411\]](#). Однако именно в это он получил высочайшую награду: алмазные знаки ордена св. Андрея Первозванного[\[412\]](#). «После сего, – писал владыка, – мне уже и не думать о просьбе на покой, а необходимо изворачиваться как-нибудь и с обстоятельствами и с своим здоровьем»[\[413\]](#). В итоге очередное желание высокопреосвященного оставить поприще осталось без последствий.

В течение всего 1862 г. митрополит Иосиф постоянно получал от духовенства распространявшиеся революционерами воззвания и брошюры, которые он отсылал генерал-губернатору и в Синод^[414]. Помимо этого он имел от священников достаточно полную и точную информацию о положении дел на местах. Это позволяло архипастырю контролировать церковные дела. В связи с тревожными событиями его внимание привлекла давно терпимая им привычка воссоединенных петь религиозные гимны на польском языке. Их пели и дома, и в церквях во внебогослужебное время. По полученным митрополитом сведениям польские патриоты старались использовать эту народную привычку в своих целях. Их агенты распространяли среди крестьян революционные песни в напечатанном виде. 29 октября высокопреосвященный распорядился благочинным собрать сведения о том, где еще не прекратилось пение песен на польском языке, а так же их содержание, когда они поются и участвуют ли в этом священники. Из докладов благочинных стало известно, что польские религиозные песнопения продолжали употребляться православными во многих приходах, но народ не принимает предлагаемых ему революционных песен. Прихожане, получавшие их от поляков, не разучивали их, но приносили священникам и даже отнимали у других^[415]. Таким образом, народ не проявлял склонности поддерживать польское антиправославное и антиправительственное движение. Это не удавалось даже обманом под видом продолжения старой привычки. Отсюда следовал вывод о твердости простых белорусских крестьян в Православии.

Одновременно высокопреосвященный старался препятствовать все более возрастающей пропагандистской деятельности ксендзов. Они сеяли слухи о скором закрытии православных церквей, еще более фанатично чем прежде препятствовали созданию смешанных семей, без приглашения ходили по домам православных с проповедями. Владыка по возможности не оставлял без внимания каждый такой случай и обращался с соответствующими отношениями к Виленскому католическому епископу Красинскому. Эти отношения иногда достигали результата и виновных ксендзов переводили на другие приходы^[416].

В 1862 г. митрополит Иосиф распорядился своим викариям и кафедральному протоиерею осмотреть епархию. Ревизоры заметили во многих приходских церквях значительные недостатки: еще употреблялись при богослужениях униатские евхаристические сосуды, на стенах и даже в иконостасах висели униатские иконы, крестные ходы и колокольный звон совершались по латинскому обычаю, в некоторых местах, особенно сопредельных с костелами, прихожане продолжали читать молитвы не на церковно-славянском, а на польском языке и т.д. Однако, духовенство, в большинстве воспитанное в православном духе было надежно. В том числе и старые священники, еще помнившие унию. Они по преклонности лет и

по недостатку образования не могли уже научиться правильному православному богослужению, но пользовались уважением среди прихожан и тоже были тверды в Православии. В результате этого осмотра церковей высокопреосвященный предложил на основании своего Распоряжения 1847 г. старым священникам, обремененным семейством, подобрать себе помощников из числа окончивших курс семинарии, а вдовым и бессемейным переселиться в монастыри на иеромонашеские должности. Однако это дело шло крайне трудно^[417].

В 1861 и 1862 гг. митрополит Иосиф подготовил открытие печатного органа своей епархии: газеты «Литовские епархиальные ведомости». Он подобрал достойных и способных для этой работы священнослужителей и на первоначальные расходы редакции пожертвовал из собственных средств 300 рублей. Первый номер газеты вышел 15 января 1863 г. В редакционной статье этого номера духовенству сообщалась цель нового периодического издания: «Для местного духовенства, будучи органом начальственных распоряжений, наши ведомости в то же время другими своими статьями имеют воскрешать в памяти родное минувшее, делать общеизвестным древнее уцелевшее, – к чему с задушевностью обращаются современная мысль и чувство; они постараются служить по возможности полнозвучным отголоском пастырских надежд, радостей, скорби о затруднениях, неудачах, – общественным полем для обмена мыслей духовенства о долге своего звания, дабы по требованию современных обстоятельств православной паствы в нашей стране направлять свою деятельность к соответственному исполнению своих священных обязанностей»^[418]. В дальнейшем эта газета сыграла в жизни Литовской епархии огромную роль.

Таким образом, в период активной подготовки польского восстания: сначала во время открытых манифестаций 1861 г., а затем в условиях все усиливающейся революционной пропаганды, митрополит Иосиф крепко держал в руках бразды церковного управления. Он морально поддержал духовенство, настроил его на противостояние агрессивному полонизму, организовал сбор необходимой информации и всеми имеющимися в его распоряжении небольшими средствами старался препятствовать мятежным элементам. Об успехе его усилий свидетельствует то, что в эти годы не было ни одного случая уклонения священников Литовской епархии от своего долга перед Православной Церковью и правительством под воздействием угроз и пропаганды. Твердым в Православии оказались и белорусские крестьяне. В то же время, митрополит Иосиф оказался единственным, кто в Беларуси и Литве не отступил перед польско-католической силой. Теперь его твердости нужно было пройти новое испытание.

В 1863 г. патриоты Речи Посполитой и латинское духовенство в западных губерниях решились под влиянием восстания в Царстве Польском на вооруженное выступление. В работе «Powstanie Styczniowe 1863-1864» польский исследователь Славомир Колембки пишет: «Часть западных губерний Российской империи была населена несколькими народностями. Среди насчитывающего почти 5500 тыс. населения этих земель наибольшую группу составляли белорусы (51, 05%), далее литовцы (19,82%), евреи (10,44%), поляки (8,27%), украинцы (3,5%), русские (2,99%), латыши (3,34%), немцы (0,47%), татары (0,12%)...В губернии Виленской

было их (поляков – А.Р.) больше всего – 17,31% от общего количества проживающих, в минской – 11,71%, в гродненской – 9,53%, в витебской – 5,49%, в ковенской 2,95%, в могилевской 2,75%. Около 60% проживающих на этих землях поляков было сосредоточено в губерниях виленской и минской»[\[419\]](#). Из приведенных данных видно, что православные белорусы, украинцы и русские составляли 57,99% от общего населения края, в то время как поляки-католики – только 8,27%. Даже в местах наибольшей концентрации польского населения оно, по сравнению с православными, находилось в значительном меньшинстве. Исключение составляли только сама столица края – Вильно – и прилегающие к ней окрестности. Католиков-литовцев в данном случае не имеет смысла принимать во внимание, так как они, несмотря на пропаганду революционеров, серьезно не влияли на ход событий. Отсюда понятно, что восставшие надеялись на поддержку со стороны православного большинства местного населения. Их надежды могли питаться только расчетом на культурно-историческую близость к ним белорусов, а, следовательно, и на их сочувствие политическим интересам Польши. Огромную роль в этой ситуации играл религиозный фактор. «Во время восстания, которое вспыхнуло на территории Польши, Литвы и Белоруссии в 1863-1864 гг., – пишет В.В. Григорьева, – делалась ставка на то, что идеи униатства еще не погасли в душах бывших униатов и их священников»[\[420\]](#). На самом деле никто доподлинно не знал, как в такой ситуации поведут себя белорусы и местное духовенство, вернувшиеся в лоно Православия чуть более 20 лет назад. Вопрос заключался в религиозной и народной правде воссоединения.

Действия вооруженных польских отрядов в Беларуси и Литве начались в районах прилегающих к Польше зимой 1863 г. Виленский генерал-губернатор В.И. Назимов, которому в силу военного положения были даны чрезвычайные полномочия, но которого впоследствии М.Н. Муравьев называл человеком «недалеким и слабым»[\[421\]](#), не мог их остановить. В марте и апреле 1863 г. весь край уже был объят пламенем. От духовенства, помимо правительственных сообщений, святителю поступали сведения об убийствах солдат, расклеивании на крестьянских избах антиправительственных воззваний, в которых Литву прямо называли «польской землей»[\[422\]](#), а также об издевательствах над священниками. Например, 25 апреля восставшие кощунственно обрили бороды священникам Слонимского уезда Адаму Рожковскому и Николаю Ступницкому, чтобы уронить их авторитет среди прихожан[\[423\]](#). 27 апреля они похитили священника Федора Страшницкого и избили его за то, что он убеждал своих прихожан не помогать восставшим, предоставляя им лошадей и подводы[\[424\]](#).

В это время высокопреосвященный Иосиф распорядился повторно напечатать в «Литовских епархиальных ведомостях» Окружное послание от 19 декабря 1861 г. Кроме того, еще несколько ранее, получив косвенным путем информацию, что многие священники из страха перед местью мятежников не сообщают вовремя о подговорах, оболъщениях, угрозах и даже насилии над ними их семьями и паствой, владыка особым Предписанием от 26 февраля 1863 г. вновь обязал все духовенство сообщать в епархиальное управление обо всех таких происшествиях[\[425\]](#). Наконец, 27 марта архипастырь распорядился по случаю все усиливающихся беспорядков, чтобы во всех храмах Литовской епархии, по образу Варшавской епархии, во время богослужений к ектениям добавлялись особые прошения о прекращении мятежа[\[426\]](#).

События в западных губерниях подтолкнули правительство к отрешению В.И. Назимова от Литовского генерал-губернаторства и назначению на его место М.Н. Муравьева, который прибыл в Вильно вечером 14 мая 1863 г. Об отношении нового генерал-губернатора к Иосифу Семашко говорит то, что на следующий день утром он вместе с Назимовым сначала посетил Литовского митрополита и помолился Богу в Свято-Никольском кафедральном соборе[\[427\]](#). Только после этого он сделал общий прием чиновников, духовенства и представителей сословий столицы края. Согласно воспоминаниям Муравьева, Литва 1863 г. произвела на него тягостное впечатление: «Русских людей почти нигде не было, ибо все гражданские должности были заняты поляками. Везде кипел мятеж и ненависть и презрение к нам, к русской власти и правительству; над распоряжениями генерал-губернатора смеялись и никто их не исполнял»[\[428\]](#). М.Н. Муравьев в течение нескольких месяцев уничтожил все надежды на успех восстания, и, нанеся удары по основным источникам революционных польских сил: римскому духовенству, чиновникам польского происхождения и зависимости православных белорусских крестьян от польских и полонизированных землевладельцев, – подавил вооруженную борьбу.

Митрополит Иосиф в это тревожное время безвыездно жил в архиерейском доме в Вильно и пристально наблюдал за развитием событий. Несмотря на все усиливающуюся болезнь и необходимость лечиться, владыка не уехал из столицы волнующегося края, хотя ранее планировал это[\[429\]](#). На прочность проверялась его многолетняя архипастырская деятельность. На все вопросы святитель получил те ответы, на которые надеялся. Белорусский народ, несмотря на все усилия польских патриотов, мечтавших о восстановлении Речи Посполитой, не пошел за ними. В Литве они остались в одиночестве. В их отрядах вообще крестьяне, а тем более крестьяне православные «представляли большую редкость»[\[430\]](#). Во многом это случилось благодаря тому, что воспитанное владыкой Иосифом воссоединенное духовенство осталось верным долгу даже перед лицом смерти. За месяцы восстания множество священнослужителей подверглось издевательствам, побоям,

ограблению[\[431\]](#). От рук польских патриотов приняли мученическую смерть священники Литовской епархии Роман Рапацкий и Константин Прокопович[\[432\]](#), а так же, принадлежавшие духовному ведомству, дьячок церкви Святая Воля Пинского уезда Федор Юзефович и учитель Субочевского сельского училища Вилкомирского уезда Викентий Смольский[\[433\]](#).

На все многочисленное духовное сословие Литовской епархии нашлось только два случая проявления священниками малодушия и один случай сочувствия мятежникам. Слабость проявили молодые священники Гродненской губернии Жебровский и Белевич. В мае 1863 г. они под угрозой казни подписали за своих прихожан присягу незаконному польскому правительству. Митрополит Иосиф запретил обоих священников в священнослужении и отправил их на три дня в Жировичский монастырь, чтобы они перед образом Божией Матери очистили свою совесть. Кроме этой епитимии высокопреосвященный предложил консистории рассмотреть вопрос: «Не уронили ли себя означенные священники малодушным поступком в глазах своих настоящих прихожан, и не следует ли их в таком случае переместить на другие приходы»[\[434\]](#).

Более неприятный случай произошел с пожилым священником Нарочанской церкви Вилейского уезда Скабаллановичем, которого вместе с его двумя дочерьми, воспитанными в католичестве, заподозрили в общении с польскими партизанами и доставлении им продовольствия. Назначенное расследование не нашло бесспорных доказательств их вины, но М.Н. Муравьев просил митрополита удалить из Литвы Скабаллановича и его дочерей. В ответ Иосиф Семашко поместил этого священника на иеромонашескую должность в Гродненский монастырь и отказался от решения вопроса с его дочерьми, т.к. они, рожденные и воспитанные в латинстве, не подлежали ведению духовного начальства[\[435\]](#).

Видя, что ставка на поддержку белорусским православным крестьянством потерпела крах, и влияние верного законной власти православного духовенства на народ оказалось гораздо сильнее предполагаемого, повстанцы решились на обращение с воззванием к воспитанникам Литовской семинарии. 17 мая 1863 г. их агент поместил на двери, ведущей в спальные семинарские помещения, прокламацию на польском языке. В ней порицалось все русское и восхвалялось все польское. Семинаристы назывались поляками и призывались вступать в мятежные отряды[\[436\]](#). На третий день после этого события митрополит Иосиф приехал в семинарию и нашел учащихся волнующимися и настроенными решительно против этого польского обращения. Надо сказать, что не могло быть иначе, ведь это были дети тех, над кем польские патриоты издевались, кого грабили и даже убивали. Достаточно упомянуть, что среди семинаристов высшего отделения в это время находился сын недавно повешенного мятежниками о. Константина Прокоповича –

Антоний^[437]. Владыка успокоил воспитанников и предложил каждому написать ответ возмутителям, что они в тот же день и сделали. Лучшие из сочинений семинаристов архипастырь распорядился напечатать в «Литовских епархиальных ведомостях». Эти ответы православного духовного юношества польским патриотам, которые священники читали на страницах епархиальной газеты в самый разгар восстания, несомненно, укрепляли их в стойкости и верности Православной Церкви и законной власти. Позднее в своих «неизданных записках» митрополит Иосиф писал, что сочинения семинаристов: «...произвели самое благодетельное впечатление на умы всего духовенства, так что эта дерзкая мятежническая попытка, вместо вреда, принесла русскому православному делу действительную пользу, укрепив дух и добрые убеждения здешнего православного духовенства, недавно из унии воссоединенного»^[438].

Кроме сочинений семинаристов владыка распорядился публиковать в Епархиальных ведомостях присылаемые в епархиальное управление рассказы священников о пережитых ими страданиях. На страницах нескольких номеров 1863 г. материалы от духовенства печатались под рубрикой «Страдания православного духовенства от польских мятежников»^[439]. Эти публикации также содействовали моральному укреплению священнослужителей перед грозившими им опасностями.

Таким образом, Православная Церковь в Беларуси и Литве, руководимая твердой рукой своего предстоятеля, с честью выдержала встреченные в 1863 г. нападения. Владыка с чувством глубокого удовлетворения мог сообщить Синоду: «Тяжел был настоящий 1863 г. для Литовской епархии. На всем ее пространстве кипел безумный мятеж, возбуждаемый врагами России и православия. Среди наветов и коварства, среди угроз и насилия, юная литовская православная паства подвергалась трудному испытанию. Однакоже, благодарение Всевышнему, достойно перенесла это испытание. По совести могу с полной признательностью отозваться о пастырях и пасомых. Редкий из духовенства не потерпел от стеснительных обстоятельств времени весьма многое, не понес важных убытков и разорения от насильственных поборов и грабежей. Многие пострадали от побоев и истязаний, а иные удостоились и мученической кончины позорною смертью. И я, смиренный предстоятель, хотя и немощствующий, бодро стоял среди доброй литовской паствы, скорбел ее скорбями, страдал ее страданиями, и счастливым себя считаю, если эта бодрость и посильные указания имели хотя малое влияние на достойное поведение паствы, на ее непоколебимую верность Государю, церкви и отечеству»^[440].

Надо сказать, что во время восстания владыка продолжал заниматься и обычными епархиальными делами. Им были пересмотрены границы благочиний и упразднены Чарновицкое и Свислочское благочиния^[441]. Он не оставлял своей заботой церковно-приходские школы, число которых множилось. К 1 апреля 1863 г. в Литовской епархии их уже насчитывалось 323 с 6558 учениками (6329 мальчиков и 229 девочек)^[442]. Сам архипастырь пожертвовал на эти школы 1000 необходимых книг^[443].

К замечательным его распоряжениям в это время можно отнести следующее: «В обителях Литовской епархии вообще чувствуется недостаток монашествующих; и Настоятели монастырей ежечасно обращаются к Епархиальному Начальству о присылке им недостающих иноков. Между тем, Настоятели сии сами собою не стараются о приобретении монашествующих в свои обители. Поэтому предлагаю Консистории поставить в обязанность Настоятелям и Благочинным монастырей: чтобы они более заботились о приобретении для своих обителей добрых поборников иноческой жизни, действуя спасительными внушениями и наставлениями, а также назидательною жизнью и строгим исполнением обязанностей в обителях»^[444].

Летом 1863 г. в результате энергичных и жестких мер, принятых М.Н. Муравьевым, революционное движение в Литве начало затихать и окончательно закончилось в начале 1864 г. Его не мог оживить даже сформированный в середине июля в Вильно тайный отряд кинжальщиков, имевший целью убийство Виленского генерал-губернатора и тех участников восстания, которые отреклись от борьбы. В это время изменилось отношение русского общества к западному краю. События всем раскрыли глаза на действительное положение православного белорусского народа, страдавшего от польского владычества даже под русской властью. Теперь западные губернии стали предметом особой заботы и правительства, и, можно без преувеличения сказать, всех слоев русского общества. В Литву на укрепление Православной Церкви широкой рекой потекли пожертвования от частных лиц. Жертвовали на благоуукрашение храмов^[445], устройство церковных школ^[446], семьям пострадавших священнослужителей^[447]. Правительство, отбросив бюрократическую волокиту, для лучшего материального обеспечения православного духовенства западных губерний начало выделять особые пособия. Например, в 1863 г. духовенству Литовской епархии было выделено 42 000 рублей. Пособия получили сначала 328 духовных, а затем, по дополнительным прошениям, еще 128 человек^[448]. Экстренные пособия в этом размере выплачивались и в последующие после восстания годы.

В результате восстания рухнула стена непонимания и вокруг деятельности Литовского митрополита. Особенно этому способствовали труды известных

публицистов: В. Каткова, И. Аксакова, М. Погодина, М. Кояловича. Статья последнего «Историческое призвание западно-русского Православного духовенства», была напечатана уже в первом номере Литовских епархиальных ведомостей[449].

Все это, безусловно, радовало митрополита Иосифа. Но наиболее отрадным было для него то понимание, которое он находил у М.Н. Муравьева. Впервые за многие годы владыке в его церковной деятельности не было нужды бороться с гражданским начальством. Муравьев был единомышленником архипастыря во взглядах на народ Белой Руси и принципы управления западным краем. Православную Церковь он считал главной опорой в деле единения белорусско-литовских земель с остальной частью страны. Поэтому, помимо прочего, Муравьев развернул энергичную деятельность по укреплению Церкви. Генерал-губернатор действовал в нескольких направлениях: церковное строительство, улучшение материального положения духовенства, поддержание и возвышение уровня образования духовного сословия, выведение из употребления духовенством и народом польского языка и искоренение униатских привычек. Последнее заключалось в том, что многие православные продолжали посещать костелы, молились по польским молитвенникам. Кроме этого, в унии пресеклась традиция ношения нательных крестиков. После воссоединения она не была восстановлена. Сохранению униатских пережитков способствовали и консерватизм народных обычаев, и господство полонизма в высшем обществе, и материальная зависимость православного духовенства и простого народа от польских и полонизированных помещиков, и деликатность владыки. В конечном итоге высокопреосвященный относился ко всему этому спокойно и полагал, что только время может исправить такие анахронизмы. Но после польского восстания ситуация изменилась. В Беларусь по призыву Муравьева приехало множество русских людей, которые должны были заменить поляков в структуре власти. Они с недоумением смотрели на остатки унии среди белорусов, считали их «недостатком Православия»[450], обращали на это внимание Виленского генерал-губернатора и находили в нем живой отклик. То, как Муравьев смотрел на униатские пережитки среди воссоединенных, видно из его письма П.Н. Батюшкову, датированному 1863 г.: «Твердые религиозные верования составляют одну из главных связей, связующих народ воедино в гражданской его жизни. В этом смысл для единоверного народа, независимо от единства религиозно-нравственного убеждения, необходимо и единство наружной обрядности, освященной обычаем и временем, сохранение и поддержание которой особенно сильно действует на простой народ»[451]. В результате таких воззрений Муравьев просил владыку Иосифа усилить меры для

ликвидации внешних остатков унии^[452]. В ответ святитель дал несколько Распоряжений.

Распоряжением от 19 декабря 1863 г. он вменял в обязанность приходскому духовенству, чтобы оно «озаботилось приобретением крестиков для всех прихожан, их не имеющих, и убедило сих прихожан носить эти крестики по заведенному обычаю»^[453]. Сам высокопреосвященный тогда же приобрел на свои средства и пожертвовал прихожанам 25 000 нательных крестиков. Узнав об этой нужде, многие русские люди и даже царствующие особы присылали в западные губернии крестики многими тысячами. Так что недостатка в них у духовенства не было^[454]. Благодаря увещаниям священников и вниманию русского общества очень быстро обычай носить на теле крест среди воссоединенных был восстановлен.

Распоряжением от 26 декабря 1863 года владыка предлагал духовенству епархии приложить особое старание на выведение из употребления верующими молитвенников и молитв на польском языке. Предлагалось заменить их на молитвы по-церковно-славянски или по-русски и соответствующие молитвословы. «Изучение молитв, – писал архипастырь, – облегчено ныне многочисленными сельскими училищами, и приобретение молитвенников – пятью для них кладовыми, по епархии учрежденными; да и выписка таких, кои в кладовых не находятся, вовсе не затруднительна, самим ли священникам, или посредством Благочинных»^[455]. Это дело шло очень трудно, особенно среди грамотных прихожан, так как они всю жизнь читали молитвы по польским молитвенникам.

Другим Распоряжением от того же 26 декабря святитель обращал внимание на выведение из употребления польского языка в семьях духовенства. Он писал: «Влиянием, через несколько столетий, Польши и Поляков, Русское Православное духовенство здешней страны не только лишилось Православной веры, отклонилось в Унию; но и усвоило себе польский язык. На всем пространстве нынешней Литовской епархии, тридцать лет тому назад, духовенство это говорило все на польском языке и вовсе не знало языка Русского. Теперь, благодарение Господу, оно не только возвратилось на лоно матери своей – Православной церкви, но, воспитываясь в своих училищах и Семинарии, изучило также и стало употреблять Русский язык отцов своих. В женском только поле духовного ведомства употребление польского языка поддерживается еще, частью воспитанием многих девиц сего ведомства в пансионах совместно с девицами польского происхождения, частью необходимым сообщением в обществе с лицами сего происхождения»^[456]. Далее высокопреосвященный говорил о том, что это мешает изучению детьми священников русского языка, заставляет сомневаться в православии здешнего

духовенства многочисленных русских людей, прибывавших по долгу службы в Литву, а также отдаляет пастырей от пасомых, «говорящих Русским языком по Белорусскому или Малороссийскому наречию»[\[457\]](#). В связи со всем этим митрополит Иосиф предписал, чтобы во всех семьях духовенства, где еще говорили по-польски, были приложены усилия по изучению русского языка и затем ежедневного его употребления. Духовенству напоминалось, что оно должно воспитывать своих дочерей в Виленском Училище для девиц духовного звания, «так как чрез несколько лет священно-служительские места будут преимущественно отдаваемы таким кандидатам, которые женятся на воспитанницах того училища; дабы здешний Русский Православный народ имел благий пример и назидание не только в своих священниках, но также в их женах и матерях»[\[458\]](#). Впоследствии 5 февраля 1865 г. владыка распорядился, чтобы кандидаты в священство вступали в брак только с девушками, которые умеют правильно читать по-церковно-славянски и по-русски. Здесь он вновь повторил свой призыв духовенству давать образование своим дочерям в Виленском женском училище[\[459\]](#).

В августе 1864 г. высокопреосвященный получил от М.Н. Муравьева предложение усилить меры по изъятию польских молитвенников и замене их православными, а также искоренению обычая воссоединенных ходить в костелы. Замеченных в этом генерал-губернатор предлагал привлекать к кроткому увещанию духовенства, упорствующих облагать штрафом от 25 до 50 рублей, и, если не откажутся от своих привычек, тогда доносить о них ему для административного суда. Одновременно с этим Муравьев предлагал владыке исходатайствовать разрешение Синода на составление и издание особого для западных губерний молитвослова, доступного по цене каждому. В ответ на это владыка распорядился, чтобы духовенство внимательнее наблюдало за своими прихожанами, уговаривало их отклониться от посещения костелов, принимало от соглашающихся польские молитвенники и предавало их сожжению в присутствии благочинных. Также митрополит поручил консистории распространение молитвословов на церковно-славянском языке, полагая, что издание особого молитвенника для западных губерний не имеет смысла из-за неграмотности народа. Только постепенно, по мере успешной работы сельских училищ, могла возникнуть действительная потребность в таких молитвенниках[\[460\]](#). Это Распоряжение высокопреосвященного имело успех. На волне антипольских настроений некоторые прихожане действительно расставались с польскими книгами. Так в Волковысском благочинии было сожжено 178 молитвенников, в Сморгонском приходе – 305, в Залесском – 80, в Беницком – 85 и т.д.[\[461\]](#) Однако посещение православными костелов пресечь до конца не удалось[\[462\]](#). В смешанных семьях эта привычка практикуется и в наши дни. Таким образом, только после польского восстания в результате изменившихся условий и по инициативе светской власти владыка Иосиф в некоторой степени

отступил от своего правила постепенности и осторожности в изменениях религиозных привычек воссоединенного духовенства и народа. Новая ситуация в крае способствовала этому. В результате Литовская Церковь начала преобразовываться на глазах. Но это было далеко не все. По инициативе Муравьева начались попытки оживления церковной общественной жизни. Под его наблюдением были составлены правила для церковных советов, которые создавались при каждом приходе. В задачи советов входило наблюдение за ходом строительства и ремонта храмов, пополнение ризниц, забота о церквях и духовенстве. Советы получили право приводить денежные сборы по приговорам приходских общин[463]. Одновременно при приходах организовывались попечительства для заботы о церковных строениях, украшения храмов и помощи причтам в хозяйственном отношении[464]. Владыка горячо поддерживал эти начинания.

Другим общественным церковным институтом стали организуемые в крае православные братства. Высокопреосвященный Иосиф не был сторонником их возрождения. Он, в отличие от панегиристов борьбы старых западнорусских братств с латинством, полагал, что «столь восхваляемая борьба братств скорее повредила, нежели пособила православию; скорее способствовала, нежели препятствовала успехам унии»[465]. Высокопреосвященный высказал свое мнение приехавшему в Вильно в 1865 г. обер-прокурору Ахматову. Тот согласился с владыкой и сказал, что такого же взгляда на братства придерживается Московский святитель Филарет. Между тем, правила учреждения братств были утверждены Александром II 8 мая 1864 г.[466] После этого Литовскому митрополиту ничего не оставалось, как благословить создание братств в Ковно[467] и Вильно[468]. В дальнейшем они вели большую работу по утверждению Православия в Литве.

Не все меры М.Н. Муравьева получили одобрение митрополита Иосифа. Он был против казни двух виновных в призывах к восстанию ксендзов, проведенной Муравьевым сразу после его приезда в Вильно. Владыка просил генерал-губернатора об их помиловании, но получил категоричный отказ. Муравьев предлагал перевести многих слишком на его взгляд полонизированных воссоединенных священников во внутренние губернии России и заменить их великороссийским духовенством. Архипастырь, трогательно заботившийся о подчиненных, решительно восстал против такой меры. Его поддержал святитель Филарет Московский. В результате это предложение не было осуществлено[469]. Владыка лишь согласился принять в Литовскую епархию несколько выпускников российских семинарий на должности наставников духовных училищ[470]. В результате между митрополитом и генерал-губернатором возникло взаимное недопонимание. Мирить их в столицу края специально приезжал А.П. Ахматов[471]. Высокопреосвященный Иосиф в деятельности Муравьева выступал в роли советника, благословлял его начинания и распоряжался получаемыми материальными средствами. К 1865 г., когда М.Н. Муравьев оставил должность Виленского генерал-губернатора, состояние Церкви было несравнимо с предыдущими годами. Западные губернии покрылись сетью возрожденных старых,

построенных новых, и строящихся храмов. Ветхие церкви были отремонтированы или перестроены[472]. Жалование духовенства удвоилось[473]. Дополнительные материальные средства были предоставлены духовным школам[474], новый толчок, после открытия в Вильно Училища для девиц духовного звания, получило женское духовное образование в русско-православном духе[475].

Высокопреосвященный Иосиф видел, что его паства вышла из испытаний 1863 г. закаленной и более надежной. «Чтобы довершить это благодетельное последствие, – вспоминал он позднее, – я воспользовался двадцатипятилетием воссоединения униатов, выпавшим на 25 марта 1864 года»[476]. В этот день владыка совершил торжественное праздничное богослужение вместе со своими викариями. По поручению святителя, который чувствовал себя ослабленным болезнью, ректор семинарии прочитал заранее приготовленную владыкой проповедь. В ней митрополит напоминал воссоединенным историческую справедливость единства Беларуси России и то, что именно православная вера помогла белорусскому народу выжить во время тяжких испытаний и сохранить свою самобытность. Сила Православия в народе не дала получившей политическое господство в Литве польской элите окатоличить и ополячить здешний народ. На него польские паны и латинское духовенство «успели наложить только личину Латинства, под названием Унии»[477]. Далее он подробно рассказывал о воссоединении и восклицал: «Вера Православная есть самая крепкая цепь, связующая в единое целое бесчисленный Русский народ... ею зиждется и стоит непоколебимо великое единодержавное Русское Царство»[478]. Проверкой твердости и религиозного и глубинного народного воссоединения белорусов и русских стали последние горькие события, когда польские патриоты хотели «покорить вновь Польше Русские области, Русский Православный народ, у которого свежа еще память прежнего ненавистного трех-векового порабощения»[479]. Революционеры надеялись на поддержку Запада, но то, что «за них станет самый Русский Православный народ нашей страны»[480]. Они обманулись. «Он (народ – А.Р.) посмеялся на безумными на него надеждами мятежников; устоял противу искушений; перенес тяжкие насилия и истязания; и многие из него, с своими добрыми пастырями, сподобились недавно мученической кончины, за верность своему Русскому Отечеству, своей святой Православной Церкви»[481]. Завершил святитель свое обращение к пастве следующими словами: «... с умилением, обратим еще раз радостные взоры на одно из последних событий, которого мы сами были свидетелями, которому совершилось ныне двадцатипятилетие, с которым благословил Господь двум миллионам Русского народа здешней страны возвратиться в лоно древней матери своей – церкви Православной, а тем самым слиться крепчайшими узами с общим великим Русским Отечеством, с общим великим Русским государством, и найти здесь тихое пристанище после вековых треволнений»[482]. Эта проповедь была опубликована на страницах «Литовских епархиальных ведомостей» и произвело на духовенство глубокое впечатление.

Таким образом, время после польского восстания ознаменовалось для воссоединенной Церкви большими преобразованиями всех сторон жизни. Благодаря сложившимся обстоятельствам и помощи М.Н. Муравьева владыка сумел в эти годы резко продвинуть слияние Литовской паствы с остальной частью Русской Церкви, но этот период продолжался недолго.

17 апреля 1865 г. М.Н. Муравьев получил отставку от должности. Митрополит Иосиф тяжело переживал его удаление из Литвы. Он считал его дальнейшую деятельность необходимой. В одном из писем генерал-губернатору, написанном еще задолго до его отставки, владыка выражал следующую мысль: «...усмирить здешнюю страну и упрочить ее замирение – не одно и то же. Для сего последнего необходимо бдительное поддержание, хотя на несколько еще лет, мер уже принятых, а в ином и восполнение оных. Но поддержат ли их ваши преемники? Тогда многие из тех мер выйдут для будущего бесполезны, а, может быть и вредны. Все обратится на прежний путь – *и будут последняя горше первых*»[\[483\]](#).

Тревога владыки оказалась не напрасной. После графа Муравьева Виленскими генерал-губернаторами на короткое время становились К.П. Кауфман (с 17 апреля 1865 по 9 октября 1866 гг.) и Э.Т. Баранов (с 9 октября 1866 по 2 марта 1868 гг.). И первый и второй пытались осуществлять систему действий Муравьева в отношении управления краем, но они не обладали ни талантом, ни энергией, ни пониманием цивилизационного смысла деятельности своего предшественника. В свою очередь ни Кауфман, ни Баранов не уделяли такого большого внимания Церкви, которое было свойственно М.Н. Муравьеву. Э.Т. Баранов вообще по вероисповеданию был лютеранином. Преемников Муравьева больше занимали проблемы гражданского управления. Также в это время постепенно угасало внимание правительства к Церкви в Беларуси. Например, если в 1864 г. на строительство и ремонт храмов края было выделено 450 000 рублей из казны, то в 1867 г. – только 275 000 [\[484\]](#).

В эти годы владыка все больше болел, поэтому очень редко сам совершал богослужения, никуда не выезжал. Его все больше занимали мысли о смерти. Ими были наполнены письма, которые святитель писал разным людям [\[485\]](#). Болезнь заставляла владыку все больше решать дела через своих vikariev и других помощников, но он не отходил от управления епархией и все держал под контролем, в чем ему помогало великолепное знание местных условий и людей. Страницы «Литовских епархиальных ведомостей» за эти годы наполнены сообщениями об освящении храмов, торжественных богослужениях, крестных ходах и проч. Внешне православная религиозная жизнь была благополучна, Церковь развивалась и Литовскому архипастырю приходилось заниматься обычной работой управления. Он замещал вакантные должности в штатах приходских храмов, утверждал, как и прежде, Журналы постановлений правления семинарии, следил за учебным процессом в духовных школах, распределял выделяемые правительством на епархиальные нужды денежные средства. В 1866 г. вышло высочайшее Повеление о назначении пенсий священникам, беспорочно прослужившим 35 лет. Со времени издания соответствующего правительственного Постановления [\[486\]](#), высокопреосвященный не стеснялся увольнять за штат

престарелых и неспособных изменить свои старые униатские привычки духовных. До этого, к соблазну многих, они оставались на своих местах. Епархиальное начальство не имело возможности обеспечить им достойную старость. Между тем они оказали Церкви огромную услугу добровольным присоединением к Православию в 1839 г.[\[487\]](#) Поэтому до 1866 г. их никто не трогал. Наконец, заслуживает внимание Распоряжение высокопреосвященного Иосифа о создании в каждом благочинии Литовской епархии церковных библиотек для членов причтов. На это он выделил средства из суммы 42 000 рублей, ежегодно перечисляемых правительством на нужды его епархии, а также обязал всех священно и церковно-служителей вносить ежегодно определенные суммы на закупку книг[\[488\]](#).

После подавления восстания широкое распространение в Беларуси и Литве получили переходы католиков, некогда имевших православных предков, в Православие. Присоединения нередко происходили целыми приходами или их частями. Главную роль в массовых обращениях в 1864-66 гг. играла не миссия православного духовенства, а инициатива местных властей – военных уездных начальников, жандармских и полицейских чинов, мировых посредников. Эту деятельность особенно поощрял генерал-губернатор Кауфман, который полагал, что принятие Православия неизбежно превращает поляка в русского патриота. За 1864 г. к Православию в Литовской епархии присоединилось 1620 человек[\[489\]](#); в 1865 – 4 254, в 1866 – 25 194[\[490\]](#). Всего же за период с 1865 по 1868 г. в Виленской, Гродненской и Минской губерниях число присоединившихся простерлось до 67 000[\[491\]](#). С одной стороны, это радовало митрополита Иосифа, но с другой, – он прекрасно видел, что эти присоединения часто не подготовлены должным образом обучением истинам православной веры и испытанием твердости желания. Зная особенности края, он опасался впоследствии волны обратного возвращения новоприсоединенных в латинство. Поэтому он очень осторожно относился к просьбам католиков о принятии их в Церковь, тщательно проверял обстоятельства, связанные с ними, и бдительно следил за строгим исполнением законности в этих делах[\[492\]](#).

Владыке были видны негативные тенденции, развивающиеся вокруг церковной жизни. Особенно его в это время беспокоило то, что некоторые из прибывших в Литву русских чиновников с пренебрежением относились к местному духовенству, обвиняли его в тайном униатстве, искажении уставов Православной Церкви. Бывали даже случаи их бесцеремонного вмешательства в церковные дела и недостойного поведения в воссоединенных храмах. Об этом митрополиту докладывали его викарии и благочинные[\[493\]](#). В Вильно появилась группа крайних русификаторов, которые требовали от властей крутых мер и обвиняли в симпатиях к полонизму даже М.Н. Муравьева и самого митрополита Иосифа. Все это было очень неприятно. В Отчете Синоду за 1865 г. архипастырь писал: «Преобразования простерлись даже дальше, чем того требовал С. Синод, предоставивший (в 1839 г. – А.Р.) воссоединенным держаться прежних порядков и обычаев, не противных догматам и существенным постановлениям православной церкви. Приложено было возможное старание к сближению литовской воссоединенной паствы с общим

типом православной церкви и по менее существенным и обычаям оной. В пример довольно привести одно принятие воссоединенным духовенством костюма, свойственного духовенству православному. Разумеется, желательно изменить еще многое в здешней стране, в видах однообразия с прочими русскими православными епархиями. Но нужно помнить, что привычки и обычаи, веками в массах народа вкоренившиеся, требуют для их изменения тоже векового разумного действия. Притом же, желательное к изменению не принадлежит к существенным законоположениям православной церкви. Подобные разности существовали и существуют и в других православных епархиях. Между тем, эти разности были в последнее время поводом прискорбного явления в нашей стране. Недавние печальные события в этой стране привели сюда русских деятелей из всех концов России. Естественно, каждый из них не нашел в сей, новой для них местности многого, что привык видеть на прежнем местожительстве, и нашел много такого, чего не видел прежде. Естественно, что из этого возникли разногласие и недоумения. Не имеющая никакой важности разность в церковной утвари или иконах, частная неисправность в богослужении и требоисправлении, местные обычаи в общежитии, иногда, какое-нибудь провинциальное выражение в языке были поводом для многих к обидным осуждениям и попрекам. Были и такие, что, вмещая православие в тесную раму порядков и обычаев той или другой губернии, бросали тем подозрение на православие здешних местностей. Естественно, что из сего возникали часто взаимные пререкания и обвинения в недоброжелательстве, которые нарушали иногда доброе согласие между православными местными деятелями и прибывшими вновь из великороссийских губерний. Это прискорбное явление, необходимое последствие переходного положения здешней страны, да не беспокоит Св. Правит. Синод. Я долгом счел упомянуть об этом только потому, что оно сделалось довольно гласным и произвело на многих невыгодное впечатление. В сущности же, оно не имеет излишне вредного влияния на успешный ход здешних дел в русском православном духе. Взаимные недоумения и предубеждения заметно изглаживаются от ближайшего соприкосновения и постепенного ознакомления недавно прибывших деятелей с местными обстоятельствами; большая же часть сих деятелей и до этого здраво смотрели на здешний край и, совокупно с местными русскими деятелями, ревностно подвизались на пользу русского православного дела в здешней стране и были виновниками отрадных явлений»[\[494\]](#).

В связи со всем этим владыка еще более осторожно стал решать вопросы ликвидации униатских обрядов и привычек в своей пастве. Например, на требование Кауфмана собрать для уничтожения в Вильно все еще имеющиеся в приходских церквях Литовской епархии статуи святых и латинские распятия, архипастырь распорядился поступать так, чтобы это не вызвало вредные слухи. Те из этих предметов, которые по своему характеру действительно принадлежат католической церкви, должны были негласно уничтожаться самими приходскими священниками. Что же касается сомнительных случаев, то их необходимо было решать их через консисторию[\[495\]](#). В результате множество оставшихся от времен

унии сакральных предметов (иконы, кресты, чаши и проч.) осталось в храмах. Их до сих пор можно найти в старинных церквях Гродненской и Новогрудской епархий.

В 1866 г. высокопреосвященный Иосиф по высочайшему повелению был награжден архиерейским посохом, украшенным драгоценными камнями[496]. Он продолжал трудиться и был в целом удовлетворен состоянием своей епархии. В 1867 г. владыка писал в Синод: «Все предвещает для Литовской паствы желанную для православной церкви и России будущность, если не помешают тому какие-либо, сохрани Господи, непредвиденные обстоятельства»[497].

Обстоятельства эти представились раньше, чем кто-либо мог ожидать. 2 марта 1868 г. Виленским генерал-губернатором был назначен А.Л. Потапов. По свидетельству М.О. Кояловича Потапов весьма цинично высказывал свои взгляды: «Поляки-помещики всегда дадут мне положение и значение в обществе и по службе; евреи – деньги, а местные православные попы ничего, кроме хлопот, мне не принесут»[498]. М.Н. Муравьевым так характеризовал деятельность нового генерал-губернатора: «Он принижал все российское и стремился добиться склонности поляков всеми возможными средствами»[499]. Так или иначе, но Потапов решительно изменил принципы управления Северо-Западным краем. Перспектива успешной русификации виделась ему не в религиозной, а в социальной сфере. Согласно подходу Потапова Российская империя была способна захватить территории своих соседей и удержать их по праву сильнейшего, но не способна ассимилировать их население. Потапов отвергал концепцию «большого русского народа», делая акцент на полиэтничность империи. Он говорил: «России нет; есть великорусы, малороссы, татары, мордва, литвины, поляки, но России нет, а есть только Русская держава... Я хочу,... чтобы Западный край был российским, а не русским... потому что никакие усилия не превратят поляков в русских»[500]. Одним из связующих звеньев разьединенных народов страны Потапов считал государственный русский язык, который старался распространить среди польского населения и навязать костелу. При нем польско-латинское общество вновь начало поднимать голову и громко жаловаться судьбу[501]. В результате после первых же нескольких месяцев его управления случилось то, чего опасался митрополит Иосиф: началось обратное движение в латинство новоприсоединенных. При этом Потапов лицемерно старался всю вину за это свалить на православное духовенство[502]. Перед утомленным болезнями архипастырем опять встала проблема противостояния местной гражданской власти. Это уже было выше его сил и летом 1868 г. владыка набросал вчерне новое Прощение об отставке, но почему-то не пустил его дальше[503]. Сильные переживания новых неблагоприятных обстоятельств окончательно подорвали здоровье высокопреосвященного. Он старался по мере сил трудиться дальше: просматривал текущие бумаги, принимал доклады, давал распоряжения, но сил у него осталось слишком мало.

23 ноября 1868 г., в субботу, в день памяти святого благоверного великого князя Александра Невского и святителя Митрофана Воронежского Иосиф Семашко, митрополит Литовский и Виленский отошел ко Господу, накануне

исповедовавшись и причастившись Святых Христовых Таин. Известие о кончине маститого архипастыря мгновенно облетело весь город и к архиерейскому дому толпами начали собираться люди. На следующий день тело высокопреосвященного было перенесено в крестовую церковь, а 25 ноября в кафедральный Свято-Никольский собор. Для участия в погребении архиерея-воссоединителя в Вильно прибыли его викарии: епископ Ковенский Иосиф, епископ Брестский Игнатий, а также сподвижник митрополита по воссоединению униатов, уже давно живший на покое, архиепископ Антоний Зубко, бывший Минский высокопреосвященный Михаил, член Синода архиепископ Харьковский Макарий и Минский преосвященный Александр. В день погребения владыки 29 ноября из Петербурга прибыл обер-прокурор Синода граф Д.А. Толстой. В течение семидневного пребывания останков святителя сначала в крестовой церкви архиерейского дома, а потом в соборе, постоянно совершались архиерейские служения и панихиды, а в остальное время над гробом читалось Евангелие. В течение всего этого времени собор постоянно, даже ночью, был наполнен молящимися. Торжественный обряд погребения совершился 29 ноября 1868 г. Тело архипастыря нашло покой в давно уготовленном им самим гробе под ракой с мощами святых Виленских мучеников – Антония, Иоанна и Евстафия[\[504\]](#).

Над гробом владыки было сказано много торжественных и теплых слов. Все без исключения проповедники говорили о заслугах митрополита Иосифа перед святой Церковью. Многие, кто имел честь быть его сподвижником или долгое время служил под его омофором, отмечали его великие дарования и умение ценить людей и проявлять о них заботу. Стоит отметить слова, сказанные 28 ноября протоиереем П. Левицким. Этот проповедник указал на параллели в деятельности усопшего Литовского митрополита и почившего за год до этого Московского святителя Филарета. По словам отца Левицкого: «Это были два столпа и светильника Православия, почти одновременно воздвигнутые Промыслом Божиим, – один, поставленный на Востоке православной Руси, чтобы удержать там, по преимуществу, веру Христову и проливать свет Христов, а другой на Западе ее, чтобы здесь возжечь угасающий светильник среди омраченного Запада и утвердить здесь ту же веру Христову»[\[505\]](#).

«Литовские епархиальные ведомости» писали о последнем прощании православных архипастырей, пастырей и верующих с телом почившего митрополита: «Не без удивления замечено всеми, что, несмотря на семидневное пребывание останков покойного под влиянием разнообразных температур – в теплых комнатах его покоев, в более прохладной домово́й его церкви и наконец в соборе, – тело его нисколько не подверглось влиянию разлагающей стихии: спокойных лик великого архипастыря изображал его как бы уснувшим. В массах людей, проходивших в последние дни поклониться усопшему, невольно вырывались восклицания о его нетленности...»[\[506\]](#).

Краткий обзор служения митрополита Иосифа открывает, что главным делом его жизни явилось возрождение Православия в западных губерниях Российской

империи. В исторической перспективе его деятельность преимущественно повлияла на этно-религиозную ситуацию в пределах территории современной Беларуси и белорусский народ. Церковное служение архиеерея-воссоединителя можно разделить на два периода. До конца 1827 г. он искренне пытался способствовать сохранению греко-католической церкви, полагая, что она может быть духовным фундаментом жизни белорусов. С конца 1827 г., когда он окончательно разочаровался в католицизме и убедился во вредности унии для народа Западной Руси, все его усилия были направлены на разрыв союза с Римом и преодоление внешних и внутренних последствий его длительного влияния. Воссоединение униатов и последующее утверждение Православия оказались успешными. Это подтвердили события 1863-64 гг. Воссоединенные не захотели возвращаться к униатской старине, к чему их призывали революционеры. Об этом свидетельствуют и данные о переходе людей из Церкви в костел в начале XX в. Всего после манифеста о веротерпимости, который был издан 17 апреля 1905 г., Православие оставили от 170 000 до 211 566 человек^[507], что для обстановки тех смутных для Русской Церкви лет очень немного. О катастрофическом исходе, серьезно повлиявшем на конфессиональную ситуацию, сделать вывод нельзя. К тому же, тогда речь не шла о восстановлении унии. Ее идею народ отвергал. Ее он отверг и в межвоенный период на «кресах восточных» второй Речи Посполитой и в суверенной Республике Беларусь. Всего с 1996 по 2009 г. в Беларуси появилось 14 униатских церковных общин, которые в основном составляют немногочисленные представители либеральной интеллигенции, но не широкие массы верующих^[508]. Главными принципами деятельности митрополита Иосифа были постепенность и осторожность преобразований. В немалой степени они стали причиной того, что и духовенство и простой народ спокойно восприняли воссоединение и в дальнейшем укрепились в православной вере. В целом значение ликвидации унии заключается в прекращении католического влияния и подрыве позиций полонизма. После Полоцкого собора Православие постепенно вернулось в религиозное самосознание и стало духовным фундаментом жизни белорусов. Это объединило их существенным образом повлияло на их дальнейшее развитие. Очерк жизни и служения Литовского митрополита показывает его очень большое место в этом процессе.

О том, какую память о себе в белорусском православном духовенстве оставил митрополит Иосиф Семашко, какое понимание сути его церковной деятельности было среди его подчиненных, свидетельствуют стихи, написанные священником Иоанном Чернекевичем в память о почившем иерархе. Опубликованные вскоре после кончины владыки, они не слишком искусны, несут на себе печать семинарских уроков поэтики. Тем не менее, они, вне всякого сомнения, являются лучшей эпитафией над гробом архиеерея-воссоединителя:

И так достойнейший, Литовский наш
Святитель,
Добрейший пастырь наш, добрейший наш

Отец!
Языка нашего и Веры воскреситель,
Оставил ты нас всех – и агнцев и овец!

Жалеем мы тебя, жалеем все не мало;
Ты был еще не стар, и духом ты был бодр,
И неожиданно для нас тебя не стало, –
И рано скрыл от нас тебя гробовый одр!...

Как вспомним старое – отцов быт униатский, –
Кровавые труды, их бедность и позор, –
Панов – коляторов и их ксендзов дух адский,
Смущается от них еще теперь наш взор!

И где же это все? В другой мы свет попали!...
Теперь нам хорошо – того не можем скрыть, –
Все эти господа для нас другими стали,
Когож, как не тебя, за то благодарить?

Бывало польский ксендз для нас ума палата!
Им удивлялись мы, как вещи неземной!
Теперь ученость вся плебана и прелата
Для нас не более – один пузырь мыльной.

Чья-ж добрая рука для нас глаза открыла?
Кто указал нам путь к источникам ума?
Твоя, Отец наш, все рука нам сотворила,
Что знаем, где есть свет и где гнездится тьма!

Как недавно еще, по простоте сердечной
С уверением детей твердили нам отцы,
Что Православные блаженной жизни вечной
Не узрят; – что они по вере все слепцы.

Но ты дал испытать Писания им в руки;
Глаголы вечного открыл им живота,
И вот узнали свет они, сыны их, внуки,
И папская, как дым, развеялась мечта!

А наш простой народ, а наши земледельцы?
Их вера – навык, так; но навык их отцов:
И этот навык их священный, их владельцы
Задумали уже привести к концу концов!

Но Бог смиренным вняв мольбам твоим,
Святитель!

Врага и местника разрушил злобный ков,
И Александр Второй – России Повелитель –
Избавил сей народ от крепостных оков!

И рушилась ксендзов последняя опора!
И православный люд, припомнив старый лад,
Свободный от угроз и всякого позора,
Идет к своим церквам – с охотою назад!

На языке родном одна молитва льется
Их сердца каждого к Владыке горних сил;
И радостью у всех Литовцев сердце бьется,
И эту радость ты, Владыка, ощутил!

Но здесь, как некогда Моисей богоизбранный,
Понесши на себе всю тяжесть и труды,
Взглянувши на конец от них тобой желанный,
Ты предоставил нам вкушать уж их плоды!

И сбудутся твои сердечные желанья!
И нам, мы веруем, Навина Бог пошлет;
И кончатся для нас насмешки и страданья
И будет Русским вновь – Литовский весь
народ!

И даже там – вдали держимый в заблужденьи
Приникнет в чудное явление униат;
И голову свою приклонит в умиленьи
И бросит папскую и веру и наряд!

И порванная Русь опять соединится;
Замолкнет воющий бесчувственный орган;
И будем снова все без трескотни молиться,
Как прежде, органом, какой нам Богом дан!...

И помянут тебя по нас все наши роды,
Какой ты пастырь был, какой для нас Отец,
Какие до тебя терпели мы невзгоды,
И кто им положил спасительный конец!

И задрожат у них от радости все нервы,
Когда воспоминать начнут твои дела;
И имя славное твое, Иосиф, первый
Митрополит Литвы, – им будет похвала[\[509\]](#).

- [1] Это носило закономерный характер. «Великое Княжество Литовское, – пишет современный исследователь истории Литвы Э. Гудавичюс, – было государством языческого народа, управляемого государями-язычниками, а русско-византийская культура – всего лишь цивилизационный феномен его вассальных провинций» (Гудавичюс Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года. – М.: Фонд имени И.Д. Сытина BALTRUS, 2005. – 679 с. С. 192). Литовские князья не хотели и боялись растворения своего народа в значительно большем численностью и более культурно развитом русском населении. Распространение Православия несло для аукштайтов и жемайтов именно такую опасность. Поэтому по мере появления и становления собственно литовского сословного общества, его верхушка все более склонялась к католицизму. Вместе с внутри- и внешне- политическими факторами это обусловило крещение литовцев в католицизм в 1387 г. После этого государственное давление на Православие и миссия римской церкви в исконно русских землях и стали неизбежными.
- [2] Marian Radwan. Carat wobec kosciola greckokatolickiego w zaborze Rosyjskim 1796 – 1839. Roma-Lublin. Polski instytut kultury chrzescijanskiej, 2001. - 504 s.1, s. 21.
- [3] Філатава А.М. Хрысціянскія канфесіі пасля далучэння Беларусі да Расійскай імперыі (1772-1860) // Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст.) /В.В.Грыгор’ева, У.М.Завальнюк, У.І.Навіцкі. -Мн.: ВП “Экаперспектыва”, 1998. – 340 с., С.5.
- [4] Unia Brzeska (r. 1596) opowiedziana przez X. Biskupa Edwarda Likowskiego, sufragana poznańskiego. –Poznan, 1896. – 424 s. s. 7-8.
- [5] Марозава, С.В. Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596-1839 гады) / С.В.Марозава; Пад навук. рэд. У.М.Конана. – Гродна, Гр.ДУ, 2001. – 352 с. С. 84.
- [6] Карскі Я. Беларусы / Я. Карскі; Уклад. і камент. С.Гараніна і Л.Ляўшун; Навук. рэд. А.Мальдзіс; Прадм. Я.Янушкевіча і К.Цвіркі. – Мн.: “Беларускі кнігаабзор”, 2001. – 640 с. {8}с іл. С. 105.
- [7] Там же, с. 104.
- [8] Marian Radwan. Carat wobec kosciola greckokatolickiego... s. 23.
- [9] В 1794 – 95 гг., после разрешения Екатериной II униатам свободно переходить в Православие униатскую церковь оставили от 1572000 (Смолич, И.К. История Русской Церкви 1700 – 1917 / И.К. Смолич. – Ч. 2. – М.: Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. – 799 с. с. 331) до 2000000 человек (Доброклонский, А.П. Руководство по истории Русской Церкви / А.П. Доброклонский. – М.: Крутицкое Патриаршее подворье, общество любителей Церковной истории, 1999. – 935 с. с. 652). (П.Д. Брянцев утверждает, что в Православие при Екатерине перешло 3 000 000 человек (Брянцев, П.Д. История Литовского государства с древнейших времен / П.Д. Брянцев. – Вильна: тип. А.С.Сыркина, 1889. – 659 с. с. 584; ср. Уния и униатская церковь в пределах Польши и России // Энциклопедический словарь / Изд-ли Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. – СПб.: тип. Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1902. – Т. XXXIVa, Углерод – Усилие. – с. 821 – 833. с. 828. Здесь приводятся несколько иные данные: к концу царствования Екатерины II присоединившихся к Православию было до 2 000 000 чел.)). Результаты поражения унии в конце XVIII ст. были впечатляющими. Православному духовенству и императрице Екатерине, несмотря на многие затруднения, полная ликвидация унии в России казалась уже делом достаточно близким. В этих видах русское правительство пересмотрело административно-территориальное деление соединенной церкви, оставив в ней только одну епархию – Полоцкую. Возглавляемая архиепископом И.Лисовским, эта епархия простиралась от Киева до Каменец-Подольска на Юге и по Гродно, Курляндию, Вильно и Полоцк на Севере. Она включала в себя от 2500000 (Marian Radwan. Carat wobec kosciola greckokatolickiego w zaborze Rosyjskim 1796 – 1839. Roma-Lublin. Polski instytut kultury chrzescijanskiej, 2001. - 504 s. s. 34) до 3000000 (Бобровский, П.И. Подготовка реформ в русской греко-униатской церкви (1803 – 1827 гг. Ответ профессору М. Кояловичу) / П.И. Бобровский. – СПб.: тип. Ф.Елеонского и Ко, 1889. – 44 с. с. 5)

верующих. Торжество Православия над унией заставило встревожиться и обратиться к активным действиям польских панов и католическое духовенство. После смерти в 1796 г. Екатерины II они, пользуясь непоследовательностью политики Петербурга в Западных областях империи, развернули мощную кампанию по переводу униатов в чистое латинство. Точные цифры неизвестны, но, сопоставляя приведенную выше численность униатов в епархии И.Лисовского с официальным количеством последователей унии к 1807 г., составлявших примерно 1500000 человек, можно сделать вывод, что в 1796 – 1805 гг. русская уния в пользу польского костела потеряла от 1000000 до 1500000 верующих. Эрозия унии в пользу латинства продолжалась и далее. По косвенным подсчетам П.О.Бобровского с 1805 по 1828 г. уния лишилась еще не менее 200000 пасомых (Бобровский, П.О. Русская Греко-Униатская церковь в царствование императора Александра I. Историческое исследование по архивным документам П.О. Бобровского. С приложением алфавитных указателей имен и предметов / П.О. Бобровский. – СПб.: тип. В.С.Балашева, 1890. – 394 с. с. 163-164). В итоге можно сделать вывод – соединенная церковь на рубеже XVIII и XIX вв. представляла собой беспомощное тело, от которого с одной стороны отрывал куски Двуглавый орел, а с другой Белый. Причем миссионерские победы над унией и того и другого в порядке цифр, в принципе, сопоставимы.

- [10] Marian Radwan. Carat wobec kosciola greckokatolickiego... s. 68.
- [11] Marian Radwan. Carat wobec kosciola greckokatolickiego ... s. 70.
- [12] Marian Radwan. Carat wobec kosciola greckokatolickiego... s. 76.
- [13] Marian Radwan. Carat wobec kosciola greckokatolickiego... s. 29, 72.
- [14] Бобровский, П.О. Русская Греко-Униатская церковь в царствование императора Александра I. Историческое исследование по архивным документам П.О. Бобровского. С приложением алфавитных указателей имен и предметов / П.О. Бобровский. – СПб.: тип. В.С.Балашева, 1890. – 394 с. С. 163-164.
- [15] Бобровский, П.О. Русская Греко-Униатская церковь в царствование императора Александра I. Историческое исследование по архивным документам... С. 359.
- [16] ЗИМЛ. Т. I, С. 1.
- [17] ЗИМЛ. Т. I, С. 2.
- [18] ЗИМЛ. Т. I, С. 445.
- [19] ЗИМЛ. Т. I, С. 440.
- [20] Толстой Д.А. Очерк служения митрополита Литовского Иосифа, скончавшегося в 1868 году. (Извлечение из отчета г. обер-прокурора Святейшего Синода графа Д.А.Толстого за 1868 год) // Христианское чтение, издаваемое при Санктпетербургской Духовной Академии. Ч. 2. СПб.: тип. Департамента Уделов. 1869, - 1170 с. С. 1076.
- [21] Анатолий Евг. Е – в. Иосиф Семашко митрополит Литовский и Виленский. † 1868. Очерк. Сообщил Анатолий Евгеньевич Егоров. // Русская старина. – 1882. – Т. XXXVI. С. 335-342. С. 335.
- [22] Киприанович, Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западно-русских униатов с православною церковию в 1839 г. / Г.Я. Киприанович. – изд. 2-е испр. и доп. – Вильна: тип. И.Блюмовича, 1897. – 613 с.: 3 вкл. л. портр. С. 549-550.
- [23] ЗИМЛ. Т. I, С. 442.
- [24] ЗИМЛ. Т. I, С. 556.
- [25] Дылевский, Е.В. Иосиф (Семашко), митрополит Литовский и Виленский, член Святейшего Синода. С портретом митрополита / Е.В. Дылевский. – СПб.: тип. журн. «Странник», 1869. – 148 с. с. 4.
- [26] Киприанович, Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С. 2.
- [27] ЗИМЛ. Т. I, С. 3.
- [28] ЗИМЛ. Т. I, С. 5.
- [29] ЗИМЛ. Т. I, С. 438.
- [30] Киприанович, Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С. 6.
- [31] Анатолий Евг. Е – в. Иосиф Семашко митрополит Литовский и Виленский...С. 335-336.
- [32] Киприанович, Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки...С. 6.
- [33] ЗИМЛ. Т. I, С. 438.
- [34] ЗИМЛ. Т. I, С. 438.
- [35] ЗИМЛ. Т. I, С. 2-3.
- [36] ЗИМЛ. Т. I, С. 2.
- [37] Киприанович, Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки...С. 8-9.
- [38] ЗИМЛ. Т. I, С. 9.
- [39] ЗИМЛ. Т. I, С. 11.
- [40] ЗИМЛ. Т. I, С. 438.

- [41] ЗИМЛ. Т. I, С. 10.
- [42] Киприанович, Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С. 8-9; 14.
- [43] Антоний (Зубко), архиеп. О Греко-Униатской Церкви в Западном крае России // Сборник статей изданных Св.Синодом по поводу 50-летия воссоединения с Православной Церковью западно-русских униатов. СПб., 1889. С. 38 – 76. С. 46 – 47.
- [44] Aleksander Bruckner. Dzieje kultury polskiej. T. 4. Dzieje Polski rozbiorowej 1795 (1772) – 1914. – Krarow – Warszawa: Wydawnictwo F. Pieczattkowski i ska., 1946. - 639 s. / Reprint. – Warszawa: Wiedza Powszechna, 1991. s. 299 – 301.
- [45] Жукович П. Об основании и устройстве главной духовной семинарии при Виленском университете (1803 – 1832 гг.) // Христианское чтение. Январь-февраль, 1887. – СПб.: тип. Ф. Елконского и К. С. 237-286. С. 278.
- [46] Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки...С. 15-16.
- [47] ЗИМЛ. Т. I, С. 16.
- [48] Антоний (Зубко), архиеп. О Греко-Униатской Церкви в Западном крае России... С. 47.
- [49] Цит. по Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки...С. 16.
- [50] ЗИМЛ. Т. I, С. 16.
- [51] Антоний (Зубко), архиеп. О Греко-Униатской Церкви в Западном крае России... С. 46.
- [52] ЗИМЛ. Т. I, С. 16.
- [53] Записки архимандрита Владимира Терлецкого, бывшего греко-униатского миссионера 1808 – 1858 гг., сообщил Лопатинский // Русская старина. 1889, т. LXIII, июль. С. 1-26. С. 13.
- [54] ЗИМЛ. Т. I, С. 17; ср. Антоний (Зубко), архиеп. О Греко-Униатской Церкви в Западном крае России... С. 47-48.
- [55] Антоний (Зубко), архиеп. О Греко-Униатской Церкви в Западном крае России... С. 47.
- [56] Антоний (Зубко), архиеп. О Греко-Униатской Церкви в Западном крае России... С. 45.
- [57] Цит. по Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С. 14.
- [58] ЗИМЛ. Т. I, С. 17.
- [59] Жукович П. Об основании и устройстве главной духовной семинарии... С. 280.
- [60] ЗИМЛ. Т. I, С. 393.
- [61] ЗИМЛ. Т. I, с. 19-20; Антоний (Зубко), архиеп. О Греко-Униатской Церкви в Западном крае России...С. 47-48, 49.
- [62] Жукович П. Об основании и устройстве главной духовной семинарии... С. 255; Шавельский Г. Последнее воссоединение с православной церковью униатов Белорусской епархии (1833 – 1839 гг.). Спб.: тип. «Сельск. Вестн.», 1910. – 380 с.С. 51-52.
- [63] Противодействие базилианского ордена стремлению белого духовенства к реформам Русской Греко-Униатской Церкви // Литовские пархиальные ведомости, – 1888. – № 49. С. 423.
- [64] Жукович П. Об основании и устройстве главной духовной семинарии... С. 272.
- [65] Лушпай В.Б. Антипапская пропаганда белорусских иезуитов во второй половине XVIII века // Вопросы истории. №8, 2001. С. 124-133. С. 124-133.
- [66] Морощкин М., священник. Иезуиты в России, от царствования Екатерины II-й и до нашего времени. Ч. 1-2, - СПб.: тип. Второго отделения Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1867 – 1870. Ч. 1. – 528 с. Ч. 2. – 501 с. Ч. 2. Обнимающая историю иезуитов в царствование Александра I-го. С. 64.
- [67] Довнар-Запольский М.В. История Белоруссии / М.В. Довнар-Запольский. – Мн.: Беларусь, 2003. – 680 с. С. 292.
- [68] Орловский Е. Судьбы Православия в связи с историей латинства и унии в Гродненской губернии в XIX столетии (1794 – 1900). Составил Е. Орловский, преподаватель Гродненской гимназии. – Гродно: губернская типография, 1903. - 603 с. С. 32.
- [69] Василий (Лужинский), архиеп. Записки Василия Лужинского, архиепископа полоцкого и витебского, члена святейшего правительствующего Всероссийского синода о начале и ходе окончательно совершившегося дела воссоединения греко-униатской церкви в Белоруссии и Волыни с православною российской церковью, написанные в конце тысяча восемьсот шестьдесят шестого года. – Казань: Казан. Духовн. Акад., 1885. – 312 с. с. 47; Т. I, С. 12.
- [70] Антоний (Зубко), архиеп. О Греко-Униатской Церкви в Западном крае России... С. 49.
- [71] Янковский П. Записки сельского священника – Мн.: Свято-Петро-Павловский собор, 2004. – 380 с.: илл. с. 301 – 302.
- [72] Антоний (Зубко), архиеп. О Греко-Униатской Церкви в Западном крае России...С. 46-48.
- [73] Например, Извеков Н.Д., священник. Высокопреосвященный Иосиф (Семашко) митрополит литовский и виленский. – Вильна: тип. Сыркина, 1889. – 235 с. С. 17.
- [74] Антоний (Зубко), архиеп. О Греко-Униатской Церкви в Западном крае России... С. 48.
- [75] Антоний (Зубко), архиеп. О Греко-Униатской Церкви в Западном крае России...С. 48.
- [76] ЗИМЛ. Т. I, С. 438.

- [77] ЗИМЛ. Т. I, С. 429-437.
- [78] ЗИМЛ. Т. I, С. 20.
- [79] ЗИМЛ. Т. I, С. 22.
- [80] Помимо митрополита Иосафата Булгака и архиепископа Иоанна Красовского в это время в России были еще следующие униатские епископы: Иаков Мартусевич, Адриан Головня, Лев Яворский и Кирилл Сороцинский (дядя Иосифа Семашко по матери). Все они вышли из базилианского ордена, получили образование в различных иезуитских учебных заведениях и были приверженцами латинства. Находясь под русской властью, эти иерархи не могли согласно своим убеждениям безоговорочно поддерживать колонизацию и латинизацию унии. В то же время они пользовались всяким удобным случаем, чтобы «переменить фронт» (M.Radwan. *Carat wobec kosciola greckokatolickiego...* s. 38) и поспособствовать базилианам и польскому духовенству. В первую очередь это выражалось в молчаливой поддержке и покровительстве латинского прозелитизма среди своих пасомых.
- [81] ЗИМЛ. Т. I, С. 27, 287-302.
- [82] ЗИМЛ. Т. I, С. 28-29, 302-307.
- [83] Коялович, М.О. Опочившем митрополите литовском Иосифе / М.О. Коялович. – СПб.: тип. Деп. Уделов, 1869. – 54 с. С. 8.
- [84] ЗИМЛ. Т. I, С. 20-21.
- [85] ЗИМЛ. Т. I, С. 21.
- [86] ЗИМЛ. Т. I, С. 30.
- [87] ЗИМЛ. Т. I, С. 396.
- [88] Коялович, М.О. О почившем митрополите Иосифе. – СПб.: тип. Деп. Уделов, 1869. – 54 с., С. 17.
- [89] Смолич, И.К. История Русской Церкви 1700–1917 / И.К. Смолич. – Ч.2. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского мон-ря, 1997. – 799 с. С. 335.
- [90] Труайя, А. Николай I / А. Труайя. – М.: Изд-во Эксмо, 2002. – 224 с. С. 99
- [91] Коялович, М.О. Опочившем митрополите Иосифе... С. 13-14
- [92] Толстой, Д.А. Иосиф, митрополит литовский и воссоединение униатов с православной церковью в 1839 г. / Д.А. Толстой. – СПб.: Печатня В.Головина, 1869. – 71 с. С. 19.
- [93] ЗИМЛ. Т. I, С. 556
- [94] Коялович, М.О. Опочившем митрополите Иосифе... С. 14.
- [95] Александр Семенович Шишков в 1824 – 1828 гг. Воспоминания О.А.Пржецлавского // Русская старина. – Т. XIII. 1875. С. 388.
- [96] Коялович, М.О. О почившем митрополите Иосифе... С. 15.
- [97] Коялович, М.О. Лекции по истории Западной России. – М.: тип. Бахметьева, 1864. – 394 с. С. 384.
- [98] Коялович, М.О. Лекции по истории Западной России... С. 384.
- [99] Коялович, М.О. О почившем митрополите Иосифе... С. 15.
- [100] ЗИМЛ. Т. I, С. 60.
- [101] Акты издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею. Т. XVI. Документы, относящиеся к истории церковной унии в России. – Вильна: тип. А.Г.Сыркина, 1889. – 704 с. С. 113-115.
- [102] ЗИМЛ. Т. I, С. 61-62.
- [103] Акты издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею. Т. XVI. Документы, относящиеся к истории церковной унии в России. – Вильна: тип. А.Г.Сыркина, 1889. – 704 с. С. 115.
- [104] ЗИМЛ. Т. I, С. 485-486.
- [105] ЗИМЛ. Т. I, С. 60.
- [106] ЗИМЛ. Т. I, С. 65.
- [107] Цит. по Киприанович, Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С. 69.
- [108] Следует отметить, что общей чертой греко-католической иерархии была бездеятельность. П.О. Бобровский прямо говорит, что униатские епископы вообще «относились равнодушно, безучастно к самым вопиющим нуждам своей церкви» (Бобровский, П.О. Русская Греко-Униатская церковь в царствование императора Александра I. Историческое исследование по архивным документам П.О. Бобровского. С приложением алфавитных указателей имен и предметов / П.О. Бобровский. – СПб.: тип. В.С. Балашева, 1890. – 394 с. с. 78]. В частности, по свидетельству владыки Иосифа митрополит И. Булгак «делами никогда не занимался» [ЗИМЛ. Т. I, с. 53]. Сверх того, это были люди, ценившие доброе отношение к ним со стороны власти и поэтому неготовые противостоять правительственному нажиму. Например, митрополит И. Булгак был перед правительством «уступчив, даже гибок и угодлив... любил щеголять и красоваться своими верноподданническими чувствами» (Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западно-русских униатов с православною церковью в 1839 г. Изд. 2-е испр. и доп. – Вильна: тип. И.Блюмовича, 1897. – 613 с.: 3 вкл. л. портр. с. 72). Показательна реакция еп. Л. Яворского на попытки Семашко склонить его к деятельности в пользу воссоединения с Православием в 1833 г. Этот преосвященный ответил просто: «Дайте мне спокойно умереть, а после моей смерти делайте, что хотите» (Киприанович

Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западно-русских униатов с православною церковью в 1839 г. Изд. 2-е испр. и доп. – Вильна: тип. И.Блюмовича, 1897. – 613 с.: 3 вкл. л. портр. с. 89). Приблизительно то же самое говорил и митрополит И. Булгак (Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западно-русских униатов с православною церковью в 1839 г. Изд. 2-е испр. и доп. – Вильна: тип. И.Блюмовича, 1897. – 613 с.: 3 вкл. л. портр. С. 153). Исключение здесь составлял только управляющий Белорусской епархией епископ И. Мартусевич, который был готов на словах даже мученически пострадать за католическую веру (ЗИМЛ. Т. I, С. 577; Василий (Лужинский). Записки Василия Лужинского, архиепископа полоцкого и витебского, члена святейшего правительствующего Всероссийского синода о начале и ходе окончательно совершившегося дела воссоединения греко-униатской церкви в Белоруссии и Волыни с православною российской церковью, написанные в конце тысяча восемьсот шестьдесят шестого года. – Казань: Казан. Духовная акад., 1885. – 312 с. С. 59). Однако вся его деятельность по противодействию воссоединению свелась к распространению слухов и сплетен, а также местечковым интригам в пределах города Полоцка (ЗИМЛ. Т. I, С. 577 – 578).

[109] Крачковский Ю.Ф. Пятидесятилетие воссоединения западнорусских униатов с православною церковью (1839 – 1889) . – Вильна: изд. на средства Вилен. учеб. окр., 1889. – 130 с. С. 79-80.

[110] Коялович, М.О. О почившем митрополите Иосифе / М.О. Коялович. – СПб.: тип. Деп. Уделов, 1869. – 54 с., С. 19-21.

[111] Коялович, М.О. О почившем митрополите Иосифе...С. 21.

[112] ЗИМЛ. Т. I, С. 510-519.

[113] ЗИМЛ. Т. I, С. 516.

[114] Коялович, М.О. О почившем митрополите Иосифе... С 26.

[115] ЗИМЛ. Т. I, С. 519.

[116] ЗИМЛ. Т. I, С. 66.

[117] ЗИМЛ. Т. I, с. 65-66.

[118] ЗИМЛ. Т. I, с. 579.

[119] ЗИМЛ. Т. I, с. 71.

[120] Носко М. Униатская церковь в начале XIX века и подготовка к воссоединению с Православием: Дисс...канд. Богословия: 2000 / М. Носко. – Московский Патриархат, Белорусская Православная Церковь, Минская Духовная Академия им. Свт. Кирилла Туровского, каф. Церковной Истории. Жировичи, 2000. – 158 с. С. 71-72.

[121] Толстой Д.А. Иосиф, митрополит Литовский и Виленский... С. 34.

[122] ЗИМЛ. Т. I, С. 71.

[123] Антоний (Зубко), архиеп. О Греко-Униатской Церкви в Западном крае России... С. 55.

[124] Униатское дело прямо затрагивало не только область «идеологической» борьбы полонизма с русским влиянием в Литве, но и экономические интересы польских помещиков в крае. Ведь униаты за малым исключением были их крепостными крестьянами. Сближение унии с Русским Православием, не говоря уже об ее ликвидации, вырывало из рук польских землевладельцев дополнительный рычаг эксплуатации белорусских крестьян.

[125] ЗИМЛ. Т. I, С. 599.

[126] Толстой Д.А. Иосиф, митрополит литовский и воссоединение униатов с православной церковью в 1839 г. – СПб.: Печатня В.Головина, 1869. – 71 с. С. 35; Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С. 80.

[127] Хлебцевич, И.А. Иосафат Жарский провинциал Литовских базилианских монастырей, впоследствии епископ Пинский / И.А. Хлебцевич. – Гродно: типо-литография С.Лапин, 1897. –93 с. С. 39-41.

[128] ЗИМЛ. Т. I, С. 73.

[129] ЗИМЛ. Т. I, С. 596.

[130] ЗИМЛ. Т. I, С. 597-598.

[131] ЗИМЛ. Т. I, С. 600.

[132] ЗИМЛ. Т. I, С. 600.

[133] ЗИМЛ. Т. I, С. 601.

[134] ЗИМЛ. Т. I, С. 602.

[135] Епископы А. Головня и К. Сероцинский умерли в 1831 г. Л. Яворский, живший на покое в силу преклонного возраста, скончался в 1833 г.

[136] Деятельность Жарского, проходившая под высоким покровительством Новосильцева не имела успеха. Дело в том, что его отчет об обозрении³⁷ монастырей показал, что в только в 12 из них кое-как

соблюдались обряды Восточной церкви. Причем Жарский применял следующие формулировки: «Обряды Восточной церкви некоторым образом соблюдаются» [РГИА. Ф.824. оп. 2. д. 213 «Обозрение важнейших Базилианских монастырей произведенное по Высочайшему повелению членом Коллегии Греко-унитской Архимандритом Иосафатом Жарским», л. 25-26]; «Не соблюдаются» [л. 14]; «Мало соблюдаются» [л. 5]. В остальных Жарский нашел, что богослужение совершалось по латинскому чину. Мало того, в большинстве монастырей число монахов из латинян продолжало оставаться неестественно большим, а иногда превышало количество иноков, вышедших из униатского обряда. Например, в Витебском монастыре из 11 монахов 6 были латинянами [РГИА. Ф.824. оп. 2. д. 213 «Обозрение важнейших Базилианских монастырей произведенное по Высочайшему повелению членом Коллегии Греко-унитской Архимандритом Иосафатом Жарским», л. 2]; в Березвечском из 9 иноков римскому обряду принадлежали 4 [л. 4]; в Борунском из 11 таковых насчитывалось 7 [л. 5]; в Виленском из 14 – 9 [л. 7] и т.д. Отсюда становилось понятным, кто заинтересован в реализации плана архимандрита И. Жарского и каковы его цели. Проект русификации унии, в котором главную роль должны были играть ненавидящие все русское и православное базилиане, явно вел к возвращению унии к прежним тенденциям латинизации и полонизации. Неудивительно после этого, что Блудов сопроводил предложения Жарского следующим резюме: «Жарский может быть и искренно желал бы подчинения Св. Синоду, но желает всего больше поддержать, какими бы то ни было средствами, клонящийся к упадку орден базилианов и свою прежнюю в нем значительность, а те, из коих оный составлен, люди вышедшие большею частию из латинского обряда и внесшие в орден все предрассудки и предубеждения западной церкви против православной, ее уставов и обрядов, с своей стороны желают и требуют утверждения унии и всех прежних связей с католицизмом. Поручение ордена покровительству Св. Синода на таких условиях, как домогаются сии члены ордена и представитель их архимандрит Жарский, и невозможно по правилам нашей церкви и, как я смею думать, не только не будет полезно, но напротив отдалит благодетельную эпоху возвращения отпадших чад православия в лоно оно и

даже упрочит существование унии» [Коялович, М.О. О почившем митрополите Иосифе... С. 27-28].

[137] Коялович М.О. О почившем митрополите Иосифе... С. 33.

[138] Zbigniew Dobrzynsky. Prawoslawni i grekokatolicy w dawnej Polsce. – Warszawa: Warszawska Metropolia Prawoslawna, 1992, cz.II, s.63.

[139] РГИА в Петербурге. Ф. 1661. оп. 1. д. 418. О происхождении и нынешнем состоянии Унии в России. л. 22.

[140] ЗИМЛ. Т. I, С. 668.

[141] 13 января 1834 г. Николай I отдал приказ обер-прокурору Св. Синода совместно с министром внутренних дел Д.Н. Блудовым составить секретную инструкцию православным епископам и генерал-губернаторам западных губерний для осторожного действия в деле присоединения униатов. Министр внутренних дел в свою очередь должен был вместе с митрополитом И. Булгаком разработать меры по искоренению католических нововведений в униатской церкви. Исполняя распоряжения императора, обер-прокурор Св. Синода С.Д. Нечаев на совещании с митрополитом Петербургским Серафимом Георгиевским и свт. Филаретом Московским решили вначале узнать мнения архиереев западных губерний. (Чистович, И. Пятидесятилетие (1839–1889) воссоединения с православной церковью западно-русских униатов. Обзор событий воссоединения в царствование императора Николая I / И.

Чистович. – СПб., 1889. – 64 с. с. 20-21). 31 марта 1834 г. святитель Филарет составил проект инструкции, который был разослан для рассмотрения правящим архиереям Волынской, Подольской, Могилевской, Минской и Полоцкой епархий. Каждый из них одобрил предложения, содержащиеся в инструкции, и высказал свои замечания. Епископ Полоцкий Смарагд предлагал в воссоединенных униатских церквях оставлять некоторые латинские обычаи, например, пение «Святый Боже...» с коленопреклонением, но считал невозможным допустить бритье бород, так как этим самым «православные лишались одного из убедительнейших аргументов своей истинности», потому что внешний вид священников должен быть подобным на вид Спасителя и апостолов. Вместе с тем Смарагд настаивал на продолжении частных присоединений. Епископ Могилевский Гавриил предложил разрешить женам униатских священников оставаться в католичестве. Епископы Смарагд и Гавриил высказывались за подчинение Униатской Церкви Св. Синоду (Шавельский, Г. Последнее воссоединение с православною церковью униатов Белорусской епархии (1833–1839 гг.) / Г. Шавельский. – СПб.: тип. «Сельского вестника», 1910. – 380 с. с. 170-171). На основании предварительного обсуждения, с учетом замечаний архиереев, был составлен окончательный вариант инструкции под заглавием: «Мысли и советы для православных архиереев, которых паствы сопредельны с разномыслящими в вере и уклонившимся от Православия». (Чистович, И. Пятидесятилетие (1839–1889) воссоединения с православной церковью западно-русских униатов. Обзор событий воссоединения в царствование императора Николая I / И. Чистович. – СПб., 1889. – 64 с. с. 21). В этом документе рекомендовалось миролюбивое отношение к католикам и униатам, а в случае противоборства с их стороны действием православного духовенства, архиереи, не вступая ни в какие пререкания, должны сообщать о случившемся обер-прокурору Св. Синода. С присоединениями униатов к Православию было рекомендовано не торопиться. Особо желательными считались переходы священников в месте со своими прихожанами. В новоприсоединенных приходах разрешалось оставлять некоторые особенности униатского обряда: униатская священническая одежда и бритье бород. (Шабатин, И. Из истории воссоединения белорусских униатов / И. Шабатин // Журнал Московской Патриархии. – 1951. – № 10. – С. 47-54. с. 52; Носко, М. Униатская церковь в начале XIX века и подготовка к воссоединению с Православием: Дисс... канд. Богословия: 2000 / М. Носко. – Московский Патриархат, Белорусская Православная Церковь, Минская Духовная Академия им. Свт. Кирилла Туровского, каф. Церковной Истории. Жировичи, 2000. – 158 с. с. 81-86; ср. Смолич, И.К. История Русской Церкви 1700 – 1917 / И.К. Смолич. – Ч. 2. – М.: Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. – 799 с. с. 337-338).

[142] РГИА в Петербурге. Ф. 1661. оп. 1. д. 418. л. 22.

[143] ЗИМЛ. Т. I, С. 83.

[144] ЗИМЛ. Т. I, С. 710-712.

[145] ЗИМЛ. Т. I, С. 83-84.

[146] ЗИМЛ. Т. I, С. 712-719.

[147] ЗИМЛ. Т. I, С. 717.

[148] ЗИМЛ. Т. II, С. 3.

[149] ЗИМЛ. Т. II, С. 4.

[150] ЗИМЛ. Т. II, С. 4.

[151] ЗИМЛ. Т. II, С. 3.

[152] ЗИМЛ. Т. II, С. 3.

[153] ЗИМЛ. Т. II, С. 4.

[154] ЗИМЛ. Т. II, С. 4.

[155] ЗИМЛ. Т. II, С. 3.

[156] Шавельский, Г. Последнее воссоединение с православною церковью униатов Белорусской епархии (1833–1839 гг.) / Г. Шавельский. – СПб.: тип. «Сельского вестника», 1910. – 380 с. С. 251-257.

[157] ЗИМЛ. Т. II, С. 15.

[158] ЗИМЛ. Т. I, С. 88.

[159] ЗИМЛ. Т. I, С. 88.

[160] ЗИМЛ. Т. III, С. 93.

[161] Например, ЗИМЛ. Т. III, С. 83; 85; 92-94; 135; 145-146.

[162] Киприанович, Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С. 133.

[163] Например, ЗИМЛ. Т. III, С. 181-183.

[164] Например, ЗИМЛ. Т. III, С. 87-88; 120-121.

[165] ЗИМЛ. Т. III, С. 87; 120; 169-170; 172-173; 177-178; 182; 204; 222-223; 269-270.

[166] ЗИМЛ. Т. III, С. 202; 203; 223; 258; 269-270; 277.

[167] ЗИМЛ. Т. III, С. 259.

- [168] Плавский принял Православие после 1839 г. Скоропостижно скончался в 1851 г. будучи настоятелем Белагичского прихода Литовской епархии. Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С. 120.
- [169] Дылевский принял рукоположение в унию после обучения в католической семинарии по причине желания вступить в брак. (ЗИМЛ. Т. III, С. 169-170). Его дальнейшая судьба неизвестна.
- [170] Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С. 96-97.
- [171] РГИА в Петербурге, ф. 711. оп. 1. Отчет Министра Внутренних Дел за 1835 г. л. 36.
- [172] Киприанович, Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С. 90.
- [173] ЗИМЛ. Т. III, С. 104.
- [174] Киприанович, Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С. 159.
- [175] Marian Radwan. Carat wobec kosciola greckokatolickiego... s. 140.
- [176] Например, ЗИМЛ. Т. III, С. 54-55.
- [177] ЗИМЛ, Т. II, С. 29-34.
- [178] ЗИМЛ. Т. II, С. 27.
- [179] ЗИМЛ. Т. II, С. 36.
- [180] ЗИМЛ. Т. II, С. 37.
- [181] ЗИМЛ. Т. II, С. 38.
- [182] ЗИМЛ. Т. II, С. 75.
- [183] ЗИМЛ. Т. II, С. 78.
- [184] ЗИМЛ. Т. II, С. 28.
- [185] ЗИМЛ. Т. II, С. 36.
- [186] Смолич И.К. История Русской Церкви. Кн. 8. Ч. 2. С. 340.
- [187] Толстой, Д.А. Очерк служения митрополита литовского Иосифа, скончавшегося в 1868 году. (Извлечение из отчета г. обер-прокурора Святейшего Синода графа Д.А.Толстого за 1868 год) / Д.А. Толстой // Христианское чтение, издаваемое при Санктпетербургской Духовной Академии. – СПб.: тип. Деп. Уделов, 1869. – Ч. 2. – С. 1077–1110. с. 1096; ср. Marian Radwan. Carat wobec kosciola greckokatolickiego w zaborze Rosyjskim 1796 – 1839. Roma-Lublin. Polski instytut kultury chrzescijanskiej, 2001. - 504 s. s. 174.
- [188] РГИА. Ф. 1661. – Оп. 1. – Д. 418. О происхождении и нынешнем состоянии Унии в России. л. 30.
- [189] Носко, М. Униатская церковь в начале XIX века и подготовка к воссоединению с Православием: Дисс...канд. Богословия: 2000 / М. Носко. – Московский Патриархат, Белорусская Православная Церковь, Минская Духовная Академия им. Свт. Кирилла Туровского, каф. Церковной Истории. Жировичи, 2000. – 158 с. С. 118.
- [190] Наумович И. Пятидесятилетие... С. 52.
- [191] Толстой Д.А. Иосиф митрополит Литовский... С. 60.
- [192] Киприанович, Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки...С. 177.
- [193] «Латинское духовенство с помещиками делалось смелее и смелее, – писал высокопреосвященный в своих воспоминаниях, – Оно вредило наветами и внушениями. Оно совращало Униатов и келейно и даже устраиваемыми для сего миссиями... Наущаемые Латинами и ободряемые потворством гражданских начальств, неблагонамеренные или колеблющиеся еще духовные из Униатов тоже становились смелее и дерзновеннее, особенно по Белорусской епархии. Здесь многие священники выходили прямо из повиновения преосвященному Василию, так что в ноябре месяце (1838 г. – А. Р.) воспоследствовало Высочайшее повеление, чтобы строптивых священников отправлять в Великорусские монастыри» [ЗИМЛ. Т. I, С. 114-115].
- [194] ЗИМЛ. Т. II, С. 79-80.
- [195] ЗИМЛ, Т. II, С. 80.
- [196] ЗИМЛ, Т. II, С. 81.
- [197] ЗИМЛ, Т. II, С. 81.
- [198] Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам, издаваемое под редакцию преосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. Т. 2, – СПб.: в синодальной типографии, – 1885, С. 446-451.
- [199] РГИА в Петербурге. Ф. 1661. оп. 1. д. 416. Постановление Высочайше утвержденного Секретного Комитета для совещания о мерах касательно воссоединения униатской церкви. 1838 г. декабря 22 и 26. л. 1.
- [200] РГИА в Петербурге. Ф. 1661. оп. 1. д. 416. Постановление Высочайше утвержденного Секретного Комитета для совещания о мерах касательно воссоединения униатской церкви. 1838 г. декабря 22 и 26. л. 18 об.-19.
- [201] РГИА в Петербурге. Ф. 1661. оп. 1. д. 416. Постановление Высочайше утвержденного Секретного Комитета для совещания о мерах касательно воссоединения униатской церкви. 1838 г. декабря 22 и 26. л. 18 об..

- [202] РГИА в Петербурге. Ф. 797. оп. 87. д. 22. л. 1-7.
- [203] Смолич И. К. История Русской Церкви. Кн. 8. Ч. 2. С. 342.
- [204] Толстой Д.А. Иосиф митрополит Литовский... С.62.
- [205] РГИА в Петербурге. ф. 1661. оп. 1. д. 415. л. 59-60.
- [206] РГИА в Петербурге. ф. 1661, оп. 1, д. 416. Постановление Высочайше утвержденного Секретного Комитета для совещания о мерах касательно воссоединения Греко-унитской церкви. 1838 г. декабря 22 и 26. л.20-20 об.
- [207] ЗИМЛ. Т. III, С. 460-461.
- [208] ЗИМЛ. Т. III, С. 477-478.
- [209] ЗИМЛ. Т. III, С. 423; 424-425; 450-451; 452; 474; 476; 480-481; 493; 509-510; 513; 531-532; 532-533; 605.
- [210] Например, Z.Dobrzynski. Prawoslawni i grekokatolicy... s.65; Likowski E. Dzieje kościoła unickiego na Litwie i Rusi w XVIII i XIX wieku uwzględniające ze względu na przyczyny jego upadku. – Warszawa: Druk.P.Laskauer, 1906. – Cz. 1–2. s. 124.
- [211] РГИА в Петербурге. Ф. 1661. оп. 1. д. 415. Журнал заседаний Синода по вопросу воссоединения униатов с Православной церковью с указами Синода епископам Зап. губерний по осуществлению воссоединения, письма из Витебска о ходе воссоединения. л. 43. Согласно штатам, принятым для духовенства в 1842 г. 100 р. в год получал дьячек в храмах губернских и уездных городов.
- [212] ЗИМЛ. Т. III, С.554-555; 665-667.
- [213] Marian Radwan. Carat wobec kościoła greckokatolickiego... s. 171.
- [214] ЗИМЛ. Т. I, С. 129.
- [215] Василий (Лужинский), архиеп. Записки... С.166.
- [216] Там же, С.189.
- [217] РГИА в Петербурге. Ф. 1661. оп. 1. д. 415. Журнал заседаний Синода по вопросу воссоединения униатов с Православной церковью с указами Синода епископам Зап. губерний по осуществлению воссоединения, письма из Витебска о ходе воссоединения. л. 18.
- [218] Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С. 212.
- [219] Единственной местностью, где бывшие униаты оказали сопротивление был Овручский уезд Киевской губернии, относившийся к Белорусской епархии. Здесь подготовительные к воссоединению мероприятия не проводились вообще. В результате в отдельных приходах часть людей отказалась исповедоваться и причащаться у воссоединенных священников. Благодаря кротким увещаниям направленного туда 22 июля 1839 г. игумена Тригурского монастыря Леонтия Скибовского к октябрю того же года все упорствовавшие согласились на присоединиться к Православию и приняли св. Таинства в своих церквях (ЗИМЛ. Т. II, С. 130-131; 133).
- [220] ЗИМЛ, Т. I, С. 132; сравн. Смолич И.К. История Русской Церкви...С. 343; Шавельский Г, протопресвитер. Последнее воссоединение с Православной Церковью... С. 310.
- [221] ЗИМЛ, Т. I, С.132.
- [222] Чистович И. Пятидесятилетие (1839-1889) воссоединения... С.64.
- [223] Marian Radwan. Carat wobec kościoła greckokatolickiego... s. 185.
- [224] Marian Radwan. Carat wobec kościoła greckokatolickiego... s. 140.
- [225] Z.Dobrzynski. Prawoslawni i grekokatolicy w dawnej Polsce. Cz. II, s.64-65.
- [226] ЗИМЛ. Т. I, С. 147-150.
- [227] ЗИМЛ. Т. I, С.253.
- [228] ЗИМЛ. Т. I, С.128.
- [229] ЗИМЛ. Т. I, С.134.
- [230] ЗИМЛ, Т. I, С.135.
- [231] ЗИМЛ, Т. I, С.135.
- [232] ЗИМЛ, Т. II, С.124.
- [233] «Всех древлеправославных в тогдашней Виленской губернии было немного более полуторы тысячи, не считая в этом числе чиновников и военных г.Вильны и уездных городов» (Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С.223).
- [234] Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С.223;
- [235] ЗИМЛ, Т. III, С.751.
- [236] Проблемы при передаче воссоединенных церквей под власть местных православных архиереев возникли на Украине. Подольский епископ Кирилла оказался не готов безоговорочно принять бывших униатов. Он сразу же поставил вопрос об отрешении от должности тамошнего воссоединенного благочинного Лабейковского, не снизойдя к его несоответствию требованиям к древлеправославному начальствующему духовенству (ЗИМЛ. Т. III, С.535). Помимо того владыка Кирилл не понимал иерархического принципа воссоединения и хотел развернуть работу по сбору подписок о

присоединении к Православию с простого народа. Против этого решительно восставал преосвященный Иосиф (ЗИМЛ. Т. II, С. 138). Мешало и «сильное предубеждение против древле-православных начальств со стороны вновь подчиняемых им воссоединенных» (Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С. 235). В итоге, переподчинение украинских приходов местному епархиальному управлению в 1840 г. было «отложено до будущего» (ЗИМЛ. Т. I, С. 135). Оно совершилось только через год, после длительных переговоров владыки Иосифа с местными правящими архиереями и убеждения своих украинских пасомых (ЗИМЛ. Т. II, С. 176).

[237] РГИА в Петербурге. ф. 824. оп. 1, д. 117. л. 7.

[238] ЗИМЛ. Т. II, С. 127-128.

[239] ЗИМЛ. Т. III, С. 480.

[240] ЗИМЛ. Т. III, С. 506-507.

[241] Римский С.В. Конфессиональная политика России в Западном крае и Прибалтике XIX столетия. // Вопросы истории. 1998. – №3. – С. 25-44. С. 27.

[242] РГИА в Петербурге. ф. 1661. оп. 1. д. 420. л. 4. Во времена унии некоторая часть приходов имела населенные имения с крепостными крестьянами. В Литовской епархии их было 157 с 2337 крестьянами, а в Белорусской 83 с 4107 крепостными (Marian Radwan. *Carat wobec kosciola greckokatolickiego...* s. 198-199). Это не много, но на таких приходах священники получали дополнительный доход и в меньшей степени зависели от помещиков.

[243] ЗИМЛ. Т. I, С. 145.

[244] Там же, С. 239.

[245] Там же, С. 239-240.

[246] ЗИМЛ. Т. I, С. 140, 148; Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С. 251.

[247] ЗИМЛ. Т. I, С. 153.

[248] ЗИМЛ. Т. II, С. 226.

[249] ЗИМЛ. Т. II, С. 229.

[250] ЗИМЛ. Т. II, С. 146-147.

[251] ЗИМЛ. Т. I, С. 254.

[252] Во всей этой возне явно прослеживалась рука польско-католической партии, которая имела в Петербурге своих представителей (Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С. 251-252).

[253] ЗИМЛ. Т. I, С. 155-156.

[254] ЗИМЛ. Т. I, С. 254; срав. Т. I, 151

[255] ЗИМЛ. Т. I, С. 265.

[256] ЗИМЛ. Т. I, С. 157.

[257] Перед этим он написал конфиденциальное письмо Московскому святителю Филарету, в котором описал свое тягостное положение, созданное в столице интригами и недоброжелательством. В ответе митрополит Филарет утешал своего собрата и убеждал его не удаляться на покой, а послужить еще Церкви при помощи Божией (ЗИМЛ. Т. II, С. 240-245).

[258] Гродненская губерния в то время занимала территорию современных Гродненской и Брестской областей.

[259] Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С. 225-226; Чистович И. Пятидесятилетие (1839-1889) воссоединения с православной церковью западно-русских униатов. Обзор событий воссоединения в царствование императора Николая I-го. – СПб., 1889, С. 62.

[260] ЗИМЛ. Т. I, С. 167-168.

[261] ЗИМЛ. Т. I, С. 169.

[262] ЗИМЛ. Т. I, С. 169-174.

[263] ЗИМЛ. Т. I, С. 174.

[264] ЗИМЛ. Т. II, с. 215-216.

[265] В записке обер-прокурору от 26 сентября 1839 года высокопреосвященный Иосиф указывал на желательность соединения управлений католической и Православной Церквей в России. «Я уверен, - пишет он, - что при таковом общем управлении, при благоразумии, можно было бы наблюсти гораздо лучше нынешнего существенной пользы обеих церквей, устранить бесполезную борьбу обеих духовенств, возжигаемую часто без всякой нужды взаимным недоумением или частным интересом, и тихими кроткими мерами приготовить и совершить присоединение к Церкви Православной жителей западных губерний Римского исповедания, принадлежащих некогда по большей части к той же Церкви» (ЗИМЛ. Т. II, С. 101).

[266] «Перемену костюма, - писал владыка Протасову в 1839 году, - лучше как можно долее откладывать, даже после причисления воссоединенных священников к епархиям древлеправославным... Прихожане Римские по большей части не могут отвыкнуть смотреть на духовенство воссоединенное, как на свое; да и сами низшие Римские священники могут быть по большей части расположены таковою снисходительностью Православного начальства: так что это обстоятельство будет иметь весьма важное влияние на присоединение Римлян к Православию» (ЗИМЛ. Т. II, С. 101).

- [267] ЗИМЛ. Т. II, С. 367.
- [268] ЗИМЛ. Т. I, С. 367.
- [269] Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С.284.
- [270] ЗИМЛ. Т. I, С. 187, 267.
- [271] Например, много воссоединенных привлекал праздник св. Антония в монастырях бернардинов, что было связано с тем, что по поверью этот святой защищает лошадей от воров, а украденных возвращает (ЗИМЛ. Т. II, С. 404).
- [272] ЗИМЛ. Т. II, С. 125-126.
- [273] ЗИМЛ. Т. III, С. 495-496.
- [274] ЗИМЛ. Т. II, С. 400.
- [275] Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С. 393.
- [276] ЗИМЛ. Т. II, С. 300.
- [277] ЗИМЛ. Т. I, С. 143.
- [278] ЗИМЛ. Т. II, С. 265-266.
- [279] ЗИМЛ. Т. III, С. 873.
- [280] Напр. ЗИМЛ. Т. III, С. 1277-1278; Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С. 377-379.
- [281] ЗИМЛ. Т. II, С. 346.
- [282] ЗИМЛ. Т. II, С. 475-476; срав. Извеков Н.Д. Исторический очерк состояния ... С. 445.
- [283] ЗИМЛ. Т. III, С. 883-884, 898-899.
- [284] ЗИМЛ. Т. I, С. 192.
- [285] ЗИМЛ. Т. III, С. 728.
- [286] Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С. 260.
- [287] ЗИМЛ. Т. III, С. 733.
- [288] ЗИМЛ. Т. II, С. 356.
- [289] ЗИМЛ. Т. II, С. 356.
- [290] ЗИМЛ. Т. II, С. 335. В этом же году Виленский женский монастырь был закрыт (Извеков Н.Д. Исторический очерк состояния... С. 241
- [291] Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С. 277
- [292] Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С. 280.
- [293] ЗИМЛ. Т. II, С. 336-337.
- [294] ЗИМЛ. Т. I, С. 154.
- [295] ЗИМЛ. Т. I, С. 231; Т. II, С. 586-587.
- [296] ЗИМЛ. Т. III, С. 1085-1089.
- [297] ЗИМЛ. Т. II, С. 616-618.
- [298] ЗИМЛ. Т. I, С. 230.
- [299] ЗИМЛ. Т. III, С. 1105-1106.
- [300] ЗИМЛ. Т. I, С. 241; Т. II, С. 655.
- [301] ЗИМЛ. Т. II, С. 690.
- [302] Сведения о недостатках в церквях Литовской епархии. // ЛЕВ. –1863. – №2. С. 59-60.
- [303] ЗИМЛ. Т. III, С. 1194.
- [304] ЗИМЛ. Т. III, С. 1173-1174.
- [305] ЗИМЛ. Т. III, С. 1192.
- [306] ЗИМЛ. Т. III, С. 1193.
- [307] ЗИМЛ. Т. III, С. 1193.
- [308] ЗИМЛ. Т. III, С. 1197-1199.
- [309] ЗИМЛ. Т. II, С. 622-623; Т. III. С. 1210, 1215, 1216-1217, 1226-1227, 1228, 1257.
- [310] ЗИМЛ. Т. I, С. 239.
- [311] ЗИМЛ. Т. II, С. 622-623.
- [312] Римский С.В. Конфессиональная политика... С. 27.
- [313] Миловидов А.И. Заслуги графа М.Н.Муравьева для Православной Церкви в Северо-Западном крае. -Харьков: Губ. тип., 1900. 92 с., С. 53.
- [314] ЗИМЛ. Т. III, С. 993-994.
- [315] ЗИМЛ. Т. III, С. 993-994.
- [316] ЗИМЛ. Т. III, С. 993-994.
- [317] ЗИМЛ. Т. II, С. 418; 678-681.
- [318] ЗИМЛ. Т. II, С. 514-515.
- [319] ЗИМЛ. Т. I, С. 229; Т. II, С. 580-584.
- [320] ЗИМЛ. Т. II, С. 513-514.
- [321] Сергей Утрата, диакон. Восстание 1863-1864 гг. и церковная жизнь в Белоруссии. / Дис... канд. Богословия. – Жировичи, 2000. – 201 с.: ил. – В надзаг.: Московский Патриархат, Белорусская

Православная Церковь, Минская Духовная Академия имени святителя Кирилла Туровского, каф. Церковной Истории. С.25.

- [322] ЗИМЛ. Т.І, С. 561.
- [323] ЗИМЛ. Т.І, С. 562.
- [324] ЗИМЛ. Т.ІІ, С. 321.
- [325] ЗИМЛ. Т.ІІ, С.324-325.
- [326] ЗИМЛ. Т.ІІ, С.307.
- [327] ЗИМЛ. Т.І, С.181-182; Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С.269.
- [328] ЗИМЛ. Т.ІІ, С.326-327.
- [329] ЗИМЛ. Т.ІІ, С.314.
- [330] ЗИМЛ. Т.І, С.193.
- [331] ЗИМЛ. Т.ІІ, С.404.
- [332] ЗИМЛ. Т.І, С.140.
- [333] РГИА в Петербурге. ф. 821. оп. 10. д. 256. л. 97-107.
- [334] Marian Radwan. Carat wobec kosciola greckokatolickiego... s. 206.
- [335] ЗИМЛ. Т.ІІ, С.349-351.
- [336] ЗИМЛ. Т.ІІ, С.331-334, 354-356.
- [337] Например, дело совратившегося из Православия в латинство бухгалтера Лидского казначейства Петра Образцова (ЗИМЛ. Т.ІІ, С.409-411), дело о чиновнице Корецкой, перешедшей с сестрой и матерью в католичество (ЗИМЛ. Т.ІІ, С.411-413), дело о трех мещанах местечка Цехановца (ЗИМЛ. Т.ІІІ, С.888).
- [338] ЗИМЛ. Т.ІІ, С.413-414.
- [339] ЗИМЛ. Т.ІІ, С.297.
- [340] ЗИМЛ. Т.ІІ, С.396-397.
- [341] ЗИМЛ. Т.ІІ, С.297.
- [342] ЗИМЛ. Т.ІІ, С.297-298.
- [343] Например, вице-директор обер-прокурора Синода графа Протасова был католик (см. Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С.252).
- [344] ЗИМЛ. Т.ІІ, С.373.
- [345] ЗИМЛ. Т.ІІ, С.426.
- [346] ЗИМЛ. Т.І, С.137; ЗИМЛ. Т.ІІ, С.231; ЗИМЛ. Т.ІІ, С.320.
- [347] ЗИМЛ. Т.І, С.137.
- [348] ЗИМЛ. Т.ІІ, С.231.
- [349] ЗИМЛ. Т.ІІ, С.320.
- [350] Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С.280-281.
- [351] ЗИМЛ. Т.ІІ, С.335-342.
- [352] Z.Dobrzynski. Prawoslawni i grekokrtolicy... s.65; E.Likowsky. Dzieje kosciola unickiego... s.339-340.
- [353] ЗИМЛ. Т.ІІ, С.594-597.
- [354] РГИА. ф.796, оп. 205, д. 282,л.34.
- [355] Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С.277. «По сведениям, добытым виленским кафедральным протоиереем Гомолицким от его приятеля, доминиканского монаха, разъяснилось, что Мечиславская была подготовлена для роли мнимой мученицы неприязненной России партией, в одном из виленских женских монастырей, в 1845 г., в период перенесения в Вильно из Жирович православного епархиального управления. Вышеупомянутый доминиканец, пишет Иосиф в своих неизданных записках (в 1862 г.), указал по именам всех польских баринь, устроивших это дело, а так же указал латинских монахинь (сестер милосердия), которые избрали и снарядили особу, названную ими «Мечиславскою». По словам доминиканца, Мечиславская была отправлена с паспортом в прибалтийское местечко Поланген, Курляндской губ. (принадлежащее графам Тышкевичам), под видом пользования морскими купаньями, а из Полангена она препровождена была через границу в Пруссию и далее. Сведениям этим Иосиф не мог своевременно дать официального хода, не желая выдать доминиканца да притом зная, что заинтересованные в этой истории лица сумели бы, конечно, припрятать концы в воду, и вышла бы одна только суматоха, которую могли бы обратить во вред православия. О той же самозванке Мечиславской сам Иосиф впоследствии слышал от одного лица, бывшего в Риме, следующее забавное обстоятельство. Своими сенсационными рассказами Мечиславская обратила на себя внимание тогдашнего папы Григория XVI. Он лично посетил ее в монастыре, расспрашивал о многом и между прочим спросил, каким образом она не ушиблась, выскочив из второго этажа, и даже была в силах бежать дальше из Мядельского монастыря – места своего заключения. «Снег, на который я упала, охранил меня от ушиба», отвечала самозванка. – «Хотя я житель юга», заметил папа, «а все-таки знаю, что в России в июне месяце снега не бывает». Иначе

отнесся к Мечиславской известный недруг России, папа Пий IX. Он подарил ей дом для открытия в нем базилианского монастыря. Здесь жила пресловутая мученица до своей смерти в 1869 году. Здесь же она продолжала занимать путешественников фантастическими рассказами о гонении на униатов в России, в роде рассказа, помещенного одной французской путешественницей в книге под заглавием «Рим» (Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С.282-283).

[356] ЗИМЛ. Т. II, С.148.

[357] ЗИМЛ. Т. II, С.311.

[358] ЗИМЛ. Т. I, С.207.

[359] ЗИМЛ. Т. II, С.448.

[360] Удивительно, но владыка просил правительство оставить его проживать в Вильно, объясняя это следующим образом: «Не удивляйтесь, Ваше Сиятельство, что я не устраниюсь от Вильно. Мне не предстоит лучшего выбора. Да притом здесь для меня готов и гроб под мощами святых Виленских мучеников – и, кажется, есть в природе человека, что ему дорого то место, где он страдал за правду и для доброго дела» (ЗИМЛ. Т. I, С.212).

[361] ЗИМЛ. Т. I, С.215.

[362] Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С.327.

[363] ЗИМЛ. Т. II, С. 545.

[364] Киселев А.А. Система управления и чиновничество белорусских губерний в конце XVIII – первой половине XIX в. – Мн.: УО «Военная академия Республики Беларусь», 2007. – 153 с. С. 63-85.

[365] Русско-польские отношения. Некоторые замечательные по этому поводу мысли, слова, речи, размышления и рассуждения. – Вильна, 1897. С. 16.

[366] Тихомиров Л.А. Христианство и политика. – М.: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1999. – 616 с., С.267.

[367] Черепица В.Н. Польское национальное движение в Белоруссии (последняя треть XIX века): факты-события-комментарии. – Гродно, 1996. – 142 с. С.11.

[368] Сборник историко-статистических материалов по Виленской губернии. Ч.1, – Вильно, 1868. – 262 с. С.56.

[369] Цит. по Лазутко С.А. Революционная ситуация в Литве 1859-1862. – М., 1961, С.183. В положительной оценке процесса развития польскости в Литве с поляком Сераковским удивительно единодушен белорус Цвикевич: «Конец 50-х начало 60-х годов были ... периодом всестороннего возрастания культуры края, правда, культуры польской, но славной и отразившей луч своего расцвета далеко на восток» (Цвікевіч А. «Западно-руссизм»: Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў пачатку XIX і пачатку XX в. / Пасьляслоўе А. Ліса. 2-е выд. – Мн.: Навука і тэхніка, 1993. – 352 с., С.104). Причем очень неубедительно выглядят его дальнейшие рассуждения в сослагательном наклонении о том, что возможно рядом с польской культурой выросла бы и национальная белорусская. Об отношении польскости к иным культурам можно судить по нетерпимости, царившей в Речи Посполитой. В свою очередь мы теперь знаем о том положении, в котором оказалась белорусская культура в Польше в 20-е и 30-е годы XX столетия.

[370] Всеподданнейший отчет графа М.Н.Муравьева по управлению Северо-Западным краем (с 1 мая 1863 г. по 17 апреля 1865 г.) // Русская старина. – СПб., 1902. – Т.110. С.488.

[371] ЗИМЛ. Т. II, С.646; Т. III, С.1158-1159; 1190.

[372] ЗИМЛ. Т. III, С.1227; 1233-1235; 1249-1250. Большое возмущение святителя вызвал случай с принявшим Православие бывшим ксендзом Антонием Петкевичем, назначенным в Вильно цензором издаваемой на самогитском и литовском языках католической литературы и законоучителем в двух женских светских училищах. Этот добросовестный и ревностный священник был в 1859 г. отстранен от должности законоучителя попечителем Виленского учебного округа по незначительной формальной причине. Но на самом деле, по признанию помощника попечителя князя Шахматова-Ширинского, по причине того, что он был неприятен римским католикам. По этому поводу митрополит Иосиф писал в Синод: «Боже праведный! Неужели мы в Туреччине. С которого же времени в Церкви Русской Православной должно избирать пастырей, не тех, которые способны и достойны служить ей с пользою, но тех, которые приятны и угодны для иноверцев! Неужели должно гнать и отвергать достойного священнослужителя, потому только, что он по убеждению присоединился к Православной Церкви и доверил ей свою участь! Ведь на том же основании (сказал я) должно пожертвовать иноверцам и двумя тысячами воссоединенного духовенства, которое состоит на лоне Православной Церкви малым чем более, как Петкевич» (ЗИМЛ. Т. II, С. 639).

[373] ЗИМЛ. Т. II, С.642-646.

[374] ЗИМЛ. Т. II, С.631-632.

[375] Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С.345.

[376] Распоряжение Виленского генерал-губернатора М.Н.Муравьева начальникам губерний: Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, Могилевской и Витебской. // ЛЕВ. – 1864. – №3. С.69-73.

[377] В июне 1858 г. в м. Порозово Волкловысского уезда от Православия отступили более ста прихожан. Это произошло под влиянием экзальтированной католической службы и проповеди во время праздника св. Антония в местном костеле. Только в сентябре этого же года с помощью увещаний преосвященного Игнатия, второго викария Литовской епархии, удалось убедить их, кроме 19-ти человек, вернуться в лоно Церкви (ЗИМЛ. Т.І, С.239; Т.ІІ, С.626-630; Т.ІІІ, С.1217-1224). На этом случае польская партия постаралась сделать себе политический капитал и в 1859 г. в иностранной печати появилась статья, в которой клеветнически утверждалось, что для возвращения Порозовских крестьян в Православие применялись телесные наказания. Назимов принял на веру эту фальшивку и даже распорядился, чтобы местные полицейские власти в подобных делах «не принимали на себя мер судебно-полицейской расправы» (ЗИМЛ. Т.ІІ, С.651). По этому поводу высокопреосвященный Иосиф написал генерал-губернатору подробное «отношение» с объяснением всех тонкостей Порозовского дела и доказательством неуместности и вредности его распоряжения (ЗИМЛ. Т.ІІ, С.650-655).

[378] ЗИМЛ. Т.І, С.246. Небольшой городок Клещель располагался на границе Литовской епархии рядом с Царством Польским. В 20-ти верстах от этого городка в пределах Польши находилось местечко Янов. Здесь в 1860 г. в результате организованных латинским и униатским духовенством Царства Польского торжественных крестных ходов, богослужений и фанатичных проповедей перед мощами св. Виктора, переданными сюда из Рима папой, в католичество явно совратилось до 300 человек клещельских прихожан, из числа многих сотен специально ходивших туда на католические торжества. Кроме того, было обнаружено, что ксендзы из Польши регулярно приезжают в приграничные местечки и города белорусско-литовского края и проповедуют не только среди католиков, но и среди православных. Владыка обеспокоился этим и испросил у властей запрещение ксендзам из Царства Польского проповедовать на территории Литвы, а так же принял меры кроткого увещания для возвращения отступивших в Клещеле на лоно Церкви. 8 из них было отправлено на увещание в монастырь, где они скоро раскаялись (ЗИМЛ. Т.ІІ, С.685-689; Т.ІІІ, С.1262; 1265-1266; 1277-1280).

[379] ЗИМЛ. Т.ІІ, С.690.

[380] ЗИМЛ. Т.ІІ, С.691.

[381] Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С.351.

[382] ЗИМЛ. Т.ІІ, С.635.

[383] ЗИМЛ. Т.ІІ, С.635-636.

[384] ЗИМЛ. Т.ІІ, С.633-638.

[385] ЗИМЛ. Т.ІІ, С.626.

[386] ЗИМЛ. Т.ІІІ, С.982.

[387] ЗИМЛ. Т.ІІІ, С.981.

[388] ЗИМЛ. Т.ІІІ, С.973.

[389] ЗИМЛ. Т.ІІІ, С.1108.

[390] ЗИМЛ. Т.ІІІ, С.1241-1243; ЗИМЛ. Т.ІІ, С.629.

[391] Римский С.В. Конфессиональная политика России в Западном крае и Прибалтике XIX столетия. // Вопросы истории. – 1998. – №3. С.41.

[392] ЗИМЛ. Т.ІІ, С.672-673.

[393] ЗИМЛ. Т.І, С.245; Т.ІІ, С.674.

[394] ЗИМЛ. Т.ІІІ, С.1254-1255.

[395] ЗИМЛ. Т.ІІ, С.702.

[396] Барсов Т.В. Святейший Синод в его прошлом. – СПб., 1896, С.404.

[397] ЗИМЛ. Т.І, С.246.

[398] Киприанович, Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С. 366.

[399] Барсов Т.В. Синод в его прошлом... С.405.

[400] РГИА. в Петербурге. Ф.796, оп.205, д.281, л.1-3; ЗИМЛ. Т.ІІ, С.696-698.

[401] РГИА в Петербурге. Ф.1281, оп.6, д.29, л.115-116.

[402] Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С.384.

[403] Сергей Утрата, диакон. Восстание 1863-1864 гг. ... С.33-34.

[404] ЗИМЛ. Т.І, С.244.

[405] Коялович М.О. Поездка в середину Белоруссии. – СПб.: тип. Деп. Уделов, 1887. – 17 с. С. 8.

[406] Новооткрытые Записки Иосифа, митрополита Литовского. // Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С.383.

[407] Брянец П.Д. Польский мятеж 1863 г. – Вильна: тип. А.Г.Сыркина, 1892.- 263 с., С.154.

[408] Предписание Высокопреосвященнейшего Иосифа, Митрополита Литовского и Виленского, всем благочинным Церквей и Монастырей от 19 Декабря 1861 г. // ЛЕВ. –1863. – №2. С.43-46.

[409] Там же.

[410] Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С.389.

- [411]Новооткрытые Записки Иосифа, митрополита Литовского. // Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С.533.
- [412]РГИА в Петербурге. Ф.796, оп.205, д.281. Высочайший Рескрипт о награждении Высокопреосвященного Иосифа, Митрополита Литовского, алмазными знаками ордена св. Андрея Первозванного. л.47.
- [413]Новооткрытые Записки Иосифа, митрополита Литовского. // Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С.533.
- [414]Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С.403.
- [415]Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки...С.395-399.
- [416]Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки...С.403-404.
- [417]Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки...С.393-395.
- [418]От редакции // ЛЕВ. – 1863. – №1. С.1-2.
- [419] Slawomir Kalembki. Powstanie Styczniowe 1863-1864. Warszawa, 1990. s.349.
- [420] Грыгор’ева В.В. Русіфікацыя насельніцтва і канфесіянальная палітыка царызму на Беларусі (1861-1904) // Канфесіі на Беларусі... С.68.
- [421]Муравьев М.Н. Записки... // Русская старина. 1882. С.390. Назимов не был ни недалеким ни слабым. Он был либералом в полном смысле этого слова и действительно сочувствовал польским патриотам и католическому духовенству. Ксендз И. Маевский, арестованный в 1861 г. за организацию манифестации в Гродненском фарном костеле пишет, что ему во время следствия постоянно помогали оправдаться члены военного суда – русские офицеры. В свою очередь, он свидетельствует, что Назимов не только в то время интересовался его судьбой, но и «впоследствии продолжал оказывать...свое доброжелательное участие» Маевский И. Гродненская процессия 14 августа 1861 г. Сообщил ксендз И. Маевский // Русская старина. 1891. т. 70, май. С. 489-497. С. 495.
- [422]Манифест польского правительства и временного провинциального правительства Литвы и Белоруссии о наделении крестьян землей. // История Беларуси в документах и материалах / Авт.-сост. И.Н.Кузнецов, В.Г.Мазец – Мн.: Амалфея, 2000. – 672 с. С.193.
- [423]Наумович И. Пятидесятилетие (1839-1889) воссоединения с Православною Церковью западно-русских униатов. Соборные деяния и торжественные служения в 1839 году. - СПб. 1889. 71 с. С.55.
- [424]Там же, С.56.
- [425]Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С.407.
- [426]Орловский Е. Граф М.Н.Муравьев как деятель над укреплением прав русской народности в Гродненской губернии. 1831-1835гг. и 1863-1865 гг. – Гродно, 1898. 31 с., С.28.
- [427]Муравьев М.Н. Записки... // Русская старина. 1882, С.402.
- [428]Там же. С.399.
- [429]Предложение Высокопреосвященнейшего Иосифа, митрополита Литовского и Виленского консистории об отмене его поездки к минеральным водам. // ЛЕВ. 1863. №11. С.357-358.
- [430]Сергий Утрата, диакон. Восстание 1863-1864 гг. ... С.57.
- [431]Наумович И. Пятидесятилетие (1839-1889)воссоединения...С.55-63.
- [432] В убийстве священника Прокоповича принимал участие местный ксендз Моравский (Карпович О.В. Участие духовенства в повстанческом движении на Белорусских землях в 1863 г. // Хрысціянства ў гістарычным лесе беларускага народа: зб. навук. арт. / М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Гр.ДУ імя Я. Купалы, Ін-т гіст. НАНБ; рэдкал.: С.В. Марозава [і інш.]. – Гродна: ГрДУ, 2008. – 503 с. С. 116-119).
- [433] Там же, С.58-59, 61-63.
- [434] Цит. по Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С.411.
- [435]Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С. 411-412.
- [436]Там же, С.412.
- [437]Там же, С.413.
- [438] Новооткрытые Записки Иосифа, митрополита Литовского. // Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С.539.
- [439]Страдания православного духовенства от польских мятежников. //ЛЕВ. – 1863. – №№10, 11, 12 и т.д.
- [440]Цит. по Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С.425-426.
- [441]О распределении церквей по случаю упразднения Чарнавицкого и Свислочского благочиний. // ЛЕВ. –1863. – №22. – С.843-844.
- [442]Отчет о состоянии церковных школ Литовской епархии к 1 апреля 1863 г. // ЛЕВ. 1863. №19. С.726.
- [443]Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С.419.
- [444]Предложение Его Высокопреосвященства, господина Литовского и Виленского Митрополита, от 2 Марта за №658. // ЛЕВ. – 1863. – №6. – С.175.

- [445] Высочайший рескрипт Московскому Митрополиту Филарету. // ЛЕВ. – 1863. – №8. – С. 238-239; Постановления и распоряжения высшего начальства. Новая мера к улучшению православных церквей и народных школ в Западном крае. // ЛЕВ. – 1864. – №5. – С.139-141.
- [446] Постановления и распоряжения высшего начальства. Новая мера к улучшению православных церквей и народных школ в Западном крае. // ЛЕВ. – 1864. – №5. – С.139-141. Предложение Присутствия по делам Православного духовенства (Об учреждении кружек во всех церквях Империи для сбора пожертвований в пользу православных церквей и школ Западного края). // ЛЕВ. – 1863. – №14. – С.489-491.
- [447] Предложение Присутствия по делам Православного духовенства (Об учреждении кружек во всех церквях Империи для сбора пожертвований в пользу православных церквей и школ Западного края). // ЛЕВ. – 1863. – №14. – С.489-491.
- [448] Сообщение г. обер-прокурора святейшего синода от 12 истекшего ноября за №10044, последовавшее на имя его высокопреосвященства... // ЛЕВ. – 1864. – №24. – С.920. Сообщение Высокопреосвященнейшего Иосифа, Митрополита Литовского и Виленского, от 18 сентября за №2353. // ЛЕВ. – 1863. – №18. – С.674-675.
- [449] Коялович М.О. Историческое призвание западно-русского Православного духовенства // ЛЕВ. – 1863. – №1. – С.66-68.
- [450] Предложение Высокопреосвященного Иосифа, Митрополита Литовского, Литовской Духовной Консистории. // ЛЕВ. – 1864. – №24. С.913.
- [451] Миловидов А. Заслуги графа М.Н.Муравьева для Православной Церкви в Северо-Западном крае. Харьков, 1900. С.52.
- [452] Надо сказать, что ситуация в литовско-белорусских губерниях благоприятствовала такому начинанию. Восстание наглядно показало различие национальных интересов белорусов и поляков, польские дворянство, шляхетство и католическое духовенство покрыли себя позором убийств, насилий, грабежей и издевательств в боевых отрядах инсургентов. Помимо того, православные крестьяне были освобождены от крепостной зависимости от польских землевладельцев, парализовавшей раньше их волю.
- [453] Предложение Высокопреосвященного Иосифа, Митрополита Литовского, Литовской Духовной Консистории. // ЛЕВ. – 1863. – №24. С.913-914.
- [454] Сергей Утрата, диакон. Восстание 1863-1864 гг. ... С.126.
- [455] Предложение Высокопреосвященного Иосифа, Митрополита Литовского, духовенству Литовской епархии. // ЛЕВ. – 1863. – №24. С. 915-916.
- [456] Там же. С.916.
- [457] Там же. С.917.
- [458] Там же, С.918.
- [459] Предложение Высокопреосвященнейшего Иосифа, Митрополита Литовского и Виленского, духовенству Литовской епархии. // ЛЕВ. – 1865. – №3. С.89-90.
- [460] Об усугублении мер, чтобы никто из Православных не ходил к Богослужениям в костелы и не употреблял польских молитвенников. // ЛЕВ – 1864. – №15. С.531-532.
- [461] Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С.433.
- [462] Котович И., священник. Несколько слов о Виленской Кальварии и о посещении ее православными // ЛЕВ. – 1875. – №20. С. 172-174.
- [463] Правила для церковных советов в губерниях: Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской и Могилевской. // ЛЕВ. – 1864. – №14. С.515-517.
- [464] Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С.434.
- [465] Новооткрытые Записки Иосифа, митрополита Литовского. // Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С.534.
- [466] О правилах для учреждения православных братств. // ЛЕВ. – 1864. – №11. С.377-378.
- [467] Там же, С.434.
- [468] Открытие в Вильне православного Свято-Духовского братства. // ЛЕВ. – 1865. – №15. С.564-575; Устав Виленского православного Свято-Духовского братства. // ЛЕВ. – 1865. – №16. С.595-603.
- [469] Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С.441-443.
- [470] Извеков Н.Д. Исторический очерк состояния... С.96.
- [471] Сушков Н.В. Воспоминания о митрополите литовском и виленском Иосифе и об уничтожении унии в России. – М.: Унив. Тип., 1869. – 39 с. С. 16.
- [472] Сергей Утрата, диакон. Восстание 1863-1864 гг. ... С.135-151.
- [473] Киприанович Г. Исторический очерк Православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве с древнейшего до настоящего времени. – Вильна: ТИП. и.Блюмовича, 1895. 236 с., С.219.
- [474] Сергей Утрата, диакон. Восстание 1863-1864 гг. ... С.118. Надо сказать, что М.Н.Муравьев имел намерение создать в Вильно Духовную академию. Получив одобрение своего проекта у митрополита

Иосифа, он внес его в Западный комитет. По этому поводу особый комитет был составлен владыкой и в Вильно, но это дело не получило завершения из-за отрицательного отношения к нему святителя Филарета Московского.

[475] Сергей Утрата, диакон. Восстание 1863-1864 гг. ... С.118-119. В 1864 году высокопреосвященный Иосиф ходатайствовал перед М.Н.Муравьевым об открытии в Вильно женского первоклассного монастыря в зданиях закрытого латинского монастыря монахинь Визиток. Эта обитель была открыта в 1865 году при прямом содействии святителя Филарета Московского, приславшего из своей епархии двух монахинь. При новом монастыре был открыт приют для девочек сирот духовного звания и дочерей несостоятельных русских чиновников, которые здесь воспитывались и получали начальное образование (Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С.445-446).

[476] Новооткрытые Записки Иосифа, митрополита Литовского. // Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С.539.

[477] Двадцатипятилетие воссоединения униатов в Российской Империи. // ЛЕВ. – 1864. – №6. С.191.

[478] Там же, С.192.

[479] Там же.

[480] Там же, С.193.

[481] Там же, С.194.

[482] Там же, С.196.

[483] Цит. по Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С.439-440.

[484] РГИА в Петербурге. ф. 908. оп. 1. д. 285. л. 6-7 об.

[485] На одно из них, адресованное А.Н. Муравьеву, он получил такой ободряющий ответ: «Глубоко тронуло меня благосклонное письмо Ваше, можно сказать, заgrabное, потому что Вы уже смотрите, как бы отживший, на свои великие церковные дела, будто позабыв, что не может иссякнуть жизнь около Вас, доколе одушевляете своим присутствием воздвигнутую Вами паству; нет, не могут заживо умирать такие деятели, бессмертные и по временном своем исходе! Бодрствуйте еще с нами, ибо слово Ваше крепче всякого дела, и в дрожащей руке Вашей твердо еще управление церкви Вашей. Разве не инвалид и брат мой (М.Н. Муравьев – А.Р.), который одним глазом прозорливее видит многих, и, задыхаясь, сам душит крамолы. Побольше бы таких инвалидов, как Вы оба, и Русь бы окрепла» (РГИА в Петербурге ф. 796, оп. 205, д. 286, л. 30).

[486] Об ассигновании пособий из казны суммы на пенсии и пособия священнослужителям Епархиального ведомства и о принятии в руководство Временных Правил по сему предмету. // ЛЕВ. 1866. №20. С.835-853.

[487] Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С.455.

[488] Там же, С.473.

[489] Ведомость о лицах разного звания, присоединившихся к Православию в 1864 году по Литовской епархии. // ЛЕВ. – 1865. – №3. С.100.

[490] Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1866 г. // Христианское чтение. – Спб.: тип. Департамента Уделов, С. 282-316. С. 283.

[491] Смолич И.К. История Русской Церкви... С.307.

[492] Распоряжение Литовской Духовной консистории по Епархиальному ведомству. // ЛЕВ. – 1865. – №20. С.797-798; Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С.461-463.

[493] Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С.449-450.

[494] Цит по Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С.451-452.

[495] Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С.448.

[496] Высочайший Рескрипт Его Высокопреосвященству, Иосифу, Митрополиту Литовскому и Виленскому. // ЛЕВ. – 1866. – №7. – С.255.

[497] Цит. по Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С.476.

[498] Коялович М.О. Поездка в середину Белоруссии. (Очерк). – СПб., тип. Деп. уделов, 1887. – 17 с., С.15.

[499] Граф М.Н.Муравьев. Записки... // Русская старина. 1883. Т.36. С.163.

[500] Цит. по Комзолова А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в 1860 1870-х годах: «система» М.Н. Муравьева и ее дальнейшая судьба // Общественные науки и современность. – 2004. – №4. – С. 62-80. С. 72.

[501] Цвікевіч А. “Западно-руссизм”... С.109-111.

[502] Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С.477-480.

[503] Там же, С.480.

[504] Описание погребения Высокопреосвященного Иосифа, Митрополита Литовского и Виленского. // ЛЕВ. – 1868. – №23. – С. 1017-1060.

[505] Там же, С. 1024.

[506] Там же.

[507] Яноўская В.В. Змены ў стане канфесій на пачатку XX ст. Гістарыяграфія гісторыі Беларусі канца XVIII – пачатку XX ст.: праблемы, здабыткі, перспектывы / Н.В. Анофранка [і інш.]; навук. рэд. В.В. Яноўская. – Мінск: Беларус. Навука, 2006. – 447 с. с. 370-381 с.373-377.

[508] Текущий архив Отдела по делам религий и национальностей Областного исполнительного комитета Гродненской области. л. 156.

[509] ЛЕВ.1869. №5. С.301-303.